Цена номера 5 коп.

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центр. Ком. и Моск. Ком. ВКП (б)

РЕДАКЦИЯ. Телеграф. „ПРАВДА“. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат 5-64-74. Иностр. отдел 5-71-64. Парт. строит. 5-57-34. Сел. хозяйство 4-38-29. Советское стр. 4-40-07. Культ. развит. 4-31-73. Ночн. редакция 5-63-09, 5-19-65. Рукописи не возвращаются.

Москва, 9, Тверская, 48.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1930 ГОД: На 1 мес.—1 руб. 50 коп., на 3 мес.—4 руб. 50 коп., на 6 мес.—7 руб. 50 коп., на 12 мес.—14 руб. 60 коп. Почтовые марки в уплату за подписку не принимаются.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ НЕПРЕРЫВНО

Понедельник, 8 декабря 1930 г., № 337 (4782).

КОНТОРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

НА УГРОЗУ ИНТЕРВЕНЦИИ, НА ВЫЛАЗКИ И ВРЕДИТЕЛЬСТВО КЛАССОВЫХ ВРАГОВ: «ПРОМПАРТИИ», БЕЛОЭМИГРАНТОВ, МЕНЬШЕВИКОВ, ЭСЕРОВ, КАДЕТОВ И КУЛАКОВ

ОТВЕТИМ УКРЕПЛЕНИЕМ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, БЕСПОЩАДНОЙ РАСПРАВОЙ С АГЕНТАМИ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ, РАЗВЕРНУТЫМ НАСТУПЛЕНИЕМ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ!

РАБОЧИЙ КЛАСС СССР ВМЕСТЕ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРОЛЕТАРИАТОМ ВСЕГО МИРА ВДРЕБЕЗГИ РАЗОБЬЮТ ВСЯКИЕ ПОПЫТКИ ИНТЕРВЕНТОВ И ИХ АГЕНТОВ—КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-ВРЕДИТЕЛЕЙ.

Выше знамя сплошной коллективизации!

В сегодняшнем номере «Правды» напечатано постановление Колхозцентра СССР о проведении в январе месяце отчетно-перевыборной кампании в колхозах. Политическое значение этой кампании огромное: она призвана закрепить колоссальные успехи, достигнутые партией в колхозном строительстве, и заложить фундамент победы второй большевистской весны, она призвана содействовать еще большему развертыванию сплошной коллективизации и ликвидации на этой основе кулачества как класса.

Вопреки бешеному сопротивлению кулачества и его агентуры в наших собственных рядах, вопреки вредительству Кондратьевых—Юровских и меньшевиков Сухановых—Громанов, действовавших под руководством II интернационала социал-фашистов, партия одержала исключительную победу на фронте коллективизации, **перевыполнив пятилетку** колхозного строительства в **два года. Коллективизация** уже охватила около четверти всех крестьянских хозяйств Союза, при чем в **решающих** зерновых районах (Сев. Кавказ, Поволжье, Украина) средний процент равен 44. Свыше 5 миллионов бедняков и середняков деревни окончательно отказались от индивидуальной формы хозяйства и твердо перешли к коллективным формам хозяйства. Разве сможет кто отрицать, что **«нам удалось повернуть деревню на новый путь..., обеспечив тем самым успешное строительство социализма не только в городе, но и в деревне»** (Сталин)?!

Упорно преодолевая все трудности, нехватки и препятствия, колхозы за сравнительно короткий период уже успели показать всю свою жизненность и доказать на деле все свои огромные преимущества перед единоличным хозяйством. Блестяще провели колхозники первую большевистскую весну, **перевыполнив** программу посевных площадей, намеченную для колхозов в январском постановлении ЦК на 20 проц.! Прекрасные образцы весеннего трудового энтузиазма были местами еще превзойдены летом и осенью. Трудно найти в истории нашего сельского хозяйства хотя бы единичные примеры, подобные сотням и тысячам фактов исключительного трудового героизма, показанного широкими массами колхозников во время уборки. Новая, социалистическая форма организации труда и хозяйствования вызвала к жизни новое, социалистическое отношение крестьян к труду. Уже в первом году сплошной коллективизации одни колхозы дали около половины всей товарной зерновой продукции страны и тем самым доказали, что «судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы» (Сталин).

На примере важнейших и решающих хозяйственно-политических кампаний колхозники показали всю силу нашей новой, действительной и прочной опоры в деревне. Вдребезги разбита последняя ставка кулака на развал колхозов осенью путем возбуждения собственнических инстинктов у колхозников при хлебозаготовках и внесения раздора в их среду при распределении урожая. Несмотря на отдельные ошибки и извращения, колхозники, в общем, наметили правильный порядок распределения доходов (по количеству и качеству затраченного труда) и тем самым закрепили победу социалистической формы производства. Почти всюду колхозники идут впереди всех по хлебозаготовкам, досрочно выполняя и перевыполняя планы (**годовой** план колхозов по **всему Союзу** уже выполнен к 1 декабря на 93 проц.). Значительно расширили колхозники свои озимые посевы против прошлого года, а в поднятой зяби под весенние посевы 1931 года колхозная доля уже превышает 38 проц. всей пашни (т.-е. значительно больше процента коллективизации крестьянских хозяйств). Почти всюду колхозники первые выполняют свои финансово-налоговые обязательства пролетарскому государству. Наконец, масса колхозников чрезвычайно быстро откликнулась на последние факты раскрытого вредительства **встречными планами** по важнейшим кампаниям.

Подытоживая богатейший опыт борьбы и побед, широко популяризируя все результаты и достижения среди широчайших масс единоличников, надо вместе с тем обязательно вскрыть и те язвы, ошибки и недостатки, которые еще имеются в ряде колхозов. Малейшее замазывание этих ошибок будет на-руку только кулакам, ибо без их беспощадного разоблачения и энергичного исправления нельзя будет закрепить достигнутое, нельзя будет поднять колхозное движение на высшую ступень.

Весь огонь колхозной критики и самокритики надо направить в первую очередь против всех видов оппортунизма на практике, как против рецидивов «левацких» загибов, так и в особенности против правого оппортунизма, продолжающего оставаться главной опасностью.

Не надо забывать, что ряд колхозов еще засорен явно кулацкими элементами, что в руководящих органах некоторых колхозов сидят еще агенты кулака,—правые оппортунисты или герои «левацкой» фразы, своим р-р-революционным усердием также срывающие дело коллективизации и играющие на-руку тому же кулаку. Основными проявлениями всех этих видов оппортунизма в отдельных звеньях колхозного движения являются: неверие во взятые партией и безусловно поддерживаемые основной массой колхозников темпы социалистической реконструкции деревни, пасование перед трудностями и снижение (зачастую за спиною колхозной массы) планов важнейших мероприятий; потакание рваческим, потребительским или уравнительным настроениям отсталой части колхозников; пассивность, а порою и противодействие стремлению лучшей части колхозников перевести об'единения на более высокую ступень; замкнутость, колхозчванство, установление ненормальных взаимоотношений с единоличниками и отсутствие систематической, развернутой работы по вовлечению бедняцко-середняцкой части единоличников в колхоз; забвение интересов бедноты, самотечная, а порою заведомо неправильная политика в распределении нарядов на работу, приводящая не к подтягиванию имущественного положения батраков и бедняков к середнякам, а к углублению неравенства; отказ от организации батрацко-бедняцких групп там, где они безусловно должны быть созданы; отсутствие всякого руководства группами там, где они созданы, что приводит к пековщине и неправильным действиям самих групп; недостаточное привлечение самих колхозников к руководящей работе, бюрократизм, элементы командования, администрирование, слабая внутриколхозная демократия, совершенно недостаточная критика и самокритика и чрезвычайная слабость систематической работы по поднятию обще-культурного и политического уровня колхозной массы.

Все эти недостатки присущи, конечно, далеко не всем колхозам. Однако это ничуть не уменьшает необходимости сконцентрирования внимания всей колхозной массы во всех колхозах именно на этих важнейших вопросах колхозного строительства. Отчетно-перевыборная кампания должна беспощадно ударить по всем проявлениям правого и «левацкого» оппортунизма, творящего в колхозах дело кулака. Надо решительно очищать колхозные ряды от кулацких элементов, надо решительно оздоровить руководство всех тех колхозов, которые своей оппортунистической практикой сорвали успех важнейших хозяйственно-политических кампаний (распределение доходов, хлебозаготовки, осенняя посевная, животноводство, работы по коллективизации). Надо более решительно выдвинуть на руководящую работу лучших ударников и лучших общественников-вербовщиков в колхозы, закалившихся в героической борьбе за победу коллективизации.

Огромнейшую положительную роль в успехах коллективизации сыграло наше пролетарское шефство и, в частности, 25-тысячники. Ничуть не замазывая отдельных недостатков в подборе двадцатипятитысячников, надо однако решительно ударить по кулацким попыткам на основе неудач отдельных товарищей опорочить идею пролетарского руководства коллективизацией. Наоборот, отчетно-перевыборная кампания, совпадающая как раз с первой годовщиной посылки 25-тысячников в деревню, должна превратиться во внушительную демонстрацию колхозников за дальнейшее укрепление пролетарского руководства деревней.

Отчетно-перевыборная кампания должна превратиться в **генеральный, массовый смотр** всей нашей работы по коллективизации. Этот смотр должен быть проведен **под знаменем борьбы за окончательную победу сплошной коллективизации** и ликвидации кулачества как класса. В него должны быть вовлечены широчайшие массы бедняков и середняков — единоличников—завтрашних колхозников. Жесточайшая критика и самокритика оппортунистической практики в руководящих органах и отсталых настроений в отдельных прослойках самой колхозной массы прочистит путь для дальнейшего под'ема коллективизации в деревне. Максимальное развязывание творческой инициативы масс, широчайший сбор предложений во встречный план второй большевистской весны и в особенности по линии животноводства, где колхозы имеют еще непочатый край деятельности, закрепление и дальнейшее развертывание соревнования и ударничества, расширение актива и участие всей массы в управлении хозяйством еще более укрепят колхозное движение, еще более ускорят темпы социалистического строительства на селе. А окончательная победа сплошной коллективизации вырвет из-под ног капитализма последнюю его опору в нашей стране.

Вопреки вредителям и интервентам.

Процесс «Промпартии» вскрыл перед рабочим классом и трудящимися всего мира тот колоссальнейший ущерб, который нанесен народному хозяйству Советского союза вредителями — агентами «Торгпрома» и французского империализма. Процесс показал, что вредительство, диверсионные акты составляли **неразрывную** часть подготовки интервенции воинствующими кругами Франции и ее генштаба. Он показал, что **единым** фронтом против СССР, в качестве помощников мирового капитализма в его борьбе против страны строящегося социализма, выступили монархисты, кадеты, меньшевики и эсеры. От предательства в империалистической войне 1914 г., когда II интернационал перешел на сторону своих капиталистических правителей, мировой меньшевизм стал на путь социал-фашизма, **полностью** перешел в лоно капитализма. **Меньшевики, эсеры, кадеты и открытые монархисты—это только фракции внутри единой партии капитала.**

Процесс вскрыл основное русло работы вредителей и интервентов. «Вся работа сосредоточивалась, — показывает Федотов на суде, — главным образом в расстройстве планов пятилетки и в расстройстве планов контрольных цифр на каждый следующий год». Но это не разрешало проблемы борьбы с рабочим классом и трудящимися нашей страны. Требовалось вмешательство извне — польских, румынских и французских штыков. Успешное выполнение пятилетнего плана нашего социалистического строительства, бурный под'ем социалистической стройки невзирая на подрывную работу реставраторов капитализма, в обстановке жесточайшего мирового экономического кризиса, служили наглядным примером для пролетариев всего мира в преимуществе советской системы хозяйства перед капиталистической, служили и служат лучшим агитационным средством против загнивающей системы капитализма и за Советский союз.

Даже буржуазные газеты в минуту откровения вынуждены признать, что пятилетний план народного хозяйства превращает СССР в неприступную крепость, что пятилеткой мы выполняем задачу догнать и перегнать передовые страны капитализма в технико-экономическом отношении. **Выполнение пятилетки означает, что на сторону социализма стали и пошли бесповоротно, вслед за пролетариатом и под его руководством, все трудящиеся массы нашей страны, что в движении к социализму принимают участие десятки миллионов.** Неудивительно, что выходящая в Филадельфии буржуазная газета «Паблик Леджер» в панике выбалтывает: «В Европе и Америке существует убеждение, что успех пятилетки нанесет потрясающий удар капиталистической системе».

Итак, наша напряженная работа над выполнением великих работ по строительству социализма, наша борьба за ликвидацию кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, коммунистическое отношение к труду миллионов пролетариев и трудящихся нашей страны вызывают бешеную ненависть, животный страх господствующих классов в странах капитала. Обреченный на гибель капитализм, в особенности в условиях жесточайшего экономического кризиса, — отсюда его **особая** агрессивность, — направляет свои удары против Страны советов, чтобы сорвать социалистическую стройку. Только на этой основе, только на помощи извне вредители смогли развернуть работу в столь широком масштабе.

Процесс «Промпартии» выявил вредительство во всех основных отраслях народного хозяйства: в промышленности — в легкой и тяжелой индустрии, в сельском хозяйстве, в снабженческих органах. Классовый враг делал все, чтобы создать диспропорцию в народном хозяйстве, сорвать оперативные и военные перевозки в момент нападения на нас империалистов, ухудшить и сорвать снабжение пролетарских центров и этим вызвать недовольство в стране.

Вредители и интервенты устремляли свои взоры на срыв снабжения народного хозяйства электроэнергией и топливом, чтобы приостановить работу наших фабрик и заводов и вызвать общий экономический кризис. Шахтинский процесс вредителей в Донбассе — нашей всесоюзной кочегарке — составная часть раскрытой контрреволюционной работы вредителей. Федотов на суде показывает: «Донецкий бассейн, Кузнецкий бассейн задерживались в отношении развития. Для чего это делалось? Для того, чтобы создать в момент огромного потребления топлива, в момент пред'явления огромных требований на топливо недостачу этого топлива, вызвать диспропорцию, сорвать снабжение оперативных и воинских перевозок». Вредители, как это теперь совершенно ясно, всячески стремились затормозить и сорвать механизацию добычи угля. В этом им немалую об'ективную помощь оказали правые оппортунисты. Вредители видели в срыве механической добычи угля вернейшее средство против роста топливного хозяйства и для создания угольного кризиса.

Если вредителям, несмотря на все их диверсионные акты и помощь извне, не удалось вызвать кризис во всем народном хозяйстве, — именно это являлось очередной задачей агентов «Торгпрома» и французского генштаба в порядке подготовки к интервенции, — то **основная причина срыва планов специалистов от вредительства лежит в том величайшем производственном энтузиазме, который охватил миллионы пролетариев, колхозников и лучших специалистов нашей страны.** Враг делает ставку на задержку развития основных отраслей хозяйства, на расстройство планов пятилетки. Срыв великих работ социалистической стройки должен был помочь интервентам дискредитировать в глазах трудящихся советскую систему хозяйства. Но в ответ на вредительство еще в то время не раскрытое окончательно, классовый инстинкт пролетариата подсказывает лозунг: «Пятилетка в четыре года», который становится знаменем десятков миллионов. **Социалистическое соревнование, ударные бригады, встречный промфинплан разбивают вдребезги козни и расчеты вредителей.**

Первые два года пятилетки,—как это видно из интервью т. Куйбышева,—величайшая победа социализма. Наметки пятилетнего плана не только выполнены, но и **перевыполнены.** В 1929—30 г., когда вредители особенно активизировались,—к этому обязывал срок начала интервенции, — прирост валовой продукции превышает наметку пятилетнего плана на 5 проц. Особенно значительны успехи в области тяжелой индустрии. По нефти предполагалось за два года добыть 28 млн. тонн, а фактически добыто 30,6 млн. тонн, т.-е. значительно больше. По стали произведено 10,2 млн. тонн вместо предполагавшихся 9,9 млн. тонн. По электротехнике в неизменных ценах произведено на 781 млн. руб., а намечалось произвести на 588 млн. руб. По сельскохозяйственному машиностроению —отрасль, обслуживающая исключительно сельское хозяйство, — по пятилетке предполагалось в 2 года поставить на 472 млн. руб., а фактически сделано на 515 млн. руб.

Весьма значительны, хотя и меньше, чем по тяжелой индустрии, успехи в легкой промышленности. Трудности здесь, помимо активной работы вредителей и сопротивления кулачества, идут по линии недостатка сельскохозяйственного сырья. Значительный урожай в этом году зерновых продуктов, хлопка, свеклы позволяет быстро вытянуть отстающие участки легкой индустрии и еще выше поднять уровень жизни пролетариев и трудящихся нашей страны.

Колоссальнейшие успехи в области тяжелой индустрии и на этой основе во всех отраслях народного хозяйства способствовали решительному наступлению на капиталистические элементы города и деревни, переходу к политике ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. На 1 октября 1930 г. в колхозы вступило свыше 5 миллионов крестьянских хозяйств, убедившихся в громадных преимуществах социалистической формы производства. **В результате успехов колхозного строительства посевная площадь в Советском союзе возросла на 14 млн. га, улучшилась обработка земли, повысились урожайность и доходы бедняцко-середняцких слоев деревни.** Середняк повернул в сторону социализма, колхозник стал действительной и прочной опорой советской власти. Несмотря на вредительство, возросшее сопротивление кулачества строительству социализма, несмотря на подготовку к интервенции, мы сейчас сильны как никогда до сих пор.

Процесс вредителей, вскрывший подготовку империалистических хищников во главе с Пуанкаре и К° к нападению на Советский союз, чтобы превратить его в колонию империализма, ликвидировать все завоевания Октября и вернуть помещичье-капиталистической своре наши фабрики, заводы и землю,—этот процесс **еще больше сплотил десятки миллионов трудящихся нашей страны вокруг коммунистической партии.**

Сотни тысяч новых ударников — энтузиастов производства, красные хлебные обозы единоличников и колхозников, массовый под'ем новой колхозной волны, укрепление обороноспособности Советского союза, усиление внимания к нуждам Красной армии, вступление в ряды коммунистической партии, — вот ответ миллионов пролетариев и бедняцко-середняцких слоев крестьянства своим классовым врагам, агентам «Торгпрома» и французского генштаба, меньшевикам и кадетам. Этот величайший энтузиазм масс, рост ударничества в условиях выкорчевывания корней вредительства поднимет наши успехи в области социалистической стройки на небывалую высоту. Мы можем смело планировать, возглавляя инициативу масс, на предстоящий год прирост крупной промышленности, планируемой ВСНХ и Наркомснабом, на 45 с лишним проц., т.-е. значительно больше, чем в прошлом году. Пусть видят враги, на какой производственный энтузиазм способен победивший пролетариат.

Теперь уже все трудящиеся нашей страны убеждаются в классовом характере вредительства, в классовом характере подготовляемой войны. Теперь уже и отсталые слои трудящихся нашей страны убеждаются, что французские империалисты и их вассалы готовятся к войне против страны строящегося социализма. Теперь уже очевидно, что война против Советского союза была бы только **продолжением** вредительства, «демпинговой кампании», экономической блокады нашей страны, но другими средствами. «Война, — учил нас Ленин, — насколько есть политика продолжения осуществления этими классами тех же целей другим путем». **Поэтому факты вскрытия вредительства и подготовки войны против нашей страны имеют мировое значение.** Они несомненно дают нам величайшее оружие, чтобы не быть застигнутыми врасплох, чтобы отвести занесенный удар, чтобы затруднить нападение на страну мирно строящегося социализма — **единственную страну, которая последовательно борется против империалистических войн.**

Классовый враг — агенты «Торгпрома», французские империалисты и их вассалы, кадеты и меньшевики — пойман с поличным на месте преступления благодаря бдительности трудящихся нашей страны и органов ОГПУ. Классовый враг разоблачается и будет до конца разоблачен перед пролетариатом всего мира. Вопреки вредителям и интервентам, рабочий класс и трудящиеся нашей страны, под руководством нашей партии, опираясь на сочувствие миллионов пролетариев капиталистических стран, строят и построят социализм. **Всякая попытка нападения на Советский союз встретит рабочих и трудящихся нашей страны и всего мира во всеоружии. Замыслы империалистов раскрыты, и это затрудняет выполнение их разбойничьих планов.**

РЕЙХСТАГ УТВЕРДИЛ ФИНАНСОВУЮ ПРОГРАММУ БРЮНИНГА.

БЕРЛИН, 6 декабря. (ТАСС). Рейхстаг большинством 293 голосов (включая социал-фашистов) против 253, отклонил предложение коммунистической фракции об отмене изданного на основании § 48 конституции чрезвычайного декрета, вводящего в жизнь финансовую программу правительства. За предложение компфракции вынуждены были голосовать германские националисты и национал-социалисты (фашисты).

Предложение компфракции выразить недоверие правительству Брюнинга было отклонено большинством 291 против 256 голосов.

При голосовании отсутствовало 9 «левых» с.-д. депутатов (Розенфельд, Зейдевиц, Флейснер и др.). По имеющимся сведениям, 4 декабря состоялось фракционное заседание 23 «левых» с.-д. депутатов. Было решено голосовать против правительства Брюнинга. 5 декабря пленум с.-д. фракции рейхстага заявил, что всякий с.-д. депутат, который будет голосовать против правительства Брюнинга, будет исключен из партии. «Левые» решили подчиниться.

* * *

Гамбургский сенат, в котором руководящую роль играют социал-демократы, запретил всякие собрания и уличные демонстрации компартии и революционной профоппозиции. Это постановление мотивируется тем, что 10 декабря должны состояться демонстрация и собрание в крупнейшем зале Гамбурга.

Начальник полиции **Бреславля** запретил с 8 декабря всякие собрания и шествия под открытым небом.

ТОВ. РЕДЕЛЬ ДАЕТ ОТПОВЕДЬ АНТИСОВЕТСКОМУ ВЫСТУПЛЕНИЮ СОЦИАЛ-ФАШИСТА.

БЕРЛИН, 7 декабря. (ТАСС). На вчерашнем заседании рейхстага с резкой критикой правительства Брюнинга и его помощников из социал-фашистского и фашистского лагеря выступил коммунистический депутат **тов. Редель.** Он в пространной речи разделался с клеветнической, антисоветской речью «левого» с.-д. **Лидке.**

Тов. Редель указал, что Лидке получил от руководства с.-д. партии задание выступить в защиту фашистской диктатуры Брюнинга и для защиты этой диктатуры повести клеветническую атаку против Советского союза. Лидке не учел того, что в Германии существуют сотни социал-демократических рабочих, которые ездили в СССР в качестве участников рабочих делегаций и на месте изучали положение в Советском союзе.

Почему же социал-демократы не пользуются этими свидетелями для того, чтобы говорить о положении в Советском союзе? Почему же с.-д. вместо этого исключают из партии всех тех, кто только ездил в СССР? По той очень простой причине, что эти рабочие разоблачают всю клевету и ложь, распространяемые социал-фашистами о СССР. Уже самый факт, что тысячи германских рабочих находят теперь работу и хлеб в Советском союзе, которые они не могли найти в Германии, доказывает всю ложность заявлений «левого» с.-д. Лидке о положении рабочих в Советском союзе.

Тов. Редель привел богатый цифровой материал о положении рабочих в Советском союзе и в особенности о ликвидации безработицы. «Представители всех партий Германии, — говорит тов. Редель, — вынуждены были признать, что в Германии в настоящее время 4 млн. людей ходят без работы. В то же время в Советском союзе нехватает сотен тысяч рабочих».

На реплику с правых скамей, почему же из СССР возвращаются в Германию некоторые углекопы, тов. Редель заявил: «Я не говорил с этими людьми, но я знаю, что многие тысячи германских рабочих остались в Советском союзе и присылают воодушевленные письма о строительстве социализма, в котором им дано участвовать». **(Аплодисменты на коммунистических скамьях. Реплика с правых скамей: «Уходите же все туда»).** Тов. Редель отвечает:

«Мы, к сожалению, не можем все участвовать в социалистическом строительстве Советского союза. **Нам, коммунистам Германии, предстоит другая задача, а именно — уничтожить вашу систему фашистско-капиталистической диктатуры голода».**

«Как здесь в парламенте Лидке защищал фашистскую диктатуру правительства Брюнинга, — продолжает тов. Редель, — так и вне парламента социал-демократы являются самым послушным орудием фашистской диктатуры. В Лейпциге за последние дни убито полицией 3 безработных и 7 тяжело ранено. Вместо хлеба и работы социал-демократический полицейпрезидент Флейснер дал безработным пули. Кровь, пролитая в Лейпциге, как и вся кровь рабочих, пролитая в интересах диктатуры буржуазии, убедит трудящихся в том, что существует только один выход из нужды — советская Германия». **(Бурные аплодисменты на коммунистических скамьях).**

АНТИФАШИСТСКИЙ СЛЕТ В БЕРЛИНЕ.

БЕРЛИН, 6 декабря. (ТАСС). Сегодня вечером в Берлине состоялся **всеобщий сбор антифашистского боевого союза.** Сбор превратился в массовую демонстрацию. Берлинская полиция была приведена в боевую готовность. Район, где происходила демонстрация,—в восточной части Берлина,—был оцеплен полицией, осветившей все улицы прожекторами.

На сборе с речью выступил руководитель берлинской организации антифашистского союза тов. **Фриц Ланге,** призывавший к беспощадной борьбе против фашистской диктатуры.

„ЛЕВЫЕ“ ЛЕЙБОРИСТЫ ТРЕБУЮТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕР ДЛЯ БОРЬБЫ С КРИЗИСОМ.

«АНГЛИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ПРОМЫШЛЕННОГО КРАХА».

ЛОНДОН, 7 декабря. (ТАСС). Сегодня опубликован манифест «левого» лейбориста **Мосли,** подписанный также 17 «левыми» и центристскими лейбористскими депутатами и генеральным секретарем реформистской федерации горняков **Куком.**

Манифест заявляет, что **Англия находится перед лицом промышленного краха,** вследствие чего «необходимы немедленные действия во всеанглийском масштабе. Парламентская машина должна быть приспособлена к нуждам нынешнего положения, при чем должен быть создан **чрезвычайный кабинет** в составе 5 членов. Этот кабинет должен быть облечен полномочиями вести чрезвычайную политику». Манифест далее высказывается за создание **всеанглийской экономической планирующей организации,** чтобы «сбалансировать продукцию английской промышленности в соответствии с новыми условиями на мировом рынке» и содействовать капиталистической рационализации.

Основной базой английской промышленности и торговли должен стать **внутренний рынок Англии.** Покупательная способность английских рабочих должна быть ограждена от «колебаний цен, демпинга и влияния потогонного иностранного труда».

Импорт сельскохозяйственных продуктов должен подлежать контролю **специального комитета по делам импорта, при чем должны быть стабилизированы цены на продукцию английских фермеров.**

Манифест предлагает регулировать производство промышленности через **специальный комитет в составе представителей промышленников и потребителей.** Комитет должен пользоваться правом регулирования импорта из других стран при помощи лицензионной системы или соответствующего изменения таможенных тарифов. Внутриимперская торговля должна развиваться на основе **взаимного предоставления преимуществ как доминионам, так и метрополии,** независимо от торговли с другими странами.

В финансовой области манифест требует немедленного введения **политики краткосрочных кредитов,** которая должна дать возможность перейти затем к предоставлению долгосрочных кредитов. При помощи краткосрочных кредитов, а в будущем долгосрочных, должно поощряться коммунальное строительство, в том числе и жилищное строительство, которое должно быть финансировано **крупным правительственным займом.**

Первое впечатление, произведенное манифестом в политических кругах, можно охарактеризовать несколькими словами: считают, что программа Мосли —это «жалкая смесь» предложений из известных планов **Ллойд-Джорджа** и **Бивербрука.**

ЖЕНЕВСКАЯ „РАЗОРУЖИТЕЛЬНАЯ“ КОМИССИЯ ЗАКАНЧИВАЕТ СВОЮ БЕСПЛОДНУЮ РАБОТУ.

СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ДАСТ ДОЛЖНУЮ ОЦЕНКУ ЭТОМУ САБОТАЖУ РАЗОРУЖЕНИЯ.

ЖЕНЕВА, 6 декабря. **(Спец. корр. ТАСС).** Сегодня вечером на сессии подготовительной комиссии по разоружению **тов. Луначарский** заявил, что **советская делегация не считает возможным участвовать в составлении доклада комиссии.** Поскольку СССР не состоит в Лиге наций, советская делегация отказывается участвовать в представлении доклада совету Лиги. Кроме того, доклад содержит известную **оценку** работ комиссии, даваемую в форме резюме мнений либо в виде компиляции заявлений некоторых делегаций.

«В то время как комиссия, — заявил тов. Луначарский,—дает **положительную** оценку работ, оценка советской делегации имеет безусловно **отрицательный** характер».

Тов. Луначарский указывает, что советская делегация выступит в конце обсуждения доклада **с особой декларацией,** которую будет просить приложить к докладу. «Об этом,— заявил тов. Луначарский,—советская делегация в письменной форме своевременно просила председателя комиссии, но **получила отказ.** Советская делегация вновь настаивает на этом. Если ей откажут в возможности выразить свою оценку, советская делегация направит свой меморандум **непосредственно в президиум конференции».**

Председатель комиссии **Лоудон:** «Я отказал вам в просьбе приложить письменную декларацию, но подтверждаю ваше право сделать **устную декларацию** в духе вашего меморандума. Приложить же к докладу письменный протест невозможно».

Тов. Луначарский указал, что он отказывается понимать Лоудона, и привел следующее заявление председателя предыдущей сессии Политиса в 1929 году: «Доклад будет состоять из **трех частей: текста проекта,** принятого во втором чтении, **анализа наших работ** с указанием, в каком смысле некоторые тексты изменены или дополнены, и, наконец, третья часть будет содержать **оговорки и декларации всех делегаций.** Все будут поставлены в условия **полного равенства».** Советская делегация,—продолжает тов. Луначарский,—будет удовлетворена, если председатель Лоудон станет на точку зрения председателя Политиса».

Это заявление вызвало явное замешательство Лоудона. К нему поочередно подходят английский делегат **Сесиль** и французский делегат **Массильи,** давая ему советы и совещаясь между собой. Затем Лоудон задал вопрос тов. Луначарскому, желает ли он поставить этот вопрос перед комиссией сейчас. Тов. Луначарский ответил, **что** поставит вопрос в своем **заключительном слове.**

Затем комиссия приступила к обсуждению второй части доклада, в различных местах которого в искаженном виде выражены отдельные пункты советских возражений. Советская делегация не принимала участия в обсуждении.

Рис. ДЕНИ.

Любимец публики.

БАРТУ—СТАВЛЕННИК ПУАНКАРЕ.

ПАРИЖ, 7 декабря. **(Соб. корр.).** Пуанкаре отклонил просьбу президента республики о сформировании кабинета и рекомендовал обратиться к Барту. **Барту согласился сформировать новое правительство.**

Барту является **орудием Пуанкаре** и наиболее циничным представителем милитаристической реакции. До войны он прославился организацией **расстрелов рабочих в Карме** и выработкой закона **о трехлетней военной службе.** После войны он был **председателем репарационной комиссии и делегатом Франции на генуэзской конференции.** В качестве министра юстиции он организовал **широкие репрессии коммунистов. Он подверг Марти уголовному режиму** после того, как последний дал ответ на интервью Фоша. Он организовал **злобную кампанию против компартии.** Его ненависть к Советскому союзу хорошо известна.

Когда Чичерин в Генуе формулировал советские предложения **о разоружении и мире,** Барту ответил: «Я категорически отвечаю, что если русская делегация предложит обсудить этот вопрос, она натолкнется с моей стороны не только на протест, но на самый категорический, решительный отказ. Есть вопросы, на которые я отныне отвечаю **категорическим «нет».**

Таков новый глава французского государства. Трудно еще сказать, сможет ли он сформировать свой кабинет. Пока он заручился поддержкой **Бриана** и **Шерона.** Фашисты ведут широкую кампанию за оставление в кабинете **Тардье** в качестве **министра внутренних дел.** Тардье заявил, что он готов поддержать Барту и даже вступить в его кабинет при условии включения в него и других групп, т.-е. группы **Мареча.** Что касается радикалов, то они готовы сотрудничать и хотели бы, чтобы министерство внутренних дел было передано **Лавалю.**

Из заявлений всех **социалистических** парламентариев видно, что **и они поддержат правительство концентрации.**

Все совещания и беседы вращаются вокруг проблемы кризиса и борьбы с рабочими.

Габриэль Пери.

УСЛОВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ ГЕРМАНИИ В ВОЕННЫЙ СОЮЗ ПРОТИВ СССР.

БЕРЛИН, 3 декабря. В официальном органе французского генштаба, еженедельной газете **«Франс Милитер»,** напечатана серия статей известного германского промышленника **Арнольда Рехберга,** который в течение ряда лет ведет кампанию за франко-германский **военный союз** для борьбы против СССР.

Рехберг выставляет 3 основных условия, при которых может быть осуществлен этот союз:

1. **Германия и Франция взаимно гарантируют свои европейские границы** против нападения третьей державы. **Германская армия увеличивается** до таких размеров, чтобы она относилась к французской армии, как 3 : 5. Обе армии возглавляются высшим командованием, в которое входят **германские и французские генералы** и которое имеет право инспектировать как германскую, так и французскую армии.

2. **Данциг и данцигский коридор возвращаются Германии,** взамен чего Германия и Франция совместно гарантируют **неприкосновенность всех остальных польских границ** и, что польская торговля не потерпит ущерба вследствие возвращения Данцига и данцигского коридора Германии.

3. **Снижение суммы германских репарационных платежей до минимума** путем франко-германских переговоров с САСШ.

Предлагая франко-германскому военному союзу стать на страже «всех остальных границ Польши», Рехберг имеет в виду **польско-советскую границу.** В случае заключения франко-германского союза, Германия, тем самым обязуется активно участвовать в нападении на СССР, которое будет предпринято путем провокации на польско-советской границе.

БАРТУ ФОРМИРУЕТ КАБИНЕТ.

ПАРИЖ, 7 декабря (ТАСС). **Как сообщает агентство Гавас, Барту окончательно согласился образовать кабинет.**

ПЛЕНУМ ЛИГИ ПРОФСОЮЗНОГО ЕДИНСТВА САСШ.

НЬЮ-ЙОРК, 2 декабря. **(Соб. корр.).** Состоялся пленум исполкома Лиги профсоюзного единства, в котором принимали участие руководящие представители революционных профсоюзов и крупнейших областных организаций Лиги, представители латинско-американской федерации труда, канадского профсоюзного об'единения и мексиканской конфедерации труда. В порядке дня: доклад о V конгрессе Профинтерна (докладчик **Баллам**), доклад о безработице **(Фостер),** об организации забастовок протеста против снижения зарплаты и потогонной работы **(Шмис),** об организационных проблемах **(Джонстон).** Кроме того, специальные доклады о негритянском вопросе, о молодежи, о работе среди женщин, о кадрах и финансовых средствах.

Единогласно принята резолюция, содержащая анализ экономического кризиса, продолжающего все время углубляться.

Резолюция пленума подчеркивает, что слабость революционных профсоюзов не позволяет им еще руководить безработными и забастовками. В последние месяцы замечается серьезное ослабление революционных профсоюзов, несмотря на об'ективно благоприятное положение. Об'ясняется это недооценкой борьбы за частичные требования и общей тенденцией заниматься скорее пропагандой, чем борьбой за немедленные требования.

Пленум единодушно одобрил решения V конгресса Профинтерна, подчеркнув важность борьбы за частичные требования, и предложил созвать специальные собрания исполкомов отдельных профсоюзов в целях развития энергичной кампании за организацию рабочих на предприятиях, в особенности на юге, за развитие забастовочного движения в текстильной, железнодорожной, обувной, швейной и металлической промышленности. Пленум подчеркнул необходимость самого внимательного отношения к забастовочной стратегии и новым забастовочным методам, необходимым для радикального улучшения работы.

В резолюции и дискуссии подчеркнута была важность работы среди негров и роли молодежи. Признан факт пренебрежения работой среди латинско-американских рабочих здесь и в латинско-американских странах и принято предложение мексиканского представителя о совместных действиях, необходимых для исправления этого недочета. Решено усилить работу внутри реформистских профсоюзов. **Вся программа Лиги профсоюзного единства увязана с защитой Советского союза, при чем подчеркивается огромный размах социалистического строительства в СССР.** Пленум резко выступил против правых тенденций, недооценивающих радикализацию масс, а также против «левых» сектантских тенденций, превращающих профсоюзы в организации пропаганды, полагающиеся исключительно на стихийное движение рабочих масс, а не на конкретную организационную работу.

АГЕНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И „ТОРГПРОМА“ ПЕРЕД ПРОЛЕТАРСКИМ СУДОМ.

ДЕЛО „ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАРТИИ“.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ тов. КРЫЛЕНКО.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 4 ДЕКАБРЯ.

1. ОБСТАНОВКА, В КОТОРОЙ ПРОТЕКАЕТ ПРОЦЕСС.

Товарищи, те десять кратких дней, которые протекли со времени начала этого процесса, протекали, как и самый процесс, в исключительной, я бы сказал, необычайной обстановке. Начало процесса было ознаменовано миллионным выступлением рабочего класса нашего Союза на улицах столиц и главнейших городов Союза с протестом против действий лиц, сидящих на скамье подсудимых. Те, которым в случае войны придется своей жизнью, лишениями и страданиями искупить результаты работы этих лиц, те, которые являются и являлись основными творцами и созидателями всего того, что сделано за существование советской власти,—рабочий класс в день открытия процесса выражал свое негодование и вместе с тем свою готовность продолжать борьбу и, если будет нужно, защищать свое социалистическое отечество с оружием в руках так, как он уже защищал его в годы гражданской войны. Этим и об'ясняется то огромное напряжение внимания, с которым встречалось каждое сообщение о процессе, этим об'ясняется та настороженность, с которой ловили каждое слово, раздававшееся в этом зале, миллионные массы трудящихся нашего Союза.

Но не только трудящиеся нашего Союза, не только рабочий класс СССР,—с неменьшим напряжением внимания следили за каждым словом, раздававшимся в этом зале, миллионные массы трудящихся Западной Европы, и все слои буржуазии Западной Европы, начиная от правящих верхов и кончая последним обывателем.

Буржуазная пресса в своем большинстве отмечала процесс, передавала о том, что делается здесь. Но она сопровождала это одновременно инсинуациями, подозрениями, клеветой, измышлениями, ложью, сообщая параллельно небывалые сплетни и слухи о том, что делается на территории СССР, стремясь этим отвлечь внимание от того, что делается здесь, во имя тех целей, которые она одна знает и которые все же не так трудно разгадать.

Но не только пресса—мы знаем, что отголоском и откликом этого процесса были выступления лиц, близких к правительству, руководящим политической жизнью отдельных стран слоям, были выступления и в парламентах в виде интерпелляций, запросов и обсуждений. Мы знаем, и частично это было приобщено к делу, что отдельные политические деятели выступали по поводу этого процесса с печатным выражением своего мнения, даже sui generis со свидетельскими показаниями по этому делу.

Все это характеризует необычайную обстановку этого процесса. Все это характеризует исключительную важность его и для широких масс рабочего класса и для широких слоев буржуазии. Все это означает, что от этого процесса, от того, что здесь говорилось, от того, что здесь устанавливается, от того, что здесь подтверждается, ожидает каждый своего результата, ожидает и кое-кто боится, как бы в результате этого процесса не вскрылись некоторые закулисные пружины, как бы здесь не было установлено то, что считалось сокровенной, хорошо скрытой тайной в среде многих и многих враждебных нашему Союзу сил, тех, которые готовят нам близкую войну.

И есть еще одно обстоятельство, которое главным образом привлекало внимание к этому процессу и которое равным образом заставляло настороженно следить за всем тем, что говорится, для того, чтобы из того, что здесь говорится, сделать свои выводы и эти выводы использовать в дальнейшем в своих целях.

Советское правительство и государственное обвинение здесь, на этом процессе, перед лицом миллионных рабочих масс нашего Союза не побоялись вскрыть и открыто обнаружить и показать большие и серьезные болячки в нашем государственном организме. Сами вредители не только в лице их руководящей головки, которая сидит на скамье подсудимых, но и устами других вредителей, проходивших здесь в качестве свидетелей, рассказали о той громадной вредительской работе, которую они творили, которая имеет место почти во всех отраслях нашего хозяйственного строительства, ибо нет ни одной отрасли промышленности, где бы мы могли с достаточной уверенностью полагать, что там нет вредительской организации.

Эта сторона, равным образом характеризующая те неимоверно тяжелые условия борьбы, в которых приходится работать Советскому союзу, в которых приходится творить рабочему классу дело социалистического строительства, — эта сторона также прошла на процессе и привлекла равным образом настороженное внимание широких масс трудящихся нашего Союза и наших врагов.

Мы не боимся открыто говорить о том, что у нас существуют эти болячки. Мы считаем, что тогда, когда рабочие массы нашей страны во всей своей основной массе отчетливо, ясно себе представят удельный вес этой вредительской работы, точно узнают своих врагов, тем легче, тем скорее будет возможность уничтожать, ликвидировать эти болячки, тем скорее будет полная возможность построить, наконец, наш государственный аппарат и государственный механизм так, чтобы мы могли быть в полной уверенности, что он работает так, как нам нужно, и помогает рабочему классу и строящим социализм трудящимся массам. И, если даже в результате такого процесса, в результате такой открытой постановки вопроса о наших болячках наши враги кое-что узнали, наши враги равным образом будут осведомлены о том, в какой степени они могут рассчитывать на наше сопротивление в их попытках помешать нашему строительству — пусть!

Мы не боимся этого, полагая, что творческий энтузиазм рабочего класса, одухотворенный отчетливым сознанием необходимости борьбы, вместе с отчетливым сознанием того, что необходимо напрячь все силы для преодоления трудностей, будет лучшей гарантией и средством, которые можно противопоставить замыслам наших врагов и тому, что мы на этом процессе раскрыли.

Эти обстоятельства также являлись теми причинами, по которым сосредоточивалось напряженное внимание на настоящем процессе.

Но, поскольку в этом процессе в том разрезе, в каком он прошел, мы видим вошедшими в игру такие крупные рычаги общественной жизни, такие огромные массы с одной стороны—у нас, а с другой стороны—в Западной Европе, и такие весомые политические факты, как выступления крупнейших политических деятелей буржуазии Франции,—да будет позволено поэтому и мне, при рассмотрении или, вернее, после рассмотрения, или одновременно с рассмотрением деталей этого дела, с точки зрения чисто юридического, уликового анализа индивидуальной степени участия в этих действиях отдельных подсудимых, — да будет позволено равным образом коснуться и некоторых общих вопросов политики так, как они ставятся сейчас самой жизнью, и так, как ставят эти проблемы наши враги, как ставит их в определенной своей части настоящий процесс.

Я буду поэтому говорить и относительно общих причин, которые форсировали направление работ и деятельности этой группы подсудимых, управляли этой деятельностью, независимо даже, быть может, от их сознания и воли, но которые являлись в конечном итоге и являются основными силами, определившими то общественное внимание, которое вызвал этот процесс, и которые определят результаты, которые от этого процесса воспоследуют.

2. ПАРАЛЛЕЛЬ С ШАХТИНСКИМ ПРОЦЕССОМ.

Товарищи, два года назад в этом самом зале слушался шахтинский процесс. Два года назад перед нами прошел процесс вредительской организации в каменноугольной промышленности. На скамье подсудимых сидели специалисты - производственники, специалисты одной отрасли промышленности, и частью признавали, частью отрицали ту работу вредительского характера, которая ими проделывалась.

Невольно сама собою возникает параллель между этими двумя процессами. И позвольте эту параллель провести в целом ряде отношений, в целом ряде сторон, поскольку такая параллель поможет нам уяснить, я говорю, те общего характера моменты, которые создавали содержание первого и создали определенное содержание и этого процесса.

Я бы назвал настоящий процесс, по его содержанию, воспроизводством шахтинского процесса на расширенной базе, воспроизводством шахтинского процесса на расширенной основе во всех тех отношениях, во всех тех отдельных конкретных вопросах, которые ставились на шахтинском процессе.

Возьмите первое и основное. В шахтинском процессе мы судили вредителей по углю, по каменноугольной промышленности. Здесь, на скамье подсудимых, сидят люди, руководившие вредительством во всех основных руководящих отраслях промышленности. Там мы имели дело с «черным золотом», правда, с одной из ведущих частей нашей промышленности. Здесь мы не имеем, повторяю, ни одной отрасли промышленности, которой бы не коснулась вредительская рука.

Мало того, мы сейчас столкнулись с такими отраслями, по существу даже не промышленности, о которых в то время мы едва ли могли предполагать,—я имею в виду работы по ирригации, мелиоративные работы, на которых ниже мне придется остановиться.

В этой плоскости, с точки зрения постановки первого вопроса, об областях, в которых происходило вредительство, мы в праве сказать, что, поскольку здесь идет речь о центральной организации, охватившей руководством все до одной руководящие отрасли промышленности,—этот процесс является воспроизводством шахтинского процесса на расширенной базе.

Возьмите другой момент, характеризующий деятельность подсудимых. В шахтинском процессе мы имели индивидуальные связи отдельных представителей отдельных рудоуправлений, отдельных угольных предприятий с их бывшими хозяевами. Возьмите имена, которые фигурировали на шахтинском процессе,—Соколова, Штейнита и др.—а здесь мы имеем в виде контрагентов вредителей уже недифференцированных хозяев. Здесь мы имеем в виде контрагентов вредителей за границей «Торгпром», как об'единение всех отраслей промышленности, как об'единение, которое охватило все отдельные прослойки, отдельные группки, отдельные группировки бывших собственников национализированных предприятий, и сношения с ними уже теперь получили совершенно иную, точно организованную форму. Это не отдельные индивидуальные связи, здесь—бывший слой всех бывших собственников, об'единенных в одну организацию, поставивших себе точные, определенные политические цели, не стремящихся и не думающих уже о концессионной политике, не стремящихся и не думающих о тех или иных формах аренды бывших своих предприятий, не ставящих уже себе целью тот или иной отдельный вредительский акт работы на той или иной шахте или на том или ином заводе,—здесь мы имеем об'единение класса с определенной политической физиономией, трактующее себя, как класс, как самостоятельную политическую силу. Вот что мы имеем здесь в результате истекших двух лет, в результате внутренней эволюции сил эмигрантской буржуазии, эволюции, которая вылилась в конце концов в создание организации, именующей себя Торгпромом.

В том документе, который приобщен к делу,—я имею в виду документ о выступлении Торгпрома по поводу десятилетия со дня своего учреждения, где присутствовали Нобель, Денисов и другие,—одним из наиболее центральных и интересных мест является следующее: в этих выступлениях они указали, что они являются неофициальным посольством за границей, представительством политического характера. Другими словами, они взяли на себя смелость утверждать, что они являются представительством, претендующим чуть ли не на дипломатические права.

Ну, мы знаем, что у этих господ достаточно имеется нахальства и смелости для того, чтобы утверждать, когда это им нужно, утверждать заведомую ложь. Но подобного рода утверждение, подобного рода присвоение себе прав политического представительства эмиграции за границей является характерным для той эволюции, которую пережила эта организация.

Вот вторая сторона, которая должна быть отмеченной, вторая характеристика, которая должна быть дана при проведении параллели с шахтинским процессом.

Все ли это? Далеко не все. Когда мы разбирали шахтинский процесс и разбирали отдельные связи с заграницей отдельных вредителей шахтинского процесса, мы встречали там имена промышленников иностранцев. Но мы не встречали ни разу во время шахтинского процесса такое положение вещей, когда бы упоминались правящие круги буржуазии, круги, имеющие прямое и непосредственное отношение к управлению государством, имеющие прямое или косвенное, в прошлом или настоящем, то или иное отношение к государственному управлению.

А здесь? Здесь упоминается Пуанкаре, лицо, которое достаточно известно как руководитель французской политики, мало того, как носитель определенной линии во французской политике. Связь его и отношения его с «Торгпромом»—вот о чем мы говорили здесь. Впоследствии мы будем детально анализировать и рассматривать достоверность сообщений подсудимых и устанавливать то из них, что абсолютно достоверно. Пока что мы ограничиваемся упоминанием об этом факте, подобного которому не было на шахтинском процессе. Но тогда мы разбирали события, имевшие место с 24 по 28 год. Сейчас—и это достаточно четко подтвердили все подсудимые на судебном следствии—мы имеем другую установку и другие руководящие рычаги направления вредительской работы.

Наконец, еще одну сторону из области того, что делалось за рубежом для характеристики той эволюции, которая за это время произошла, должны мы отметить. Идея интервенции в шахтинском процессе была. Идея интервенции в шахтинском процессе имела место. Вспомните хотя бы заявления отдельных подсудимых (я могу об этом говорить, ибо это общеизвестный факт) относительно того, как они готовили топливный кризис на 1929 год—уже к моменту предполагаемой интервенции. А здесь мы имеем уже не идею интервенции. Мы имеем точный план, при чем говорится не только о плане, говорится о сроках, говорится о точных сроках, говорится о месяцах. Это еще одна сторона, характеризующая и в этой области настоящий процесс как воспроизводство шахтинского дела на расширенной основе.

Дальше. В то время, как на шахтинском процессе мы говорили об отдельных связях вредителей с отдельными агентурами иностранных государств за границей, здесь мы имеем дело с блоком некоторых государств, здесь речь идет о том, что отдельные заинтересованные интервенты, готовящие интервенцию, подготовляют не только изолированное выступление экспедиционного корпуса Лукомского, но учитывают вплоть до точных подсчетов, какие силы вообще можно употребить для интервенции, скажем, ближайших государств, здесь говорят уже точно о соглашениях, об определенной договоренности, о точном плане вооруженного вторжения; в их сознании отчетливо преломлялось, что здесь будет блок ряда государств.

Вот сторона, которая характеризует то, чем отличается настоящее дело от шахтинского процесса вовне, за рубежом.

А внутри! Внутри страны мы имеем ту же самую картину, подтверждающую ту характеристику, которую я только что дал. Только инженеры—вот что характеризует шахтинский процесс. Только инженеры сидели на скамье подсудимых, и очень незначительное количество —2—3 чел. из обвиняемых не были инженерами, но участвовали во вредительской работе. Здесь мы имеем налицо блок контрреволюционных групп. Не отдельную вредительскую группу инженеров, а блок двух разветвленных контрреволюционных организаций: одна, которая представлена ЦК так называемой «Промпартии», и другая, о которой говорил Юровский и о которой говорили все подсудимые — это кондратьевско-чаяновская группа.

Что это значит? По программным установкам, по политическим целям—блок партии промышленного капитала и партии кулацкой верхушки деревни. В шахтинском процессе такой постановки вопроса не было. А здесь? Здесь мы имеем налицо не только блок, но совместные заседания, совместное определение тактических методов. Мы имеем такой блок, где по вопросу о программных установках было достигнуто полное единство.

Этому соответствует аналогичная сторона этого блока и за границей. Только промышленное инженерство прежде раньше. А здесь? — Вспомните то, о чем говорил свидетель Юровский, вспомните то, о чем говорил подсудимый Федотов. Они рассказывали о сближении за границей блоке так называемого республиканско-демократического центра во главе с Милюковым с «Торгпромом». Когда Юровский был за границей, он виделся не с одним Милюковым, но с Гефдингом, деятелем «Торгпрома». Федотов нам рассказывал о том, что раньше между этими двумя группами — белогвардейской и эмигрантщиной—было соревнование, была борьба, в дальнейшем мы имеем слияние, определенный контакт, в результате которого „даже в таком большом вопросе, который сравнительно долго разделял белогвардейщину,“ как в вопросе об интервенции, вооруженном вторжении и военной диктатуре, в этом вопросе было достигнуто соглашение. Я нарочно в этих целях спрашивал Юровского, как смотрит Милюков, как смотрит эта группа, к которой Юровский тяготеет, на вопрос об интервенции и военной диктатуре. И он ответил, что в этой плоскости достигнуто единство и в этой плоскости нет разногласий. Эту черту равным образом характеризует то, что и в этой области в среде контрреволюционных сил мы имеем определенный шаг вперед с точки зрения окончательной консолидации контрреволюционных сил в их борьбе против страны строящегося социализма, чего не было в период шахтинского процесса и что также надлежит отметить.

И, наконец, есть еще одна сторона—только известную часть инженерства мы там имели, а тут и экономисты, и экономисты Госплана, и бухгалтера, и архитекторы, одним словом выходцы из всех подгрупп технической интеллигенции, выходцы из всех слоев и групп технической интеллигенции, но не только из инженерства. А вредители-снабженцы, которые ликвидированы были не так давно перед этим процессом? А Громан и его группа и другие меньшевики? А вот эти Белоцерковские, Соколовские, эти «экономисты», которые тоже включились в общую контрреволюционную колесницу.

В этом отношении показателен также самый состав тех лиц, которые сидят на скамье подсудимых. Из старой формации вредителей, которых мы привыкли встречать при анализе следственного материала по отдельным делам, которых (вредителей) мы видели в шахтинском процессе, мы видим только Куприянова, Федотова, Ситнина, — это текстильная группа. Я потом буду подробно характеризовать внутреннюю физиономию каждого из них. Но Рамзин, Ларичев, Чарновский, Калинников — это представители иного слоя, это — цвет технической интеллигенции, это лица, которые в своем прошлом отнюдь не были тесными узами связаны, как это имело место с Федотовым и Куприяновым, с промышленным капиталистическим миром, которые к практической промышленно-оперативной работе не прикладывали своих рук, а тем не менее в центральной руководящей вредительской группе заняли руководящее место. Они, а не бывшие промышленники чистой воды, не бывшие акционеры, как это имело место в других вредительских делах, явились руководителями всей этой вредительской работы. Остатки враждебных нам слоев интеллигенции дали лучших из своей среды для руководства вредительской работой.

Но воспроизводство шахтинского процесса на расширенной базе имеется еще в одной области. Воспроизводство по методам, при чем и по методам на расширенной основе. Вредительство также пережило значительную, длительную и большую эволюцию, начавшись с борьбы за сохранение фабрик для старых хозяев, затем перешли к вредительским актам технического характера, затем к вредительству в концессионной политике и, наконец, переход к плановому вредительству.

Возьмите этот метод планового вредительства, который охватывает сразу всю область промышленности; он создает положение, при котором отдельные конкретные лица, при всей своей индивидуальной добросовестности, на периферии уже ничего не в силах проделать, поскольку директивные указания планового характера уже даны,—вот этот один метод, который для этой группы являлся основным методом, характеризует ту разницу, которая существует между шахтинским процессом и этим процессом.

Возьмем другую область — диверсии. Были ли раньше попытки диверсионной работы в виде поломок машин, орудий производства при шахтинском деле? Были. А здесь? Здесь они возведены в систему, при чем мало того, что возведены в систему, но они построены как система, которая должна была быть осуществлена по единому, согласованному плану в определенный момент, заранее намеченный, заранее согласованный, в момент интервенции.

Это не все. Шпионаж — встречались ли мы с ним в шахтинском процессе? Встречались. Вспомните Бояршинова и других. А здесь? Здесь мы имеем шпионаж иные оперативные задания, нужные для противника к моменту интервенции. Я буду потом анализировать эти факты, здесь достаточно этого противопоставления, чтобы показать тот новый характер, который приобрела эта работа в этой области.

И, наконец, там были раньше только сообщения военных сведений, здесь же мы имеем создание военной организации. В обвинительном заключении и впоследствии в показаниях, которые дали обвиняемые непосредственно, мы имеем достаточно на этот счет материала. В последний день мы чуть-чуть приоткрыли здесь на открытом заседании завесу над этого характера работой. По совершенно понятным соображениям мы здесь не могли сказать всего, мы были связаны необходимостью очень осторожно задавать вопросы, но самый факт, что работа была направлена на создание военной организации, что со стороны, скажем, Куприянова была сделана попытка организации военной группы с инж. Девятовым во главе, мы видим, что и здесь, в этой области имеется то, чего не было на шахтинском процессе, что резко отличает это дело от шахтинского.

И, наконец, только на судебном следствии вскрылась преступная работа по подготовке специальных условий, облегчающих интервенцию в смысле подготовки соответствующих фронтов. Когда Михайленко рассказывал о том, что он делал на Юге, о том, что делалось на западной границе, когда Сироцинский рассказывал о мероприятиях под Архангельском и под Ленинградом, когда он рассказывал о характере „построек на фабриках Южного побережья,—мы ра-дим, что этой области вовсе не было в шахтинском процессе.

Вот почему общий итог будет сводиться к следующему: мы имеем за истекшие 2 года углубление вредительской работы в смысле, во-первых, централизации всей вредительской работы во всех областях в одном руководящем центре.

Мы имеем в дальнейшем об'единение этой вредительской организации, блок ее с другими контрреволюционными организациями; мы имеем соответственно за границей об'единение равным образом всех контрреволюционных групп, ранее боровшихся между собою в области политических программ и тактических установок. Мы имеем углубление и расширение методов вредительской работы, принявшей плановый характер в целом и вместе с тем придавшей специальное направление на определенные конкретные цели—помощи интервенции. И наконец мы имеем саму интервенцию, перешедшую из области общих предположений и разговоров в область конкретной постановки, как конкретной задачи, с планом и сроком и с обсуждением этих сроков, с распределением обязанностей и распределением ролей.

Вот то, что мы имеем сейчас.

Как бы мы могли это охарактеризовать?

Я думаю, что не ошибусь, если охарактеризую это положение как консолидацию, об'единение всех контрреволюционных сил для того, чтобы вооруженной рукой добиться своей основной цели—уничтожения Советского союза.

3. ФАКТОРЫ ИНТЕРВЕНЦИИ И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА.

Невольно встает вопрос, какие же причины этого, чем это вызвано? Почему, параллельно с ростом и укреплением экономической мощи нашего Союза, мы имеем эту консолидацию враждебных сил и централизацию их в одну об'единенную организацию и установление „связей“ непосредственно с интервенционистскими кругами Западной Европы?

Я не хотел бы утруждать специальное присутствие Верховного суда длинными цитатами, выдержками, цифровым материалом для сопоставления положения вещей у нас в Союзе, положение вещей за границей и анализом международных отношений. Я возьму лишь одну характеристику, которая была дана еще до этого процесса, которая была дана на XVI партийном с'езде устами тов. Сталина, но которая определила, определила и об'ясняет именно этот процесс консолидации враждебных сил, о котором мы сейчас говорим и который отражен в этом деле.

Тов. Сталин говорил: «Со времени XV с'езда прошло 2½ года». Два с половиной года—это, как раз, тот период времени, который мы рассматриваем и на протяжении которого мы анализируем работу вредительской организации. «Если охарактеризовать в двух словах истекший период,—говорил тов. Сталин,—его можно было бы назвать периодом переломным. Он был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного, экономического под'ема, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому упадку. У нас, в СССР, — растущий под'ем социалистического строительства и в промышленности и в сельском хозяйстве, у них, у капиталистов—растущий кризис экономики и в промышленности, и в сельском хозяйстве».

Можно было бы сейчас для сопоставления взять выдержки из статьи Пуанкаре, где последний подтверждает, что кризис в настоящий момент далеко не изжит, что он раздирает Соединенные Штаты и ряд других стран и характеризует также то положение, которое переживает экономика Западной Европы, и где вопрос о кризисе является одним из основных, больных и главенствующих вопросов.

Из своего сопоставления тов. Сталин сделал ряд общих выводов. Вот они.

«Важнейшим результатом мирового экономического кризиса является обнажение и обострение противоречий, присущих мировому капитализму. Обнажаются и обостряются противоречия между важнейшими империалистическими странами, борьба за рынки сбыта, борьба за сырье, борьба за вывоз капитала».

Здесь было бы неуместно с моей стороны специально расшифровывать и доказывать положение о том, что экспансия капитала является важнейшей душой империалистической фазы развития капитализма, что в этом смысле борьба за экспансию капитала является основным рычагом внешней политики всех главенствующих капиталистических стран. Это азбучная истина, ее не нужно мне специально доказывать.

Поскольку СССР является и являлся страной, которая для экономических вожделений, захватнических тенденций, с точки зрения экспансии капитала, представляет наиболее плодотворный об'ект и арену, с этой точки зрения та формулировка, которую дает тов. Сталин, как прямой и непосредственный результат наличия экономического кризиса, она целиком совпадает с об'ективной неизбежностью направления внимания капиталистических акул именно на СССР, как на об'ект для вывоза капитала. Тов. Сталин пока лишь в общей форме приводит этот вывод.

«Это значит,—говорит тов. Сталин,—что опасность войны будет нарастать ускоренным темпом».

Дальше: «Обнажаются и будут обостряться,—говорит тов. Сталин,—противоречия между странами-победительницами и странами-побежденными».

Это было сказано во время XVI с'езда ВКП(б). Здесь, опять-таки, не нужно подробно рассказывать или пересказывать о том впечатлении, которое на внешний мир произвели недавние выступления во французской палате депутатов Тардье и Бриана по вопросам о взаимоотношениях с Германией. Эти выступления соответственно оценены были в германской прессе; об этих выступлениях писали у нас, но то, что сказано в речи тов. Сталина об обнажении и обострении противоречий между странами-победительницами и странами-побежденными, целиком нашло свое подтверждение в этих фактах внешней политики.

«Обнажаются и обостряются противоречия,—говорит он дальше,—между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами». Факты того, что происходит на Востоке подтверждают и это положение.

И, наконец,—«обнажились и обострились противоречия между буржуазией и пролетариатом».

«Это значит,—говорит т. Сталин далее,—во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию. Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции в области внешней политики. Это значит, наконец, что пролетариат, борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции».

Так определил тов. Сталин конечный политический результат, конечные, политические выводы из экономического кризиса. Но он закончил еще более конкретно. Он кончил так: «По этому каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой страны Советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии»...

Это сказано было в июне 1930 года, в то время, когда Рамзин уже готовился к поездке за границу для того, чтобы конкретно выяснить вместе с «Торгпромом» вопрос: что же, остался в силе старый срок «наскока авантюристских сил на СССР» со стороны международного капитала или нет, когда же он, наконец, состоится—в июне или июле месяце? В 1930 или 1931 году?

Так, в исторической действительности, в живой жизни мы находим оправдание предсказаний, данных на основе марксистского подхода, большевистского анализа соотношения общественных сил у нас и за границей, анализа классовых интересов, определяющих политику руководящих кругов международной буржуазии, в частности ее наиболее авантюристски, наиболее агрессивно, наиболее империалистски настроенных кругов.

Я думаю, что этим об'ясняется, уже отсюда становится понятным и тот шум, который поднят вокруг этого процесса, и тот оголтелый вопль части буржуазной прессы, которым она окружает этот процесс, и те ухищрения самого различного порядка—лживые, глупые выдумки, к которым она прибегает, бессмысленные настолько, что не понимаешь, как здравомыслящий человек может их утверждать, и о том, что делается у нас, в СССР, и о том, что делается здесь на процессе, что говорят подсудимые,—что все это ложь, выдумка, вымучено пытками и проч. и проч.

Пойманы с поличным. Пойманы с поличным в момент накануне реализации плана. Вот причина шума, вот причина воплей, вот причина выдумок, вот причина лжи!

Если бы мы вопрос поставили так: вот восемь человек на 150 миллионов населения СССР; вот 8 человек, руководивших двумя тысячами своих сторонников (допустим две тысячи), скажем, даже тремя тысячами из 40 или 30 тысяч инженеров. Они хотели взорвать СССР, они хотели реставрировать капиталистический строй. Из-за чего же такой шум за границей, из-за чего же шум? Что из этого? Но они задели в своих показаниях определенных политических деятелей. Они здесь на суде сказали о том, что и свою вредительскую работу направляли в отраслях промышленности по указаниям правящих руководящих буржуазных кругов. И поскольку тут они сказали правду — вот об'яснение и причина и этой тревоги, и этого шума. То, что говорят здесь подсудимые, соответствует действительности, базируется на определенных действительных фактах жизни, является результатом согласованных действий — и это переполошило круги, готовившие интервенцию.

Противопоставлять цифры и факты утверждениям о крахе пятилетки, о провале нашего хозяйства, о провале социалистического строительства—едва ли большая необходимость. Но три цифры я все же хочу противопоставить, так как они являются определяющими цифрами.

Три цифры я приведу: это рост нашей сельскохозяйственной продукции за истекшие два—три года с 1926—27 по 1930 г. от 106% довоенных до 114%; рост промышленной продукции от 102% до 180% на рубеже 1930 г. и общий темп роста национального дохода, увеличивающийся из года в год и дошедшего к 1930 г. до плюс 15%, в то время когда за границей мы имеем плюс три, плюс четыре и максимум плюс 8% в основных руководящих странах капиталистического мира.

Вот эти цифры—это факты, которых никто опровергнуть не может, и они характеризуют еще раз и подтверждают и то, что сравнительная характеристика СССР и Зап. Европы, данная Сталиным, правильна, вместе с тем они об'ясняют и то, почему со страшной злобой и ненавистью сейчас думают о СССР наши враги в лице правящих и близко стоящих к правящим слоям французской и иной буржуазии и почему вопрос об «авантюристских наскоках на СССР», как говорил Сталин, стал вопросом их практической политики за последние годы.

Чтобы не задерживать товарищей судей на этой части анализа общих причин, вызвавших и такую политику и такой интерес к процессу, я приведу только еще одну цитату из Владимира Ильича. И приведу ее для того, чтобы открыто сказать здесь перед лицом трудящегося класса нашей страны и всего мира о том, что определяет и какая же, в противовес буржуазии, наша политика. Не раз мы об этом говорили. Много раз говорили и повторим еще раз. Владимир Ильич писал по этому поводу:

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западноевропейской контрреволюции, направленный к поддержке русской контрреволюции, сорвался из-за противоречий в лагере контрреволюционеров Запада и Востока, в лагере эксплоататоров восточных и эксплоататоров западных, в лагере Японии и Америки...»

„... решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается в борьбе самим капитализмом».

И далее:

«Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская коммунистическая партия, мы, российская советская власть, для того, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас»...

Какую же политику выдвигал Ленин?

«... ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и пр.»...

«Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономии, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.». (Собр. соч. В. Ленина, т. XVIII, ч. II, стр. 137 и 138).

Наша политика была, осталась и будет политикой мира. Наша политика была и осталась политикой социалистического переустройства экономики нашей страны. Наша политика была и осталась политикой строительства социализма, социализма, который является руководящей идеей для нас. Об авантюристических наскоках с нашей стороны говорить смешно. Эту политику мира мы сейчас продолжаем и будем продолжать, что бы ни говорили, как это говорит в своей статье Пуанкаре, что мы-де готовим войну, и где он требует, чтобы мы не мешали им, не вмешивались в их дела, «подобно тому как Франция не вмешивается в наши». О, нет! Мы в их дела, «подобно тому как они вмешиваются в наши», не вмешиваемся. Мы таких приемов в нашей борьбе не употребляли, не употребляем и не будем употреблять.

Таково положение вещей, которое создалось сейчас, таковы те внутренние основные причины, которые вызвали исключительный интерес к этому процессу и которые в конце концов определили собой деятельность контрреволюционной организации, присвоившей себе наименование «Промпартии».

Наше дело сейчас — разобраться в этой организации. Нам нужно разобраться во всей сложности происходящей классовой борьбы, во всем сложном переплете вопросов политики, экономики и техники, сплетении различных интересов—групповых, классовых, личных, которые переплелись в данном процессе, чтобы реально оценить и разрешить вопрос о степени реальной опасности, в которую была поставлена страна в целом деятельностью этих людей, и для того, чтобы одновременно определить и оценить степень индивидуальной опасности, которую представляет собой каждый из них, ибо мы независимо от этих общих причин, действующих и на нас, разбираем все же конкретное судебное дело и в этом конкретном судебном деле должны разобраться так, как это подобает сделать на судебном процессе.

4. „ПРОМПАРТИЯ“—СОБИРАТЕЛЬ И РУКОВОДИТЕЛЬ ВРЕДИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ.

Я указал, в какую сложную канву переплелись различного рода интересы в настоящем процессе. В этой канве переплелись интересы мирового масштаба, интересы буржуазии как класса в целом, для которой существование СССР как факта на территории земного шара является прорывом в мировом господстве империалистической буржуазии, нарушением равновесия в этом господстве буржуазии как класса, нарушением устойчивости ее положения как мирового гегемона, направляющего все отрасли общественной, хозяйственной и политической жизни. Вот один узел, который завязан в этом процессе.

Интересы класса буржуазии, взятые в национальном разрезе, буржуазии как класса, господствующего в отдельных государствах, на отдельных отрезках земного шара—французской буржуазии, польской буржуазии, румынской буржуазии, для которой существование СССР, его дальнейшее процветание и устойчивость являются ближайшей угрозой развития революционного движения в их собственной стране и их устойчивости как класса эксплоататоров в своей стране.

Интересы буржуазии как класса, ограниченного в национальном разрезе,—вот второй узел, который завязан в этом процессе.

Групповые интересы буржуазии, претендующей занять господствующую роль в определенных отраслях промышленности, претендующей на господство на мировом рынке, также нашли свое отражение тут. Возьмем нефтяную отрасль и группу Детердинга, возьмем «Торгпром», как об'единение бывших русских собственников, вот вам совокупность нарушенных интересов буржуазии, взятых в групповом разрезе. Это—третий узел, который также завязан в этом процессе.

Интересы отдельных группировок более узкого масштаба, интересы, скажем, определенной части инженерства, занимавшей командное положение при капиталистическом методе управления промышленностью и капиталистическом методе хозяйства, интересы определенных слоев, выходящих за пределы только инженерной среды, интересы верхушки интеллигенции, до утверждения диктатуры пролетариата, монопольно обладавшей и державшей в своих руках доступ к основным управляющим должностям в государственном аппарате,—вот вам группа интересов, также нарушенных фактом существования СССР, фактом существования диктатуры пролетариата. Вот еще один узел, также завязанный в этом процессе.

Наконец, личные интересы отдельных лиц—Федотова, Куприянова и Ситнина, имевших личную крупную собственность и непосредственно руководивших крупнейшими предприятиями или об'единениями предприятий при капиталистическом порядке, наконец, даже интересы лиц, непосредственно не имевших такой непосредственной связи с управлением промышленностью, интересы того же Чарновского, того же Рамзина, того же Калинникова, которые были поставлены при диктатуре пролетариата в условия, нарушившие прежние привычные методы их жизни, быта, разбившие перспективы, которые они ставили себе в развитии своей служебной и личной карьеры,—вот вам наличие этих интересов, главным образом нарушенных фактом господства диктатуры пролетариата, фактом существования СССР и равным образом являющихся еще одним узлом завязанным за этом процессе.

Мне приходится оставить в стороне вопросы мировой политики, вопросы борьбы за восстановление интересов буржуазии как класса в мировом масштабе или в национальном разрезе,—говорить, анализировать и ближе рассматривать степень влияния на деятельность подсудимых нарушенности интересов их групповых прослоек, а также личных интересов отдельных конкретных лиц.

Но основного угла зрения, под которым должна рассматриваться все же вся их «работа», мы не можем ни на одну секунду упускать из виду, основного угла зрения, который определяется как угол зрения борьбы за внешнюю безопасность нашей страны, борьбы за возможность спокойно продолжать социалистическое строительство, борьбы за возможность рабочему классу — хозяину в нашей стране — делать и строить свою страну и свое хозяйство и свое государство так, как он хочет сам, так, как он разумеет, как он понимает. Эта работа и эта возможность поставлена под прямую угрозу, и этот угол зрения не может быть нами ни на минуту забываем даже тогда, когда мы спускаемся в область рассмотрения мелочей, индивидуальных интересов отдельных лиц и ролей отдельных обвиняемых в этом деле.

Я начну с общего определения и характеристики в общем той работы, которую делали и исполняли подсудимые, по сравнению с тем, что было до них. Постараюсь определить прежде всего их место и удельный вес в том общем процессе развития вредительской работы, который имел место за последние два года до их вступления в центральную вредительскую организацию.

Должно отметить, и об этом мы уже много раз говорили, это общеизвестный факт в нашей советской действительности, что вредительство мы рассматриваем не как изолированное действие отдельной группы лиц, а как метод классовой борьбы буржуазии в целом. Этим об'ясняется, во-первых, многочисленность вредительских организаций, во-вторых, их приблизительно одновременное возникновение в разных отраслях промышленности сепаратно, их дальнейшее развитие в области внутреннего содержания работы и то, что они в конце концов слились в одном центре.

Вот данные, которые прошли уже на судебном следствии и которые должны быть здесь отмечены.

По Народному комиссариату путей сообщения мы из слов свидетеля Красовского, и из слов самих подсудимых, и из фактов, имеющихся в распоряжении суда, изложенных в тех документах, которые приобщены к делу, знаем, что вредительство в области транспорта зародилось не в 1927 году, а зародилось раньше, зародилось самостоятельно в среде путейского инженерства, а в 1927 году или в начале 1928 года лишь влилось, вернее — слилось с центральной вредительской организацией.

Это как будто говорит в пользу подсудимых. Я это учту при определении итоговой оценки степени общественной опасности данных лиц.

Военная промышленность. По тем же данным мы знаем, что ликвидация вредительской организации в военной промышленности имела место в период, когда данная центральная организация в свою окончательную форму — центральный комитет «Промышленной партии» — еще не оформилась, или когда к этому времени были созданы лишь основные элементы ее, впоследствии оформившиеся довольно быстро. Здесь мы имеем такую же картину, как и по НКПС.

Текстильная промышленность. Нам говорили здесь о работе Лопатина. Куприянов, Ситнин, Федотов сообщали нам, что они свою работу, начало своей вредительской работы, датируют одни половиной 1925 года, другие — половиной 1926 года.

Таким образом, и здесь мы имеем ту же самую картину, и эта отрасль вредительской работы возникновение свое также относит к моменту до образования центральной единой группы вредителей.

Нефть. Здесь говорили о Стрижове, о теснейших связях, которые он самостоятельно по своей линии имел с бывшими нефтяными промышленниками. Налицо та же самая картина.

Уголь. Но мы знаем из шахтинского процесса, что в угольной промышленности первые связи с бывшими хозяевами и первые формы и методы вредительской работы и акты вредительской работы относятся к 1920—21—22 гг., а окончательное оформление получают в 1924—25 годах.

И, наконец, такие работы, как ирригационные, мелиоративные работы, где вредительство руководилось Кениген и Ризенкампфом, также свое возникновение относит к 1926 году, о чем говорил нам Михайленко.

Отсюда уже сами собой обрисовываются об'ективные роль и значение вредительской центральной группы. Они, эти конкретные подсудимые, не являются инициаторами, так сказать, основоположниками вредительской работы. Я бы их назвал собирателями, конденсаторами вредительства. Они, выражаясь термином, который в нашем советском быту приобрел уже несколько иронический смысл, они, согласно этой иронически употребляемой формуле, «согласовали и увязали» вредительскую работу.

Роль их и значение—в факте об'единения в одной организации этих отдельных ручьев или отдельных русел вреди-

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 3-й СТР.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ тов. КРЫЛЕНКО.

тельского дела. Они об'единили, и, что всего характернее, в качестве об'единителей, тех, кто положил начало этому об'единению, они называют лиц, которые вам известны как руководители, основоположники шахтинского вредительства в угольной промышленности: Рабиновича и Пальчинского.

Следующим явился Хренников, присоединивший, влививший сюда металлическую промышленность. Затем через него и при посредстве этих трех лиц, еще до вступления Рамзина, в единую организацию влились текстиль, нефть, затем присоединили НКПС, военную промышленность и другие.

Итак, прежде всего общая об'ективная характеристика, которая должна быть дана, будет сводиться к следующему: вредительский центр, создавшийся на рубеже 1927 года, составивший собою центральную организацию—«Инженерно-технический центр», об'единил собой все до него возникшие сепаратно, не сложившиеся в определенные, прочно внутренне спаянные и увязанные (опять этот термин) группы вредителей в отдельных отраслях.

Какая же роль этого момента? Является ли обстоятельством, как выражаются, смягчающим ответственность, то, что не они создали, то, что не они инициаторы? **Но они—руководители.** И если мы на чашу весов положим эти два факта—не инициаторы, но об'единители и руководители,—я думаю, совершенно ясен сам собою уже будет ответ на вопрос о степени их прямой, выражаясь старым термином, виновности и степени их опасности для советского порядка. Таково значение этой группы, взятой как руководящий центр.

Из этого факта, однако, вытекает и целый ряд других выводов, которые мы также должны сейчас же здесь отметить, чтобы было понятно многое из того, что прошло на судебном следствии и о чем придется говорить.

5. СТРОЕНИЕ ВРЕДИТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Этим об'ясняется и строение их организации. Проанализируем этот факт подробнее, ибо нам нужен этот анализ и для другой цели—установления достоверности того, что сообщают нам вообще подсудимые.

Возьмем этот факт—строение организации. Эта организация, по словам Рамзина (так он нам сообщил на предварительном следствии, так он подтвердил и во время судебного следствия), и это подтвердили остальные обвиняемые, была построена по принципу отраслевой связи, по так называемым цепочкам, другими словами—**по отдельным отраслям,** где по цепочке шло руководство из единого об'единенного центра, руководство различными вредительскими организациями, и где поэтому часто вредители одной цепочки не знали вредителей другой цепочки. Работники в одной определенной отрасли не знали работников других отраслей, кроме основных руководителей, кроме головки. Мало того, лишь за последнее время, как говорил Рамзин, были попытки создавать отраслевые центры по горизонтали, основной же принцип, который сохранен от начала до конца, был принцип строительства по вертикали.

Перед нами прошли свидетели. Я думаю, ни один из свидетелей—ни Цейдлер, ни Михаленко, ни Сироцинский,—ни один из этих свидетелей ни в малой степени не был заинтересован в том, чтобы не говорить правды в ответ на вопрос о том, знали ли они и кого знали из сидящих здесь лиц, знали они или не знали, каким образом организована их вредительская верхушка, каким образом организовано непосредственное представительство или контакт этих вредительских организаций.

И они говорили,—возьмем Цейдлера, вспомним его показания (а он является работником в немаловажной отрасли водного хозяйства—по хлопку и играл в ней не последнюю роль): когда ему задали вопрос, кого конкретно он знает и что вообще он знает о руководящем составе, он назвал три имени, «а остальных,—сказал,—не знаю».

Михаленко—периферийный работник, конкретный исполнитель конкретных задач—знает еще меньше: он знает Спарро, слышал кое-что о Цейдлере как о непосредственном начальнике, слышал про Ризенкампфа. И когда сказали: «Посмотрите на присутствующих, кого вы знаете?»—он сказал, что никого не знает.

Возьмем Сироцинского. Это интереснейший момент развития судебного следствия, поскольку он соприкасается с организацией, имевшей место в Наркомтруде, имевшей свои самостоятельные заграничные связи и лишь в порядке дальнейшего согласования своей работы об'единившей эту работу с вредительским центром. Мы видим, что Сироцинский назвал имя Клевезаля, он говорил о Кузнецове,—о Кузнецове говорил и Федотов,—и о Кольцове, и о Кудрявцеве, но говорил лишь в определенной части, лишь в той части, в которой эти лица или в которой с этими лицами соприкасался центр.

Такое положение вещей мы встречаем в показаниях всех свидетелей. Оно не противоречит тем общим принципам строения организации, той характеристике, которая была дана подсудимым Рамзиным. Мы здесь противоречий не нашли. Мы убедились в этом путем вызова живых людей. Мы получили реальные доказательства именно такого строения организации, при котором периферия знала лишь свое ближайшее вредительское начальство, через кого происходит общее об'единение во вредительском центре. И лишь те, которые непосредственно входили в контакт с вредительским центром, знали и о содержании работы, знали и о том, каким путем осуществляется этот контакт. Мало того, со стороны вредительского центра и отдельных руководящих его деятелей мы слышали указания на то, в какой мере они осведомлены о техническом содержании конкретных технических работ. Когда я спросил Цейдлера о вредительстве в области водного хозяйства и хлопка — могло ли быть осуществлено вредительство путем такого проведения системы орошения водного хозяйства, при котором заведомо бы исключалась возможность получения требуемого количества хлопка, то он ответил мне, что этот метод не употреблялся. Рамзин же на тот же вопрос ответил, что эта отрасль вредительской техники ему незнакома.

Я потом подробно остановлюсь на анализе показаний Рамзина и установлю, что ему было хорошо известно и чего он действительно не знал или говорит, что не знал, и в области ирригационных работ в плоскости вредительства. Нельзя верить гр-ну Рамзину и всем остальным, несмотря на их заявления о чистосердечном раскаянии. Я не могу и не верю. Поэтому я подвергну потом анализу их чистосердечное раскаяние, но об этом после.

Здесь я разрешу себе лишь констатировать факт, что строение вредительской организации, таким образом созданной, целиком совпадает, во-первых, с историческим ходом развития вредительских организаций, с интересами конспирации, с заявлениями свидетелей, да и с фактическим положением дела, поскольку было об'ективно трудно при таком построении вредительской организации и вредительских связей—да и не нужно было — руководящему центру знать непосредственно как весь состав, так и конкретные дела, которые эта организация или ее отдельные члены исполняли. Так строилась организация. Интересно отметить, что даже в пределах отдельной отрасли промышленности, — скажем, в пределах Народного комиссариата путей сообщения, — мы можем установить, что там равным образом вредительство строилось тоже по отдельным специальным отраслям работы Народного комиссариата путей сообщения и что тут тот же принцип выдерживался от начала до конца. Этот принцип не может быть выдуманным. Он сам собой подсказывался жизнью, поскольку вредители имели в своем распоряжении такую прекрасную готовую схему отношений, как схема сложившейся иерархической системы подчинения. Эта схема сложившейся системы иерархического подчинения, эта иерархическая лестница должностей сама собой служила той организационной спайкой, той организационной связью, которой должны были и не могли не воспользоваться вредители в своих целях.

Вот почему, если мы констатировали выше, что тут отдельные вредительские ручьи слились в одно русло, спелись в один вредительский узел, то строение организации сохранилось прежнее, и вопрос шел только о методах руководства и управления, т.-е. вопрос шел о том, чтобы обеспечить точность исполнения директив. Для этого нужно было лишь поставить то, что известно под именем «контроля исполнения».

С другой стороны, надо было обеспечить возможность планового управления этими отраслями, а это делал Госплан. Вот почему основные работники Госплана, вот почему Госплан являлся особенно атакованным вредителями, я бы сказал, местом, на которое направили теперь, в эту пору, свой удар вредители. Я имею в виду не только Ларичева, Чарновского, Федотова и др. Я имею в виду зампреда Госплана Осадчего. Это не председатель отдельной секции, а человек, который являлся заместителем руководителя всего учреждения. Вот почему вопрос о завоевании Осадчего являлся крупнейшим вопросом для организации, и вот почему сюда были направлены усилия. Спрашивается: эта цель была достигнута или нет? Ответ ясен, его мы слышали непосредственно из уст Осадчего. Госплан был завоеван в лице основных руководящих групп и в лице основных его руководителей как в отраслях, так и непосредственно в руководящей верхушке.

Я раньше чем подойти к анализу конкретной стороны работы остановлюсь еще на одном, казалось бы, несколько отвлеченном вопросе, имеющем, однако, самое непосредственно актуальное практическое значение. Мы привыкли еще со времен своей борьбы с царизмом подпольную организацию представлять себе несколько иначе, чем та организация, дело которой сейчас рассматривается. В нашем представлении, в нашем понимании подпольная работа есть работа, построенная на началах подпольных ячеек, подпольных групп, руководящих комитетов и т. д., непосредственно не связанная с теми или другими отраслями практической повседневной деловой работы госучреждений. Политическая пропаганда при этом, установление связей с массами, руководство ими составляли ядро нашей работы. Характерным для этой организации является, наоборот, то, что здесь подпольная организация включилась в государственный механизм, что здесь подпольная организация своими щупальцами проникла непосредственно в поры государственного организма. Этот факт имеет, впрочем, естественное, совершенно жизненное и историческое об'яснение. Лишенная в силу своего классового характера какой бы то ни было возможности опереться на массы, она вынуждена была направить свою преступную работу именно на вредительство в порах государственного организма, на началах замкнутой, кастовой, почти чиновной, иерархии. И, естественно, сам собой возникает вопрос: почему же инженерство получило в этой подпольной организации руководящую роль? Мы говорили об этом частично в шахтинском процессе, об этом много раз говорили в печати. Я подробно возвращаться к этому не хочу, но считаю нужным подчеркнуть лишь одну из причин этого факта. Мы строим страну крупной машинной индустрии. Наш лозунг: социалистическая индустриализация страны, при чем в таком размере, чтобы стал реальным фактом наш лозунг **«догнать и перегнать»,**—не шуткой, не фразой, а делом. Мы хотим сделать нашу страну с точки зрения машинной техники, с точки зрения орудий производства такой, которая не только стояла бы на уровне, но и перегнала западноевропейские и американские страны. Пусть смеются, а мы покажем делом.

Для этой роли, для этой работы во всех отраслях производства инженерство является прослойкой, сосредоточивающей в себе всю совокупность необходимых технических знаний, технических методов практического руководства каждым шагом работы в каждый день и в каждой отрасли работы снизу и доверху, начиная с Госплана и его секций и кончая последним небольшим предприятием на территории СССР. Оно является, таким образом, об'ективно необходимым элементом, без которого об'ективно невозможно ни построение такой страны, ни руководство практическим делом. Это не значит, что об'ективно невозможно обойтись без данного инженерства, это не значит, что об'ективно невозможно обойтись без инженерства в старом понимании—как особого технического слоя технической интеллигенции. Наши инженеры, наши новые инженеры, наши красные инженеры, инженеры из рабочей среды, пришедшие к инженерству непосредственно от станков, непосредственно от орудий производства,—вот та сила, которая воспримет и уже частично восприняла всю эту совокупность знаний, а у нас нет оснований думать, что она неспособна воспринять знания, хотя это и предполагает известная часть старой интеллигенции, и эту силу мы готовим для построения социалистического строя, и при помощи этой силы мы построим новую жизнь.

Но пока основная проблема кадров не разрешена до конца, до этого момента инженерство является таким, каким оно есть, каким его нам дала жизнь, каким его дали условия прошлые и настоящие, условия классовой борьбы, со всеми навыками, воззрениями, взглядами и привычками. Вот почему, поскольку центр тяжести всей жизни сосредоточен на этой области, поскольку этот наш лозунг является основным и поскольку вся остальная—так называемая гуманитарная—интеллигенция уже или в громаднейшем большинстве заполняется новыми, создавшимися из среды рабочего класса слоями, именно та часть старого инженерства, которая была и осталась определенной классовой группировкой, внутренне спаянной определенными классовыми симпатиями и антипатиями,—эта часть инженерства об'ективно стала той силой, в которой сосредоточилось контрреволюционное вредительство. Я бы сказал, что с этой точки зрения еще большой вопрос, кто опаснее: те 200.000, которыми так бесшабашно хвастал представитель кондратьевско-чаяновской группы, или те 2.000, если даже они существуют, о которых говорил Рамзин, как об армии, которой располагает инженерно-технический центр. Еще большой вопрос, насколько в практической подготовке расстройства, краха, прорыва и недохваток в хозяйственной жизни эти 2.000 менее весомы, и насколько с большим правом и основанием может Рамзин противопоставить этим фантастическим 200.000 —2.000 своих инженеров. Возьмем инженерную ячейку в любом предприятии и возьмем любую контрреволюционную группировку, созданную из кулацких элементов в деревне или из обывательщины в городе. Кто практически больше знает, кто практически сможет больше навредить? Конечно, те люди, которые привыкли изо дня в день работать на производстве, которые знают его до винтика, знают деталь каждой машины, могут определить значимость ее для контрреволюционной работы. Недаром они так быстро перешли к вопросу о диверсии, к организации диверсионных групп, к техническим методам подготовки интервенции.

Я не хочу ни в малой степени утверждать, что в инженерстве в целом находилось много людей вроде Рамзина, но я не хочу и преуменьшать их значения. Допустим на минуту, что две тысячи, о которых тут говорили,—что эта цифра не преувеличена. Они представляют собой силу, с которой нельзя не считаться, поскольку они сидят в производстве. Но уже можно зато и сказать, что это—все, на что вообще Рамзины могут рассчитывать. За пределами этих 2.000 у них сторонников нет. Ибо 13 лет прошли недаром, и Октябрь, разделивший их и нас, бросивший их в лагерь контрреволюционеров, Октябрь—это уже не вчерашний день. Это уже не год назад. Прошло 13 лет. Недаром поэтому и они говорят о том, что в течение уже ближайших лет будут созданы и заполнены новые кадры, число их сторонников станет еще меньше, за пределами двух—трех тысяч они уже сейчас едва ли могут рассчитывать на новые ряды. Но эти две—три тысячи есть, эти две—три тысячи работают, и с этой точки зрения приходится расценивать их об'ективную опасность.

6. РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ „ПРОМПАРТИИ".

Я остановлюсь одновременно еще на одном вопросе, потому что он интересен с точки зрения понимания идеологии этих лиц.

На судебном следствии шел мельком спор о теории управления государством с помощью инженеров, о теории Баллода (гражданин Рамзин говорил даже о Платоне), о так называемом инженерном правительстве. Любое инженерное правительство осуществляло бы руководство государственной политической жизнью страны не в соответствии с интересами какого-либо определенного класса, экономически сильного класса, экономически опирающегося на свою роль в производстве и распределении: такое инженерное правительство—мыльный пузырь, пуф, пустяк, болтовня, глупость, непонимание. Это доказано и историей всех революций вообще и историей любого государственного, экономического и классового конфликта в частности.

И полагать, что если бы в нашей стране произошла интервенция, и если бы в результате интервенции получили власть интервенты, полагать, что в этой стране финансирующие вредителей, стоящие за их спиной, использующие их группы бывших русских промышленников, руководящая группа иностранной буржуазии, заинтересованная в интервенции, остатки старого, уничтоженного революцией помещичьего класса, царские генералы Лукомский, Миллер (их тут много, я мог бы перечислить достаточное количество) будут хотя бы на одну секунду думать о том, чтобы поставить в качестве руководителей страны гражд. Рамзина, гражд. Федотова или, еще лучше, гражданина Чарновского, да еще в качестве проводящих самостоятельную политику людей, — я сказал на судебном следствии: верить в это — либо политическая наивность, надо сказать, политическая глупость, либо политическое лицемерие —политическое лицемерие, поскольку это заведомо неверно, заведомо вздорно.

А между тем, не отвечающая ни на одну ноту реальному соотношению сил, эта идея распространялась, муссировалась и служила приманкой или удочкой, при помощи которой Рамзины ловили или хотели подловить легковерных, не понимающих ни аза в политике дурачков. А между тем мы слышали от гражданина Рамзина горделивое утверждение, что именно так он полагал и что даже лично он в известной степени считал реальными такие предположения. Другие подсудимые, когда я их спрашивал на этот счет, давали более откровенный ответ — что, конечно, политической наивностью с их стороны было в это верить. Но я не хочу этим подсудимым приклеивать ярлык только политически-наивных людей, ни Чарновскому, ни даже Ситнину. О степени политической наивности Ситнина и степени его практической сметки мы еще поговорим. Во всяком случае люди, которые непосредственно входили в соприкосновение с руководящими китами заграничной торгово-промышленной буржуазии, входившие в непосредственное сношение с военными командными кругами, говорившие с Лукомским, с ним определявшие план действий, соглашавшиеся на его диктатуру, эти люди, впоследствии точно договаривавшиеся о цене за интервенцию, которую придется заплатить,—верить в политическую наивность этих людей нет никаких оснований. «Политическое лицемерие» по отношению к своим сотрудникам — это еще туда-сюда,—так можно было бы охарактеризовать их позицию, хотя я взял бы и тут более резкое выражение: это не политическое лицемерие, а сознательно практиковавшийся **политический обман.**

Я останавливался в судебном следствии специально на вопросе о цене интервенции. Что стоила бы интервенция рабочему классу и широким трудящимся массам СССР? Диктатура генералов старых, диктатура царских генералов—что она могла бы с собою нести, что она с собою бы принесла?

Я позволю себе взять выдержку, которую я сегодня приобщил к делу, — о суворовских торжествах в Париже, я процитирую ее в определенных частях: она скажет, о чем думают, о чем мечтают эти генералы. Извиняюсь за режущий ваше ухо стиль этой заметки.

«8½ часов вечера. Эффектный зал с трудом вмещает русскую колонию Парижа. Среди присутствующих: вел. кн. Елена Владимировна, великий князь Андрей Владимирович, князь Гавриил Константинович, митрополит Евлогий, французские офицеры в форме. Скауты с розетками цветов дома Суворовых размещают прибывающих. На эстраде за столом А. А. Башмаков, член Высшего Военного Совета Франции генерал Ниссель, генерал Алапчиков, ген. Баратов, ген. Богаевский, адм. Кедров, полковник Молостов, адм. Русин. За ними на эстраде—офицеры лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков. Еще дальше—духовой оркестр инвалидов и хор кубанских казаков. В глубине—портрет генералиссимуса Суворова и его герб, задрапированные национальными и андреевским флагами.

Председательствует генерал Ниссель в полной парадной форме, при всех орденах и с лентой Почетного легиона через плечо. В приветственном слове председатель Суворовского комитета А. А. Башмаков предлагает по русскому обычаю начать с молитвы и помянуть тех, кто погиб за родину. Все встают. Оркестр исполняет «Коль славен», а хор— «Вечную память».

Первым произносит речь заслуженный профессор Николаевской Военной Академии генерал-лейтенант Гулевич. Его прекрасная речь «Суворов—Российской Армии Победоносец» посвящена выяснению личности великого полководца...

...Следующий оратор — бывший командующий русскими войсками во Франции, генерал-лейтенант Лохвицкий. В своей речи «Суворовская школа» он талантливо обрисовал личность Суворова, который прежде всего был русским человеком и русским полководцем. Будучи образцом человека и воина, сильного верой в бога, преданностью царю и любовью к родине, он в этом духе воспитывал и солдата...

...Суворовские заветы обязывают ко многому,—к вере, верности государю и родине. Они должны быть положены в основу и нашу, когда от нас потребуется воля к победе.

Звуки «Семеновского марша» покрывают аплодисменты после прочувствованной речи генерала Лохвицкого.

Ярким выразителем неугасаемых суворовских чувств и традиций был А. А. Башмаков, один из потомков Суворова во II-м колене. В прекрасной речи «Суворовские заветы» сначала на русском, а затем на французском языке докладчик отмечает, что ему, гражданскому деятелю, не случайно выпала честь говорить о великом полководце. Отсутствие в русской гражданственности тех суворовских заветов, которыми была всегда сильна армия, повлекло катастрофу нашей родины...

...Заветы Суворова, этого поэта бранного поля, одаренного вещим угадыванием правды государственной, сводились в формуле «За веру, царя и отечество». Вера явилась на Руси прежде всего. На почве православной веры выросло представление о царе земли русской. Третий элемент суворовской формулы—отечество—не успел окрепнуть в сознании русского народа к моменту русской смуты...

...Лишь усвоение суворовских заветов во всех областях нашей государственности может спасти нашу родину,—только на путях великого Суворова воскреснет Россия.

Речь А. А. Башмакова была покрыта шумными, несмолкаемыми аплодисментами, вслед за которыми оркестр и хор исполнили русский национальный гимн. Последним на этом собрании говорит генерал Ниссель, испытанный друг русских. В своей речи «Суворов и Франция» он талантливо обрисовал первые боевые столкновения России и Франции в итальянскую и швейцарскую кампании Суворова...

...Это чувство взаимного уважения окрепло во время наполеоновских войн, а в Севастопольскую кампанию перешло в симпатию. Великая война, наконец, навеки закрепила дружбу двух народов—французского и русского. Франция никогда не забудет услуги России, пожертвовавшей своими корпусами в Восточной Пруссии для спасения французской армии на Марне...

...В заключение генерал Ниссель на русском языке предлагает почтить героя русским «Ура».

Громкое ура, аплодисменты, оркестр играет Марсельезу. Французскому генералу устраивают шумные овации, слышатся крики: «Вив ля Франс!»

В конце собрания, по просьбе присутствующих, оркестр исполняет национальный гимн». («Возрождение» от 25 ноября).

Из всей этой болтовни для нас важно отметить только одно: для нас важно отметить только политические лозунги этой группы. Эти лозунги—«за веру, царя и отечество», эти лозунги—старое самодержавие со всеми его прелестями, со всеми его мерзостями, со всеми его подлостями.

Эту практическую программу готовили для СССР обвиняемые, определяя свою практическую программу как военную диктатуру Лукомского, одного из этих генералов. Что же, Лукомский один бы пришел? А вся свора акул и кровопийц, вся эта свора раздавленных историей гадов, она бы не поползла сюда со своим змеиным шипом из всех закоулков? И Лукомский вам бы передал, гражданин Рамзин, право «владеть и княжить землей русской»? Вы сами, гр. Рамзин, сказали: «сначала успокоение, а затем реформы». Значит зверства, расстрелы, карательные экспедиции, гекатомбы человеческих трупов, миллионы жертв со стороны рабочего класса и крестьянства,—а потом? Потом Рамзину сказали бы: пошел прочь, холоп! Ты свое дело сделал!

Вот реальная картина будущего, которую готовили эти господа.

Вот реальная картина той практической программы, которую готовила эта сорганизовавшаяся контрреволюция с цветом технического инженерства во главе, опирающаяся на свою армию вредителей и связавшаяся для этого с зарубежной контрреволюцией и интервенцией.

Реставрация капитализма—вот реальная цель, которую практически себе ставили эти господа. Ну, а вопрос о «государственном капитализме», сторонниками которого были Ларичев и Рамзин?

Позвольте эту часть программы коротенько только разобрать. Я не буду говорить о том, что понятие государственного капитализма у Рамзина довольно своеобразное. Я не буду анализировать это понимание, скажу лишь по существу: сохранение фабрик и основных отраслей промышленности в руках государства. Об'ективно, на это пошли бы промышленники? Он с Рябушинским говорил! Рамзин, катаясь по Булонскому лесу на автомобиле, договаривался об этом с Владимиром Рябушинским. Мы читали здесь статью Владимира Рябушинского, целиком оправдавшую ту характеристику, которую ему дал подсудимый Федотов грибоедовскими словами: «уж разве поумнел?». Но, кто был в момент этой поездки все-таки умнее: Владимир Рябушинский или Рамзин, доказавший Рябушинскому в том, что, мол-де, лишь вопросы земельные не согласованы, потому что помещики еще не согласны на возврат земли, капиталисты, мол, уже согласились?

Помещики, видите ли, еще не совсем согласны, а капиталисты уже согласились отдать свои фабрики и заводы государству. Рамзин их уговорил. Я думаю, что здесь при анализе конкретного соотношения общественных сил ответ на вопрос, кто был умнее—Рамзин или Рябушинский,—не вызывает никаких сомнений.

После обрисовки картины того, как сложилась контрреволюционная организация, и определения удельного веса данной вредительской организации в лице ее центральной группы, рассмотрения ее практической программы, а не программы, о которой говорилось на словах, я должен перейти к анализу непосредственно конкретных дел этой группы, проанализировать ее конкретные дела.

Я должен только в двух словах остановиться еще на одном вопросе. Эта политическая программа была выработана ими не сразу. Она была выработана в результате целого ряда совещаний и в частности на совещаниях контактного характера с группой Кондратьева—Чаянова, при чем была выработана не только программа, а был выработан или спроектирован соответствующий список министров и министерских портфелей. Меня заинтересовал вопрос: зачем им понадобилось переформировать себя в «Промышленную партию»? Этому вопросу в обвинительном заключении уделено много места, и этот вопрос они сами равным образом излагали в своих показаниях. И все-таки осталась неясность: зачем вдруг людям, стоящим далеко от чистой политики, никогда специально политикой, как таковой, политической жизнью, за редким исключением, не занимавшихся —зачем им понадобилось об'единяться в «Промышленную партию», зачем им нужно было переименоваться из «Инженерно-технического центра»?

Здесь выставлялись три мотива. Во-первых, не мы одни, мол, боремся против диктатуры пролетариата и, следовательно, не мы одни будем претендовать на наследство, существуют и иные антисоветские силы; между тем вопрос распределения портфелей есть важный вопрос. А распределяются портфели по партиям. Следовательно, надо иметь тоже партию. Это—одно соображение.

Другое соображение: вопросы политики в настоящий момент у нас уже преобладают. Вопросы эти конкретно ставятся жизнью. Интервенция не за горами, и поэтому вопрос о том, что и как делать, есть реальный практический вопрос. Между тем вопросы политики—дело партии. Второе соображение.

Третье соображение—чисто практического характера. Вопрос о согласовании своих идеологических установок непосредственно за границей был поручен Рамзину в его поездку в 1927 году. Для этого также надо было их точно определить самим. А это дело партии.

Они видели, наконец, пример, как сплоченная, единая, стальная, мощная, боевая коммунистическая партия ведет свое дело, и они решили: мы тоже «партия», и у нас тоже «ЦК».

Но это образование политической партии ценно в одном: в том, что оно заставило их поставить точки над «и», что оно заставило их назвать себя тем, чем они по существу были: партией промышленного капитала, партией агентов крупной промышленной буржуазии. И еще важно отметить, что кондратьевско-чаяновская группа в этой будущей дележке неубитого медведя сознательно согласилась, хотя у нее был свой список министров, на то, чтобы ей было дано одно или, в крайнем случае, два места. Эта группа контрреволюционной мелкой буржуазии, группа контрреволюционного кулачества, идеологами которого являлись Чаяновы и Юровские, — она знала наперед свое место в будущем. Это также является характерным с точки зрения того реального будущего, которое готовила стране эта группа контрреволюционеров.

Вот то, что надлежит еще сказать по поводу истории «Промпартии» и ее ЦК, по поводу эволюции «Союза инженерно-технических организаций» в «Промпартию». Характерно, что инициаторами и этого вопроса являлись те же два лица — Пальчинский и Рабинович, по существу — главари, по существу — вожаки, теснейшим образом связанные с промышленным капиталом, сами бывшие промышленники.

7. ПОЧЕМУ СОЗНАЮТСЯ ПОДСУДИМЫЕ?

Я перейду к анализу уликового материала по основным пунктам обвинения, которое пред'явлено данным лицам, ибо для меня прежде всего все же этот процесс есть процесс данных лиц, есть процесс ЦК так называемой «Промпартии».

Одним из вопросов или, вернее, методов противления настоящего процесса являются лицемерные выражения недоумения по поводу того, что же это за процесс, в котором подсудимые все сознаются! Какую об'ективную ценность имеет это сознание? И как с этой точки зрения надлежит относиться и к этому сознанию, и к этому процессу? Я поставлю вопрос иначе — о так называемых об'ективных уликах я буду еще говорить,—но я поставлю вопрос так: какие вообще могут быть улики в таком процессе? Лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых. На одну минуту станем на точку зрения тех, которые не видят в этом факте решающей улики; тогда получается такая картина: вот ни с того ни с сего ОГПУ арестовало Рамзина, сперва Ларичева, потом Рамзина, еще раньше — Федотова, еще раньше — Красовского, еще раньше — вредителей - снабженцев арестовало, потом арестовало остальных, включая весь состав скамьи подсудимых. Почему оно их арестовало? Если допустить хотя бы на одну секунду, что эти люди говорят неправду, то почему именно их арестовали и почему потом вдруг эти люди заговорили? И заговорили хотя разновременно и о работе в различных отраслях промышленности, совершаемой ими на протяжении ряда лет, но заговорили, не имея никакого общения друг с другом, одно и то же о методах, характерных для каждой отрасли промышленности в отдельности, о целях, при чем их показания исторически совпадают и в датах, и в фактах, и в задачах, как они их себе ставили. Можно ли на одну секунду допустить об'ективную возможность такого гигантского сговора всех этих лиц, арестованных разновременно, каждый по своему делу и в разных отраслях, которые показывают одинаково лишь о методах, лишь о планах и целях с сохранением разниц в техническом существе вредительства по каждой отдельной отрасли промышленности?

Проанализируем дальше тот же вопрос. Какие улики могут быть? Есть ли, скажем, документы? Я спрашивал об этом. Оказывается, там, где они были, там документы уничтожались. На шахтинском процессе был установлен один такой момент, когда благодаря нашей медлительности было рассказано на собрании вредителей о раскрытом заговоре. После этого вредители, бывшие на этом собрании, поторопились уничтожить имевшиеся в их распоряжении вредительские документы. Конечно, такие документы, как письма «Торгпрома» и другие, были уничтожены и в настоящем случае. Я спрашивал; может быть, какой-нибудь случайный остался? Было бы тщетно на это надеяться...

Но все же не все документы были уничтожены. Я на судебном следствии не настаивал, не поднимал вопроса о приобщении к делу документов, не имеющих отношения непосредственно к деятельности подсудимых, но в материалах, касающихся деятельности текстильной группы, имеются письма Третьякова к Лопатину и Лопатина к Третьякову. Но эти письма относятся к прошлым годам, и их приобщать не имеется нужды. Это было еще тогда, когда связи носили случайный характер. В период налаженной, организованной связи документы не сохраняются. Люди? Свидетели? Желать, чтобы сюда пришли люди и рассказали о вредительской организации, при чем эти люди, руководившие вредительской организацией, **оставались бы на свободе,** чтобы они пришли к нам как бы со стороны, рассказали обо всем,—мы же не идиоты, чтобы оставить таких людей на свободе, что означало бы такое поведение с нашей стороны? И мы арестовали их. Поэтому мы считали вполне возможным, вполне правомерным и необходимым, чтобы сюда приходили люди, которые знают и могут рассказать о вредительской организации, о работе во вредительской организации, люди, содержащиеся под стражей, как конкретные носители вредительского зла, чтобы они рассказали, что им известно в пределах их деятельности, чтобы путем сравнения их показаний с показаниями подсудимых, путем изучения отдельных деталей и противоречий, если такие противоречия имеются, установить, в какой степени вероятно, в какой степени обосновано, в какой степени отвечает действительности то, что говорят подсудимые.

Я укажу прямо, что мы таким путем получили. Перед нами был Красовский, арестованный 1 апреля 1928 года. Красовский рассказал о вредительской работе, которая проводилась по НКПС в момент слияния, когда он вошел в центр и там делал свой доклад о вредительской работе по НКПС. Красовский излагал здесь детали этой работы, которые не были известны ни Рамзину, ни Калинникову. Но то, что он передавал по своей отрасли, в этой области, хотя бы чем-нибудь в малейшей степени было опорочено или хоть в малой степени противоречило бы показаниям подсудимых? Во время допроса Красовского я специально обращался к суду с ходатайством о приобщении акта обследовательской комиссии от 1 мая 1928 года о состоянии мобилизационных запасов паровозов и состоянии железнодорожного транспорта в области крупного и среднего ремонта. Эти цифры, которые я приводил здесь из акта специальной правительственной комиссии, указывали, в какой степени была реализована вредительская работа. Эти цифры, характеризовавшие, что средний ремонт паровозов против нормы был запущен чуть ли не на 100 проц., что являлось прямым исполнением вредительской директивы по НКПС, эти цифры, подтверждавшиеся соответствующим актом правительственной комиссии, явились таким образом в этом случае неопровержимым доказательством, против которого нельзя спорить и после которого нельзя говорить о выдуманности показания Красовского.

Возьмем другие области, любую из областей вредительской организации, о которых мы здесь говорили. Мы увидим и здесь такую же картину: полное совпадение и отсутствие противоречий,— и об этом я буду говорить в последующем.

Пока что подвергну анализу интересный документ, приобщенный мною к делу по вопросу о документах, которые могли исходить или могли иметься в «Торгпроме», — это пресловутое письмо пресловутого И. Яковлева (я не знаю, существует ли в природе такой Яковлев). Яковлев сообщает в этом письме о **документах,** которыми пользуется Крыленко в процессе «Промпартии».

Яковлев и редакция, таким образом, наперед знали, что я пользуюсь этими документами. Это письмо опубликовано еще до начала процесса, накануне его— 24-го числа. И вот, боясь возможного пользования хотя бы чем-либо похожим на эти документы, они спешат сообщить, что, мол, сфабрикованы в Берлине подложные документы и эти подложные документы присланы в распоряжение прокуратуры. «Сенсационное разоблачение документов, которыми пользуется Крыленко»,—так озаглавлена белогвардейская заметка. Мы отметили и ответили, что мы не пользуемся этими документами, но просим суд огласить их перечень, опубликованный г. Яковлевым. Вот этот перечень: 1) протокол заседания «Торгпрома» в Париже, с указанием лиц, среди которых были названы специалисты, сидящие на скамье подсудимых; 2) секретная переписка Лукомского с высшими чинами французского генерального штаба; 3) переписка известных деятелей с Пуанкаре; 4) копия соглашения великого князя Николая Николаевича и Лукомского с японским генеральным штабом.

Да. Если бы такие документы были в нашем распоряжении, тогда никакая ложь «Торгпрома», никакие отвиливания Пуанкаре не помогли бы. Но интересно не это. Интересен самый факт увиливания белогвардейщины от таких документов и интересны выводы, проистекающие отсюда.

Одно из двух—или такие документы в природе существуют, или таких документов в природе не существует. Но в том и в другом случае вывод получается один и тот же. Если эти документы или подобные им в природе существуют, то этого рода опубликованное заявление какого-то Яковлева в виде письма в редакцию накануне процесса характеризует боязнь «Торгпрома», как бы секрет, устанавливаемый этим документом, не всплыл здесь.

Если эти документы не существуют, то заблаговременное предупреждение о подложности этих документов направлено к дискредитации вообще каких бы то ни было документов, даже не этих, но хотя бы в отдаленной степени на них походящих, если бы они оказались здесь.

И в том и в другом случае такой метод действия со стороны белогвардейщины говорит об одном: о боязни, о страхе, о желании предупредить, о желании нанести контрудар путем выдумки гнуснейших сказок о том, что советская прокуратура когда-нибудь будет пользоваться подложными документами на суде пролетариата.

Мы не из тех, которые пользуются подложными документами. Эта область —специальность русских белогвардейцев. Изготовить подложный документ, передать его в другие руки, надуть там, обмануть здесь—это их специальность, и, видимо, исходя из этого, они такой метод действия в этом случае приписывают нам.

Оставим этот метод деятельности им. Это их дело. Это их, повторяю, специальность. Нам важна эта бумажка для доказательства того, что при обоих предположениях — и если такие документы есть и если их нет — уши свои показывают господа торгпромовцы, уши показывают господа белогвардейцы!

Я обращусь теперь непосредственно к об'яснению того, почему сознаются подсудимые.

Вопрос о пытках мы отбросим в сторону. Но даже при самых идиотских допущениях подобного характера это также не сможет об'яснить того, как оказались возможны такие детально технически разные показания по отдельным отраслям промышленности, которые мы имеем по НКПС и по другим отраслям промышленности, целиком подтверждающие официальные данные о результатах вредительской работы в каждой из этих отраслей промышленности.

Но почему—психологически поставим вопрос, — почему сознаются? А я спрошу: а что им оставалось делать? Отпереться в расчете на то, что авось потом кто-то придет и выручит, — плохая надежда! Надежда на то, что запирательство что-нибудь даст и к чему-нибудь приведет, — никаких; а если есть остатки совести — они могут говорить только за сознание. Я спрашиваю: чем же еще об'яснить, что по всем вредительским делам, которые проходят у нас, мы имеем подавляющее количество фактов сознания?

Если бы за этими людьми стояли широкие массы, на которые бы они опирались, тесная идейная и организационная связь, с которыми питала бы их политическое сознание, давала бы им внутреннюю уверенность в правоте их дела, поддерживала бы и воспитывала бы в них политическую стойкость и твердость, — тогда туда-сюда, а тут? Жалкая, изолированная кучка людей, работавших на деньги зарубежных групп, давно потерявших какие бы то ни было авторитет и влияние в широких массах и, наоборот, трактуемых этими массами как враги народа,—на что эта жалкая кучка могла опереться и рассчитывать? Вот почему эти люди, представители отживающего класса, взятые с поличным, сознаются. Сознаются— так как у них нет другого выхода, ибо никаких идей, даже внутренней убежденности у них не было и нет, и не может быть, ибо мы видели цену, за которую все это делалось.

Впрочем был, если хотите, в истории их идеологии момент, когда они имели или казалось, что они имели некоторую общую всем идеологическую почву. Это момент, когда с введением нэпа они начали строить свою работу в расчете на «неизбежное перерождение» советской власти по пути, возвещенному Устряловым, и на идеях Устрялова базировали свою идеологическую установку. Жизнь разбила эти иллюзии, и, лишенные вновь какой бы то ни было идеологической опоры, они шарахнулись в лагерь подлой контрреволюции и как наймиты за деньги стали работать, отказавшись по существу от всяких претензий на идеологическое руководство и политическую устойчивость. В этих условиях им не оставалось ничего кроме сознания после ареста.

Последняя сцена сегодня перед заключением судебного следствия, самая последняя сцена—с деньгами—ярко подтвердила это. Вы слышали заявления Рамзина, Ларичева, Чарновского: «Мы денег не брали». Цена этому заявлению? Грош ему цена.

Вспомните слова Рамзина в его показаниях. Сначала инженеры получали деньги «так» от своих бывших хозяев, а потом... потом **от них стали требовать услуг.** Когда же вредительская работа развернулась, то система оплаты вредительской работы была средством, помощью которого вертелось вредительское колесо.

И вы мне после этого будете говорить, что вредители Чарновский, Рамзин, Калинников работали для идеи?

А Чарновский, который заявил при допросе, что ему самодержавие не мешало, Чарновский, которого психологическое и политическое содержание еще будет в достаточной степени обрисовано мною в дальнейшем?

Калинников и Рамзин? Только у Калинникова, пожалуй, в прошлом имелись моменты открытой борьбы против советской власти, но и то ненадолго. У Рамзина—чрезвычайные зигзаги политической линии, резкая смена его политических настроений, симпатий и антипатий. Уж если бы можно было говорить об определенной идейной политической установке у кого-либо из них, то это можно было говорить лишь относительно Федотова. Но как-раз Федотов здесь сказал, что его группа и он, как член ЦК, деньги распределяли и деньги брали себе. А попытка Очкина уйти от этих денег—она погубила не только Очкина, но и Рамзина, ибо так неумно говорить неправду, как это пытался сделать Очкин, и так неумно увиливать от прямого ответа, как это сделал Рамзин, это значило подтверждать то, о чем говорили Куприянов, Федотов и Ситнин, о том, что они не допускали мысли, что другие—Рамзин или Калинников—не берут.

Вот почему для этих лиц не осталось возможности опереться и на какую бы то ни было идею, вот почему у них не было стойкости, свойственной идейному политическому борцу, и им осталось только одно—все рассказать.

Героев идеи среди них искать не приходится, таких героев sui generis вредительства мы среди длинного ряда лиц из материалов по вредительским делам не находим совершенно, ибо даже те, которые в шахтинском процессе отрицали свою вину, в конце концов отрицали не из идейных побуждений, и никто из них не осмелился бросить перчатку вызова советской власти и ее политической и экономической программе.

8. ОБ'ЕКТИВНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

Ну, а «об'ективные» доказательства?

Я остановлюсь с этой же точки зрения на анализе некоторых свидетельских показаний. Возьмем Юровского и Красовского. Юровский — человек другой контрреволюционной группы, экономист, человек непосредственно не связанный с производством, человек группы, которая состояла в основном из интеллигенции, вернее, слоя интеллигенции другого характера, чем инженеры. Вы все, товарищи, слышали, что показывал Юровский. Вы помните, как иронически он рассказывал о том, как много соискателей портфелей у них было и какой у них был длинный список «своих» министров. Но то, что он говорил, в какой-либо мере противоречило ли тому, что говорили эти вредители в предыдущих данных ими показаниях? Противоречило ли хотя бы в малой степени той характеристике соотношений общественных и политических сил, которые имеют место за границей, когда он передавал свой разговор с Милюковым, когда говорил о своем разговоре с Гевдингом. Юровский в достаточной степени высококвалифицированный и образованный человек и в прошлом достаточно образованный политический работник, и в его показаниях мы не нашли ни одной ноты, которая в малой степени противоречила бы реальному положению вещей у нас и за границей и реальному соотношению общественных сил.

Возьмем Калинникова. Калинников говорил о методах вредительства, о задачах вредительства, о способах вредительства. Передо мной лежат стенограмма, приобщенная к делу, речи Калинникова на заседании президиума Госплана от 23 декабря 1927 года по контрольным цифрам при обсуждении пятилетнего плана промышленности и стенограмма выступления Калинникова от 5 февраля 1929 г. при обсуждении пятилетки. Позвольте в отдельных частях огласить эти стенограммы и спросить, с точки зрения конкретного содержания выступления Калинникова на этих двух заседаниях Госплана, что то, что он и другие сейчас говорили о минималистских темпах, о задержке, о критике даже отправного варианта пятилетки в той форме, в которой она сложилась раньше, — в этой плоскости этот документ, представленный нами здесь и доставленный из архива Госплана, подтверждает или не подтверждает на 100 проц. все то, что они говорят здесь в своих показаниях о методах вредительской работы?

Я прочту. «Заседание 29 декабря. Калинников: Мы имеем в пределах Госплана разработанный пятилетний план, так называемый отправной вариант. Хотя он отличается несколько от августовского варианта в сторону устремленного роста, но все-таки он ближе к действительности, чем то, что здесь запроектировано ВСНХ. Я позволю себе сделать несколько цифровых сравнений для членов президиума, чтобы им было легче разобраться. Каков темп нашего отправного варианта и темп, запроектированный ВСНХ? У нас около 128 проц. плюс, т.-е. в два с четвертью примерно раза больше, чем в прошлом году, а у ВСНХ 167 проц., т.-е. в 2⅔ раза больше, при чем, если вы сопоставите по группе А и по группе Б, то у ВСНХ значительно большее устремление в сторону развертывания тяжелой индустрии, где цифры почти в 3 раза больше прошлогодних, между тем как легкая индустрия даже меньше, чем в два раза. У нас в этом отношении несколько иная установка, т.-е. хотя мы также усиленно развиваем тяжелую индустрию, но и в достаточной мере заботимся о темпе развертывания легкой индустрии. Если перейти к товарной продукции, то мы имеем здесь следующие цифры: ВСНХ обещает дать 108 проц. плюс, а у нас 86 проц., при чем у них 130 проц. по группе А и 88 проц. по группе Б. Это количественные темпы в процентах товарной продукции в ценах каждого года, а валовой — в ценах 1926—27 года. Эти цифры не должны были бы особенно смутить нас, потому что мы привыкли к таким смелым проектировкам. Но нас поражает, когда мы переходим к количественному рассмотрению интересующей нас продукции, особенно нас поражает расхождение проектировок по металлу. У нас в нашей пятилетке все наши возможности ограничились развертыванием металлургии до 7 миллионов тонн к концу пятого года. ВСНХ запроектировал 10 млн. тонн, при чем 7 млн. тонн не настолько еще у нас реальны, в значительной мере еще требуют много дополнительных проработок, чтобы сказать, что эта цифра безусловно выполнима. У нас имеются в этом отношении колоссальные сомнения относительно возможности 10 млн. тонн. Как вы знаете из материалов, ВСНХ предполагает 7½ млн. тонн получить за счет реконструкции старых заводов и 2½ млн. — за счет постройки новых заводов. Мы интересовались степенью подготовленности этого вопроса, и оказывается, что если мы уже имеем законченными некоторые проекты новых металлургических заводов, — вот недавно был принят проект Магнитогорских заводов, в феврале будет закончен и придет из-за границы проект Тельбесского завода, Криворожский завод также проектируется,—то когда мы поинтересовались реконструкцией существующих заводов металлургических, оказалось, что, несмотря на то, что уже 4—5 лет проводится постановление через СТО, мы в этом направлении больше всего отстали и до сих пор нет еще ни одного плана реконструкции ни по одному заводу».

Если вспомнить одновременно, что именно вредители другой рукой проводили задержание проектирования заводов, что они в то же время другой рукой срывали работу по проектирова-

(ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 4-Й СТР.).

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ тов. КРЫЛЕНКО.

нию, что они задерживали на практике и те минималистские темпы, которые они отстаивали, то не только лицемерием, а гнуснейшим, наглейшим издевательством, наглейшей изменой над теми, кто рядом сидел, обсуждал и верил им, приходится признать такое выступление назначенного непосредственно Совнаркомом для работы в Госплане проф. Калинникова.

И дальше: «То же самое, если обратиться к машиностроению. Задание необыкновенно колоссальное: хотят выпустить 100 тыс. тракторов, а в последний год чуть ли не 60.000, а что мы имеем? Оказывается, что еще первый современный тракторный завод будет иметь проект в конце, видимо, этого года. Значит, для того, чтобы этот проект переварить нашими техническими силами, организовать постройку, приступить к постройке, остается очень мало времени, а между тем предполагается, что последний год даст значительное количество продукции. Из разговоров с представителями ВСНХ выяснилось: для того, чтобы по одной только металлургии запроектировать эти заводы, нужно иметь 2.000 добавочных высококвалифицированных инженеров и техников—добавочных к тому, что они имеют, чтобы это сделать, а где они? В этом отношении вы очень мало найдете реальных доказательств возможности осуществления тех грандиозных проектов, которые намечаются по металлургической промышленности».

Дальше он говорит о возможностях послать эти проекты за границу, но он говорит—и заграница не успеет сделать. Но если вспомнить о связях вредителей с заграницей, о связях по металлургии, то мы знаем, что и с этой стороны они были подкованы на все ноги, чтобы добиться того ответа, который им был желателен. Вот документ, который характеризует выступление Калинникова при обсуждении отправного варианта пятилетки, документ, который является реальным доказательством того, как на деле проводились вредительские планы в жизнь, как конкретно они осуществлялись.

Вторая стенограмма от февраля 1929 г. Калинников говорит: «Чем больше мы вносим поправок, тем больше вариант нам кажется нереальным. Это общее убеждение всех работников Промсекции, и я вынужден это признать. Получается такое впечатление, что времени нехватит для того, чтобы выполнить в срок все те проектировки, которые здесь намечены. Даже отвлекаясь от всяких кон'юнктурных соображений, а просто допуская, что у нас будут во всех отношениях благоприятные условия, даже при таком подходе все говорят, что того времени, которое у нас имеется, нехватит». И дальше: «Я бы сказал, что эти поправки сделали много нереальнее наш первоначальный план с ростом на 100—110 проц. Если мы рассматриваем отправной вариант как задание реальное (при благоприятных, конечно, обстоятельствах), нам нужно было бы снизить общий темп развертывания, по крайней мере, на 25—30 проц., т.-е. ограничиться 100, 105, не более 110 проц.—вот эта цифра была бы реальной, а 135 проц., которые мы запроектировали, это совершенно нереальная цифра для отправного варианта. Общее заключение создается довольно пессимистическое, что запроектированный отправной вариант со всеми изменениями весьма сомнительный по своей реальности. Все категорически говорят, что это нереально». Вот выступление, характеризующее работу Калинникова, службу на два фронта, и прежде всего службу по указаниям «Торгпрома», по плану, разработанному ЦК «Промпартии», службу по задержке темпов, о чем они сами говорили и что сами признали. И нам кто-нибудь может сказать после этого о том, что после такого рода доказательств это сознание не может быть фактором, который должен быть принят во внимание?

Я приведу еще один документ, который нами зацитирован в обвинительном заключении и который является исключительным по своей важности моментом. Это по вопросу о первой пятилетке. Я позволю себе напомнить эти хорошо известные нам цифры, ибо, видимо, без этого не обойтись. «Первая пятилетка, по плану Госплана, по углю была в 60 миллионов тонн, теперешняя наметка—75 миллионов. Кузбасс был в 6 миллионов, теперешняя наметка—19 миллионов. Подмосковный уголь—4 милл., теперешняя наметка—10 милл. Уральский уголь—6 миллионов и 11 и т. д. Нефть—20 миллионов в 42 миллиона, а итого по всем видам топлива 100 миллионов, а теперешняя по всем отраслям топливной промышленности—190 миллионов тонн, т.-е. увеличение с превышением в 1,9 раза». В два раза снижение темпа, попытка задержать в два раза развитие хозяйственной жизни! Мы исправили потом, исправили эту наметку настойчивым проведением в жизнь генеральной линии партии, исправили настойчивостью пролетариата, исправили об'ективной необходимостью именно так, в таких темпах ставить вопрос индустриализации страны, но от этих попыток с их стороны провести свои вредительские планы в первом варианте пятилетки не колеблется факт того, что частично им это удалось провести и что сознание вредителей в этом деле может и должно быть поэтому положено в основу выводов, вытекающих для обвинения.

Пару слов еще по поводу сознания. Сознание сознанием, но до чистосердечного сознания еще далеко. Мы здесь установили три области, в которых «за недостатком времени», как выразился Рамзин, он не успел сознаться. Это вопрос о мелиоративных работах, составлявших прямую подготовку плацдарма для интервенции, вопрос о вредительстве при постройке текстильных фабрик и вредительстве при соответствующей подготовке лесопромышленности, доложенный здесь свидетелем Сироцинским, и, наконец, вопрос о вредительстве на пограничных железных дорогах, подрыве мобилизации, доложенный здесь свидетелем Красовским. О всех этих работах, непосредственно связанных с ослаблением обороноспособности страны, с прямой помощью военной интервенции в техническом отношении и непосредственно связанных с государственной изменой,—«за недостатком времени» забыл сказать Рамзин. Об этом по тем же причинам не показал Чарновский, об этом равным образом забыл упомянуть Калинников. Я думаю, что то же самое можно сказать и об остальных членах ЦК.

А сам Красовский? Ведь он в 1928 году «чистосердечно» признался во всем, кроме того, что он состоял в ЦК «Промпартии», кроме того, что он входил в организующий центр, ибо тогда еще этих арестов не было, ибо тогда еще можно было полагать, что об этом мы не узнаем. А когда арестованы были Рамзин и др., разве они могли знать о том, что показывают Михаленко, Цейдлер и Спарро об этих мелиоративных работах, разве они могли знать о том, что показывает Сироцинский о строительных работах, наконец, разве они могли знать, что уже рассказал Красовский в области вредительства прифронтовых дорог.

В пределах того, в чем уже трудно отпираться, и в надежде, что не все все-таки раскрыто и известно,—вот в этих пределах и признавались обвиняемые. Это, конечно, ничуть не противоречит ни их психологии, ни реальной жизни и реальному положению и соотношению вещей. Так можно было бы закончить с анализом юридического значения их сознания.

Но у нас остается еще целый ряд других моментов, которые точно так же нужно подвергнуть анализу, в частности касательно правдоподобности, реальности, сообщения подсудимых о всех тех силах, с которыми они входили в одну общую сумму в качестве слагаемых. Я имею в виду прежде всего улики против «Торгпрома» и его деятельности. С этой точки зрения нужно подвергнуть анализу также ряд документов, которые я просил приобщить к делу, и точно так же подвергнуть такому же анализу правдоподобность и достоверность их сообщения касательно свидания, которое было с Пуанкаре и деятелями военных кругов Франции, поскольку эта часть, являющаяся одной из важнейших для характеристики реальности военной опасности, в которую поставлена страна, должна составить одно из основных мест моей обвинительной речи.

9. „ТОРГПРОМ“ И ЕГО СОЮЗНИКИ.

Заграничные факторы контрреволюции слагались из «Торгпрома», из военных кругов Франции и из политических деятелей Франции, близких к правящим сферам. В этой плоскости и приходится подвергнуть анализу сообщения обвиняемых с точки зрения достоверности, правдоподобности и вероятности этих сообщений.

Прежде всего в отношении «Торгпрома» и факта самого существования «Торгпрома». Никаких сомнений этот факт не вызывает. Факт определенной контрреволюционной, явно агрессивной политики «Торгпрома»,—этот факт также не вызывает сомнения. Тем не менее позвольте отметить в официальном документе «Торгпрома» подтверждение этого факта в его декларации или заявлении, как центральной контрреволюционной организации бывшего торгово-промышленного класса России за рубежом.

«Торгово-промышленный и финансовый союз будет продолжать неустанную борьбу против советской власти, раз'яснять общественному мнению культурных стран истинный смысл происходящих в России событий и подготовлять будущее восстановление родины на началах свободы и правды».

Это заявление было сделано «Торгпромом» в связи с делом «Промпартии». Этим об'ясняется та осторожность в выражениях, которая допущена в этом последнем абзаце.

Более откровенны в этом отношении выступления деятелей «Торгпрома» на том банкете по случаю десятилетия его существования, о котором мы уже говорили. Во вступительном слове нефтепромышленник Нобель (я подчеркиваю, что персональные указания, данные самим «Торгпромом» о своем личном составе, целиком совпадают с показаниями, данными обвиняемыми задолго до появления каких бы то ни было деклараций или заявлений со стороны «Торгпрома») заявил, что банкет устроен в виде «демонстрации веры в скорое возрождение России и возможности работы на родине».

Денисов—второе имя—отметил, что за последние десять лет «Торгпром» ставил своей задачей борьбу с большевиками на экономическом фронте во всевозможных видах и формах». «О плодотворности работы «Союза»,—говорит Денисов,—можно судить на основе свидетельства самих большевиков, которые видят в «Торгпроме» своего главного врага. Заслужим ту же оценку врагов и в дальнейшем».

Коковцев, бывший царский министр финансов, отмечает заслуги «Торгпрома» «в борьбе за возрождение России, в области информирования русского и иностранного общественного мнения и накопления нужных для будущей работы «сил».

Генерал Миллер (преемник Кутепова, командовавший белой армией на севере) от имени русской армии отмечает широкую помощь «Торгпрома» в деле эвакуации Крыма, а также его благотворную деятельность в эмиграции.

Богаевский, возглавляющий контрреволюционные группы казачества, заявляет, что «казаки могут засвидетельствовать, что «Торгпром» содействовал всякой борьбе с большевиками и поддерживал казаков в их боевой работе».

Карташев (имя его тоже упоминалось) говорит о «Торгпроме» «как о неофициальном посольстве русской эмиграции». «Сила «Торгпрома», — заявил Карташев,—заключается в его союзе с армией. В этом уже осуществлен единый фронт. Ждать осталось еще недолго».

Царский адмирал Кедров заявляет, что «Союзу» суждено сыграть роль Минина.

Нобель подчеркивал гостеприимство Франции и поднимал бокал за ее дальнейшее процветание.

Федоров говорит «о необходимости создать единый политический центр, который мог бы представлять Россию перед иностранцами».

Эта выдержка характеризует не только политические позиции.

Политические позиции ясны уже из первого документа. Она характеризует контакт, связь организационную, политическое единство и финансово-бюджетное, так сказать, единство со всеми линиями наиболее контрреволюционных групп эмиграции в виде царского генералитета, с одной стороны, а с другой стороны — характеризует ту политическую роль, на которую претендует «Торгпром»: на функции представительства у правящих сфер иностранных государств.

Карташев говорит, что «Торгпром» представляет собою неофициальное посольство русской эмиграции. Говорить о таких вещах на таком банкете можно, только имея в кармане хотя бы какое бы то ни было реальное доказательство того, что эта роль в какой бы то ни было степени «Торгпромом» реализуется. Говорить о неофициальном посольстве эмиграции перед иностранными правящими сферами, если бы «Торгпром» гнали в шею всякий раз, когда он, «Торгпром», захотел бы взять функции такого представительства,—заявить так на таком банкете не мог бы ни Нобель, ни Карташев, ни Денисов,—и уже одна эта цитата в сопоставлении с целым рядом указаний и сообщений обвиняемых относительно этого контакта именно в смысле неофициального или полуофициального представительства русской эмиграции—она этим своим совпадением характеризует уже достоверность сообщений подсудимых.

Однако мы имеем и нечто другое, что сейчас сообщают нам газеты, в частности то, что мы можем уже получить из сведений, которые относятся к прошлому времени. Я говорю об имевшем место (это было в печати) параде войск белогвардейцев. А мы видели из приобщенного сегодня документа о торжестве на суворовском чествовании то, что военная форма, военные связи, военные парады усиленно подчеркиваются белогвардейщиной, как некое доказательство своей легальности. Что, однако, говорит самый факт этих парадов? Он говорит об определенном реальном сосредоточении, собирании реальных вооруженных сил. Пусть на этих парадах, которые происходят или происходили во Франции, эти силы не являются настолько существенными, чтобы можно было думать при их помощи осуществить интервенцию, но сам факт говорит о том, что белогвардейщина, эмиграция в части своих военных кругов и бывшего царского генералитета ставит интервенцию как конкретный метод борьбы. И реальность этих фактов является одним из наилучших доказательств того, что не на словах, а на деле они ставят вопрос о вооруженной борьбе с советской властью.

Я позволю себе процитировать пару цитат из документа, который был приобщен сегодня к делу,—выдержки из выступления Детердинга. Это имя мы встречаем в качестве имени, с которым были связаны наши контрреволюционные круги в области финансирования контрреволюции, во-первых, и по вопросам о будущем нашей нефтяной промышленности. Вот что говорит Детердинг на десятилетии русской средней школы в Париже 11 июля этого года. Перечислить всю присутствовавшую здесь братию нет надобности. Можно лишь отметить, что, кроме митрополита Евлогия и почетной попечительницы гимназии леди Детердинг, присутствовал генерал Миллер, Кедров, Суворов, потом профессора, литераторы, принцесса Мюрат, графиня Шувалова и т. д. Читаю.

«С огромным вниманием была прослушана произнесенная на французском языке речь сэра Генри Детердинга.

Сэр Г. Детердинг прежде всего отметил, что его не нужно благодарить, так как он лишь исполняет свой долг. Мы все,—сказал он,—пользовались и пользуемся любовью своих родителей, своих близких, нас всех об'единяет наша вера. Я родился в бедной семье,—сказал он,—но у меня была мать, и она помогла мне добиться того, что мне удалось сделать благодаря энергии, настойчивости и труду.

— Вам,—сказал сэр Детердинг, обращаясь к учащейся молодежи,—нужно надеяться на свои силы. Вы должны помнить, что вся ваша работа, вся ваша деятельность будет протекать на вашей родной русской земле. Надежды на скорое освобождение России, ныне переживающей национальное несчастье,—сказал сэр Детердинг,—крепнут и усиливаются сейчас с каждым днем. Час освобождения вашей великой родины близок...

Освобождение России может произойти гораздо скорее, чем мы все думаем, даже через несколько месяцев».

Его возглас,—так кончается заметка,—«Да здравствуют Франция и Россия!» был встречен бурными аплодисментами и криками.

Сэр Детердинг не болтун. Сэр Детердинг—деловой человек. На собрании, где присутствует вся эта жаждущая крови белогвардейщина, где присутствуют жаждущие денежных подачек закордонные контрреволюционеры, мы имеем выступление, в котором определенно говорится о том, что освобождение в кавычках России будет иметь место, может быть, через несколько месяцев. Такого рода выступление и такого рода слова обязывают. Они являются определенным политическим актом, политическим документом, который не может быть скинут со счетов. Это было в июне 1930 года, когда вопрос об отсрочке интервенции на весну 1931 года ставился уже в этих кругах, когда со стороны того же Денисова путем переписки и сношений через соответствующую агентуру была намечена встреча с деятелями «Промпартии» в Берлине по вопросу: почему не все готово для интервенции внутри страны и в чем не готово и что нужно сделать для реализации плана интервенции? Подобное выступление Детердинга не может быть признано случайным. Но допустим, что Детердинг в этом своем выступлении сболтнул. Бывает так. Прослезился воспоминанием о том, что у него была мать, и поэтому случайно сказал немного лишнего. Это он сказал, а вот что он написал. Письмо сэра Детердинга—это есть документ. Это уже не слова, а письмо. Это письмо он пишет в ответ на благодарность, полученную от некоего студента-эмигранта за возможность продолжать ему образование в одном из высших учебных заведений Парижа.

Детердинг пишет: «Я с удовольствием получил благодарственные письма русских студентов, которым я с большим удовлетворением помогаю.

Если вы действительно хотите выразить мне вашу благодарность, то я прошу вас сделать следующее:

1) Постарайтесь в новой России, которая восстанет через немного месяцев, быть наилучшими сынами вашей родины.

2) Сделайте в будущем для другого то, что я сделал вам».

И дальше:

«Я вас спрашиваю: разве может это удаться? Эти стремления большевиков безумны и неестественны, а потому—жестоки. Большевики—люди, абсолютно неспособные что-нибудь создать, чувствуют себя рожденными лишь для разрушения. Никогда не теряйте надежды. Религия—это надежда. Без надежды нет ничего. Надеяться—значит добиться».

Отбросим опять-таки эту ханжескую болтовню Детердинга и возьмем только дело, о котором он говорит, а это дело в документе, в котором (это документ обязывающий) Детердинг говорит, что через немного месяцев возможно освобождение в кавычках России. Газета датирована опять-таки 15-м июня 1930 года.

Таким образом, уже из этих случайно дошедших до нас документов, которые мы не собирали специально,—они попали нам в руки при беглом просмотре белогвардейской литературы, которой кое-когда приходится поневоле запи-ться,—вытекает, что вопрос об интервенции в среде «Торгпрома» и близких к нему кругов отнюдь не являлся в этот период только вопросом, который проектируется вообще, и что когда нам подсудимые говорят о конкретных сроках—о 1930 годе, о 1931 годе, и когда эти сроки совпадают с соответствующими утверждениями «Торгпрома» в его отдельных деятелей или с утверждениями близких к ним соответствующих финансовых и промышленных кругов, то это совпадение не может быть не учтено в качестве момента, подтверждающего абсолютную достоверность утверждений подсудимых.

Возьмем, наконец, «знаменитую» статью Рябушинского. Анализировать эту статью по существу—это большая потеря времени, но один момент с точки зрения вопроса о сроках стоит рассмотреть. Он пишет: «Вероятно, 500.000 человек и трех, четырех месяцев будет достаточно для окончания работы интервенции. Доколачивание отдельных коммунистических банд, конечно, займет еще некоторое время, но оно явится скорей полицейской, чем военной операцией». Слушайте, слушайте, гр-н Рамзин! Я потому так обратился к вам, гр-н Рамзин, для того, чтобы показать, наконец, вам, как ваш собеседник, с которым вы говорили о приемлемости вашей программы, думает по существу. «Вероятно,—говорит он,—через 5 лет удара не армия, а двух—трех дивизий хватит, чтобы уничтожить красный кошмар, а расходы будут сравнительно ничтожны—10 миллионов фунтов вместо ста. Но за это время мировая, в частности европейская, экономика потеряет не менее двух миллиардов фунтов. Где же здесь деловой расчет?»

Таким образом к вопросу о сроках Рябушинский подходит с точки зрения делового расчета и, исходя из него, говорит, что всякая отсрочка интервенции, военного ниспровержения советской власти путем вторжения является неделовой, некоммерческой постановкой вопроса, я, исходя из этих коммерческих расчетов—при чем он даже рассчитывает и проценты,—вот, исходя из этого коммерческого расчета, он ставит вопрос так же, как об этом говорили обвиняемые, как об этом говорит Детердинг: «Затратив один миллиард рублей, человечество получит доход не менее чем в 5 миллиардов, т.-е. 500 проц. годовых, и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно еще на 100—200 проц. Где найти дело лучше?» То, что он мастер находить «хорошие дела», это нам известно из сообщений, которые мы здесь слышали, и в этом отношении это его сообщение не может быть нами учтено иначе, чем как подтверждение сообщений обвиняемых.

Еще одно: подписи, которые мы имеем под декларацией «Торгпрома»: «Председатель Денисов и товарищи Любович, Лианозов, Третьяков, Нобель». Предусмотрительно подписи В. Рябушинского нет. Но даже независимо от этого имена, какие мы здесь слышали, это тоже имена — Лианозов, Нобель, Третьяков и Денисов, вплоть до Новикова имена совпадают. Мы можем считать установленным с абсолютной точностью факт, что позиция «Торгпрома» есть позиция, во-первых, активно враждебная, во-вторых,—позиция на интервенцию, в-третьих — позиция, связанная с самыми реакционными кругами царского генералитета, и в-четвертых — позиция, связанная с военными кругами Франции, и, наконец, позиция, связанная с крупнейшими финансовыми группами и с крупнейшими представителями промышленного капитала.

Когда Ларичев и Рамзин в своей вечерней беседе с Денисовым и Нобелем говорили о том, что вопросы финансирования интервенции или по линии нефтяных кругов, т.-е. тех, которые наиболее заинтересованы в реализации интервенционистского плана с точки зрения захвата нефтяных источников, месторождений в Баку и Грозном, и упоминали там имя Детердинга, то подобное выступление Детердинга целиком подтверждает и это сообщение о финансировании им интервенции. Скажите: кем, как не непосредственно заинтересованным в захвате, возвращении или концессионировании на грабительских началах нефтяных месторождений, кем, как не группой Детердинга, с одной стороны, и Уркартом, с другой, мог быть поставлен вопрос так, как он был ими поставлен?

Мне известно, что с момента опубликования обвинительного заключения было помещено интервью в газетах, в которых эти господа всячески открещивались от своих выступлений. Но откуда у Детердинга вообще такая забота, такая отеческая заботливость о русских студентах, о несчастных изгнанниках из этой жестокой СССР? Это все мелочи, но они создают тон и подтверждают основные утверждения о финансовой связи, о политической связи и о политической установке деятелей «Торгпрома» на интервенцию на определенный срок.

Есть еще один момент чрезвычайно характерный. Все—и Денисов, и Лианозов, и Нобель, и Третьяков — отрицают и то, что они имели связь с инженерной организацией, и то, что они организовали совместную работу с французским генеральным штабом, и то, что они получали денежную субсидию. Но почему они об этом заботятся, но не упоминают о свидании с Пуанкаре? Почему они забыли упомянуть об этом крупнейшем факте, имеющем политическое значение? Это так-таки простая забывчивость? Так не бывает. Почему? Это тоже ясно. Сказать: **«Да, были у Пуанкаре»** — нельзя, а сказать: **«Нет, не были»**—они тоже не могут, так как они, как люди деловые, знают, что если у них есть определенного рода договоренность и приняты той стороной определенного рода обязательства, то ведь такой публичный отказ — это есть документ, и такой, который будет всему свету оглашен,—это будет документ, на который можно будет ссылаться противной стороне, а в деловых вопросах так легко швыряться документами нельзя.

Это факт, который нельзя об'яснить простой забывчивостью. Но довольно о «Торгпроме».

10. ФРАНЦУЗСКИЕ ИНТЕРВЕНЦИОНИСТСКИЕ КРУГИ.

Вторым фактором, на который опирались в своей вредительской работе Рамзин и другие, являлись военные круги Франции, определенные круги французского генерального штаба.

Позвольте при анализе этого момента прежде всего обратить внимание на следующее.

Если серьезно ставился вопрос о подготовке интервенции, то, спрашивается, кто из деятелей французских военных кругов конкретно более подходит к этой роли? Лица, которые практически имели уже дело с организацией интервенции, или лица, которые не имели? Лучше всего подходили к этой цели те из военных кругов, которые своими руками уже однажды делали грязное дело интервенции, хотя бы они и получили при этом по рукам.

Я имею в виду Жанена. Мы здесь приводили и приобщали к делу выдержки из его дневника. Почтенному генералу надлежит помнить о том, что жизнь—это вообще чрезвычайно оригинальная вещь, склонная ко всяким неожиданностям, и что опубликование, хотя бы в заграничном журнале, мемуаров может впоследствии сыграть не ту службу, для которой они предназначались.

Жанен характеризует здесь,—мы это цитировали на судебном следствии,—то положение, в которое он попал во время первой интервенции, и вместе с тем он характеризует и то, что ему приходилось делать. Из его сообщения вытекает характеристика представителей белогвардейщины как сборища прохвостов, негодяев, проходимцев, мошенников и т. д., и т. д. Это не мои слова, а слова Жанена, но они целиком соответствуют действительности.

Но почтенный генерал был в этом обществе? Почтенный генерал имел с ними дело? Он пишет о том, что он должен был быть свидетелем, как топили заложников в Байкале, свидетелем полицейских зверств, невозможных зверств, на которые способна только озверелая белогвардейщина. Он дальше пишет о том, что у него остались даже некоторые угрызения совести за свою работу, но он утешает себя лишь тем, что английский генерал Нокс должен испытывать еще большие угрызения совести.

Из этой интересной исторической переписки нам важно установить только факт совпадения имен и то, что для дела подготовки интервенции, с точки зрения ее техники, интервенционистские круги сочли нужным поручить ее именно тем отдельным деятелям французских военных кругов, которые уже однажды непосредственно принимали участие в интервенции.

Но могла ли быть при деловой постановке вопроса об интервенции создана такая комиссия, или она не должна была быть создана?

Если решался вопрос об об'единении вооруженных белогвардейских сил в лице Лукомского с соответствующими силами, которые могли предоставить в распоряжение интервенционистской армии другие государства, то подготовка техническая, в смысле плана и подготовки соответствующей материальной базы для этих сил, изыскание этой базы должны были иметь место, а создание такой комиссии при серьезной постановке дела должно быть логически неизбежным, необходимым следствием.

Но в какой степени у нас есть основание для того, чтобы отвергать реальную возможность существования такой комиссии?

В том же номере газеты, где имеется сообщение о банкете «Торгпрома», имеется следующая выдержка из статьи «Тогда война», помещенной в радикальной газете «Републик», которая в свою очередь цитирует помещенную в журнале «Europe» статью крупного промышленника, депутата Фужера, принадлежащего к группе Тардье. Это сообщение Фужера относится к ноябрю этого года. Фужер заявляет там, что «только двух фактов, а именно «пропаганды Коминтерна» и «советского демпинга» достаточно для того, чтобы Лига наций держала СССР на расстоянии от себя». И спрашивает: «Будут ли ждать того, что гангрена распространится вместо того, чтобы произвести нетрудную хирургическую операцию, которая сводится к изгнанию Советского союза из среды цивилизованных наций».

Эта цитата с призывом к хирургической операции со стороны лица, близкого к правящим кругам, является характерной, как доказательство того, что в определенной среде правящих кругов мысль и идея о хирургической операции, независимо от вопросов и «инициативы» «Торгпрома», от вопросов деятельности ЦК «Промпартии», имеет место.

По этому поводу «Републик» выступает с возражением Фужеру, напоминая ему: «Что же касается «демпинга», то каждому известно, что демпинга не существует и что в основе этой большой кампании лежат деньги Детердинга и его компании и ничего больше». Что же касается «операции», то указывает, что «во всяком случае народные массы Франции не согласятся, чтобы из них падали раньше и повели их завоевывать Москву». В этом мы целиком согласны с «Републик».

Но эта выдержка, характерная для определения настроений определенной части правящих сфер или близкой к правящим сферам французской буржуазии, характеризует степень реальности, достоверности утверждений обвиняемых относительно того, что со стороны этих кругов были и инициатива, и желание, и стремление контактировать с теми кругами «Торгпрома» и кругами, близкими к «Торгпрому», которые хотели и готовили интервенцию.

Можно привести и еще целый ряд фактов, характеризующих разным образом то, что такого рода настроения по подготовке интервенции отнюдь не являются только одними пустыми настроениями или разговорами.

В той статье, которую я сегодня специально приобщил, в выступлении тов. Берона во французской палате депутатов, состоявшемся на этих днях, мы имеем указания относительно того, что с 1928 года французское правительство начало осуществлять план окружения Советского союза.

Я цитирую так, как говорил тов. Берон, и поэтому вынужден цитировать точно:

«Начиная с 1928 года,—продолжает тов. Берон,—французское правительство начало осуществлять план окружения Советского союза. Видные французские генералы, как Гуро, Лерон, Ниссель и друг., начинают изучать стратегические пункты окружения, посещают Индию, Польшу, Чехо-Словакию, Румынию и Югославию, а французский генеральный штаб приступает к реорганизации армий восточно-европейских, французских вассалов. В 1928 и 1929 гг. французский министр авиации отправляет специальные миссии для реорганизации военной авиации этих стран. Ваши арсеналы,—указывает тов. Берон,—работают над вооружением восточно-европейских государств с помощью предоставленных кредитов и же самими кредитов. Несомненно, по указанию французского правительства заключены были военные соглашения между Польшей, Румынией, прибалтийскими странами и Чехо-Словакией».

Продолжая свою речь, тов. Берон заявляет: «Мы считаем, что Пилсудский в Польше и его безответный персонал готовы войну против СССР, собирается изменить польскую конституцию с тем, чтобы предоставить президенту Польской республики право об'являть войну без предварительного об'явления к сейму. Все эти военные приготовления активно поддерживаются и финансируются Францией. В самом деле, военные французские миссии руководят польской армией, а неоднократно отправлявшиеся в Польшу политические миссии поддерживают и укрепляют империалистические замыслы Польши и ее мнимое право на Советскую Украину. Все эти миссии направлялись в Польшу с одобрения и при полной поддержке правых и «левых» буржуазных партий, а равно и социалистов».

Возвращаясь к франко-советским отношениям, тов. Берон говорит:

«В течение многих недель и месяцев официозные французские газеты в связи со смехотворно провалившимся кутеповским делом вели клеветническую кампанию, возбуждая общественное мнение Франции против советского правительства. С весьма значительным запозданием и лишь будучи к тому вынуждены французские официальные круги заявили, наконец, об отсутствии каких-либо доказательств причастности какого-либо иностранного государства к похищению или исчезновению ген. Кутепова. Эта кампания сопровождалась другой не менее шумной кампанией против так называемого «советского демпинга». Я не буду останавливаться на этом вопросе, так как тов. Кашен совсем недавно с этой же трибуны расправился с этой новой клеветой против Советского союза и не услышал в ответ ни с чьей стороны никаких возражений. Мы хотим, однако, констатировать, что французское правительство подкрепляет планы военного окружения СССР планом его экономического бойкота».

Далее тов. Берон указал: «Повторные парады вооруженных банд русских белогвардейцев в Париже имели место при официальной поддержке правительства. После первой вооруженной демонстрации белогвардейцев правительство ограничилось ничего не говорящим опровержением. Естественно, что белогвардейцы поспешили повторить свою наглую демонстрацию 11 ноября. А в последнее воскресенье, 30 ноября, 3.000 русских белогвардейцев снова дефилировали по улицам парижского пригорода. Французское правительство официально разрешает контрреволюционные демонстрации, направленные против страны, дипломатический представитель которой аккредитован в Париже. Ни одно империалистическое правительство не примирилось бы с подобной серией неслыханных провокаций»...

Мы можем из этих сообщений сделать вывод, во всяком случае один, за который можно ручаться полностью,—вывод о наличии в группе правящих сфер и кругах, близких к правящему слою французской буржуазии, определенного слоя, который вопрос интервенции ставит как вопрос практической политики.

А теперь по поводу других имен—Жуанвиля и Ришара. Могли выдумать эти имена подсудимые? Выдумать существование этих господ? Это взять и высосать из пальца, описать заседание, в котором указать на то, что одновременно с этим присутствовали и другие лица—Денисов, Лукомский. В официальных опровержениях «Торгпрома» мы имеем лишь голое отрицание того, что они организовали совместную работу, и ни слова о конкретном факте заседания. Почему все это не опровергнуто? Почему они здесь не отмахнулись и не открестились? Не потому ли, что здесь идут вопросы более глубокой договоренности, от которых невыгодно так легко отмахнуться и отречься?

Нам могут указать другое, что эти заседания с Жуанвилем и Ришаром являются плодом досужего вымысла, потому что точных об'ективных признаков здесь этих заседаний не указано. Ну, а если бы мы указали—дальше что? Разве заинтересованные круги не выдумали бы очередного опровержения? Когда я вызывал подсудимых одного за другим и спрашивал, что они думают по поводу опровержения «Торгпрома», все они сказали, что это гнусная ложь. Если бы соответствующие деятели французских военных кругов—Жанен, Жуанвиль и Ришар—попробовали бы сюда явиться, мы могли бы тогда проделать с ними реально метод судебного доказательства, известный под названием очной ставки, и под перекрестным допросом мы посмотрели бы тогда на них и на то, как они бы отрекались.

Но у нас есть другого рода доказательства.

Соответствующая связь в Москве была реализована, соответствующая связь, которая нами именуется в обвинительном заключении как связь с агентами французской службы. Эта часть, о которой мы еще в дальнейшем будем говорить,—факт. Когда я перейду к этой части, я скажу относительно того, почему мы можем тут говорить четко и определенно уже о живых людях, а не о фикциях, и почему мы можем с определенной достоверностью говорить о реальности тех инициалов, под которыми эти лица здесь указаны.

Еще другой факт. На свидании с Жуанвилем и Ришаром был поставлен вопрос о создании военной организации, о диверсионных группах и о шпионской работе. Диверсионные группы существуют. Диверсионные группы—это точно живые люди. Это не один и не два человека. И эти люди говорят. Эти люди рассказывают о своих делах, о методах, об'ектах и задачах диверсионной работы.

А можем ли мы допустить такое предположение, чтобы ЦК «Промпартии»—эти конкретные обвиняемые—взялись за эту работу по подготовке диверсионных актов, взрывов и проч., непосредственно для этого вербуя людей и давая им определенные задания, вне связи с заблаговременной договоренностью с интервентами, вне связи с соответствующими деятелями, активными руководителями, инициаторами войны? Можем ли мы допустить, чтобы такого рода работа была производима ими на свой страх и риск, без предварительного соглашения, без наличности точных и определенных сроков интервенции?

Кроме диверсионных групп, также стоит вопрос о военной организации. Они говорили с Лукомским, говорили с Р..., и говорили, что нужно непосредственно связаться с Ришаром. Почему встал вопрос о военных кругах, о военной организации? Я говорил об этом, когда допрашивал Рамзина. Я говорил о четырех векселях, которые были даны Рамзиным, и о трех векселях, которые были выданы ему. Один вексель—«Торгпрому» — по подготовке хозяйственного кризиса, другой вексель—по шпионажу, третий вексель—по диверсиям и четвертый вексель—по военной организации, по установлению связи с военным командованием, с командными кругами Красной армии. Это—деловая работа, которая в первую голову интересовала военные круги. Эта работа—реальный факт. Я напомню только одно, что в результате нажима со стороны Р..., было специальное заседание ЦК, в результате которого была создана комиссия из четырех лиц, в которую вошли: Калинников, Чарновский, Осадчий и Ларичев, которые распределили между собой задания по организации и установлению связи с командным составом по отдельным родам оружия, по отдельным секторам Красной армии.

После этого мы слышали описание конкретных попыток такого рода работы. Мы слышали и чрезвычайно важное сообщение о специальной работе, которую по распоряжению Куприянова во исполнение общего задания исполнял инженер Образцов,—по применению в мобилизационные отделы хлопчатобумажной промышленности, что, как я выяснил из допроса, частично было осуществлено. Инженер Образцов—живое лицо. Инженер Образцов в своих показаниях об этом говорит. Он говорит определенно о том, что и как он сделал и чего не успел сделать. Мне достаточно было на допросе Куприянова лишь подтвердить факт исполнения задания, и лишь немного приподнял во время допроса завесу над этой работой, упомянув о двух—трех моментах из тех мобилизационных заданий, которые были даны Образцову, не больше, но это была реальная работа, которую скинуть со счетов нельзя и которая бессмысленна, если она не опирается на соответствующие связи непосредственно с теми, кто намерен руководить интервенцией.

11. УСТАНОВКА гр. ПУАНКАРЕ.

Еще более важными в этом случае являются вопросы относительно свидания с Пуанкаре. Мы имеем несколько сообщений об этом свидании: и через Коновалова — Ситнина, и через Карпова—Федотова, и через Ларичева—Рамзина. Я держу перед собой статью гр-на Пуанкаре, приобщенную к делу. «Я бы хотел, чтобы мне сказали,—пишет Пуанкаре,—в каком таинственном зале русские заговорщики беседовали с моим двойником и на основании каких полномочий этот двойник дал им аудиенцию». Беседовали с ним в таинственном зале не Рамзин, не Ларичев, беседовали «торгпромовцы». И в этом таинственном, а вероятно совсем не таинственном, а весьма освещенном зале, беседовали эти лица и передавали об этом Рамзину, Ларичеву и другим, «торгпромовцы» также в своем документе отрицания этого факта не сообщили. Ответить поэтому на вопрос, в каком таинственном зале это происходило, я, к сожалению, не могу, но ответить на вопрос, на основании каких полномочий гр. Пуанкаре дал рандеву, я могу и думаю, что ответ на этот вопрос ясен на основании всего анализа действительного положения и соотношения интересов мировой буржуазии, о которых я выше говорил. Если бы я спросил, на основании каких полномочий депутат Фужер на страницах печати призывает к производству хирургической операции над Советским союзом, если бы я спросил его, на основании каких полномочий в данном случае он берет на себя смелость так официально выступать,—его ответ был бы совершенно идентичен ответу, который мог бы быть дан на вопрос, на основании каких полномочий Пуанкаре давал аудиенцию Лианозову и другим. Обратитесь к вашему соратнику, гр. Пуанкаре, и от него получите соответствующий ответ. Не представляются трудными и ответы на остальные вопросы. Пуанкаре пишет: «Я желал бы прежде всего чтобы мне сообщили химные планы французского генерального штаба и чтобы мне указали, где, когда и при каких условиях должно было произойти мнимое нападение». Это гр-н Пуанкаре спрашивает 3 декабря 1930 г. А вот 28 февраля 1930 г. в газете «Эксцельсиор» помещена другая статья гр-на Пуанкаре, где он сам отвечает на эти вопросы. Мы помним план интервенции. Он сводился в 1930 г. к началу пограничных инцидентов с Румынией.

В результате этих пограничных инцидентов с Румынией, на основании существующего соглашения, наступает конфликт, в результате этого конфликта втягиваются в вооруженное выступление лимитрофы, и в дальнейшем, наступает интервенция. Это—план 1930 года по сообщению Рамзина и других.

А вот, что пишет Пуанкаре: «Пора закончить бесконечную лондонскую конференцию, где наше присутствие может привести к неприятным для нас неожиданностям. Пора приступить к проверке выполнения Германией условий, необходимых для ратификации нами плана Юнга. Но этим не исчерпываются серьезные проблемы, тяжесть разрешения которых ляжет на будущее правительство. В различных пунктах мира каждодневно возникают инциденты, которые могут оказаться чреватыми серьезными последствиями. Достаточно кинуть издалека взгляд на Бессарабию. В этой румынской провинции мы видим конфликты, возбуждаемые СССР с целью воспользоваться ими рано или поздно, как предлогом для новых интриг. Не трудно будет также увидеть кое-какие темные пятна на польских границах. Разве может Франция в подобный момент задерживаться на мелких внутренних раздорах? Нет, поистине, перед нами дела поважнее». Правильно, поважнее!

План 1930 года должен развиваться с развитием пограничного инцидента на границе Румынии. Гражданин Пуанкаре, возьмите этот свой план из своей статьи от 28 февраля, где вы обращаете внимание на эту границу.

Интересное всего дальнейшее сообщение в этой газете. Там сказано, что бухарестский корреспондент американской газеты «Чикаго трибюн» пишет, что «французский генеральный штаб совместно с польским обратился к Румынии с сигнализацией опасности советского нападения на Бессарабию и с советами принять соответствующие военные меры».

Вот факты, сообщенные не нами, сообщенные иностранной прессой, которые целиком совпадают и с планом интервенции, о котором говорили подсудимые, и с призывами, совпадающими по времени, отдельных депутатов а ля Фужер произвести «хирургическую операцию» над СССР.

Но, мы имеем еще одно доказательство чрезвычайно интересного и важного характера. Я имею в виду напечатанную 30 октября сего года в газете «Эксцельсиор» статью Пуанкаре «Когти СССР». Эта статья напечатана до опубликования обвинительного заключения. Я прошу судей при рассмотрении всех обстоятельств дела обратить внимание на следующее обстоятельство: политический деятель крупного масштаба в открытом политическом выступлении, ибо эта статья является политическим выступлением, следующим образом трактует правительство нашей страны: «Нет сомнения, что каждый народ волен делать у себя, что ему угодно, и мы не могли бы иметь никакого суждения, чтобы заявить его публично по поводу методов и мероприятий, которые кажутся нам ужасно реакционными, если бы Советы не пытались развернуть и за пределами России своей зловредной деятельности».

И дальше: «Огюст Говен на этих днях разоблачал некоторые маневры Советов и резко называл московских лидей фанатическими бандитами. Бандиты—это было бы пустяки, ибо если бы они были только бандитами, они могли бы рано или поздно раскаяться, и тогда для них было бы больше радости на небе и даже на земле, чем для праведников. Но фанатики — это неизлечимое зло, против которого нет иного средства, как преградить дорогу заразе. Что же касается этой заразы, то Советы делают все, что они могут, чтобы ее распространить, и в этих их попытках они находят содействие в виде соучастия или любезности, которые, к сожалению, не всегда могут предупредить разум и интересы...

«Но фанатики, которые слепо ведут за собой толпы, очевидно, упорствуют в надежде, что мировой кризис, восстания в Азии, смуты, которые возникают на всех континентах и как будто приобретают всеобщий характер, помогут им вызвать мировую революцию, вне которой для них не видно спасения».

Так характеризует правительство Советов гр. Пуанкаре. И дальше идет призыв к об'единению для борьбы с нами:

«Больно констатировать, что нации вместо того, чтобы об'единиться для борьбы с опасностью, которая им угрожает, остаются разделенными перед наличием огромного заговора против их спокойствия. Мало того, некоторые нации стремятся найти в России средство, чтобы осуществить свои тайные стремления. Те нации, которые совершают такие неосторожные поступки, падут первыми жертвами, но они неизбежно вовлекут и остальное человечество в бездну, в которую они упадут».

И дальше: «Никогда советское государство не откажется от положения, которое оно приняло с первой минуты, а именно — необходимость и возможность социальной революции. Такая доктрина, если можно назвать доктриной это коллективное заблуждение, бесспорно исключает всякое искреннее участие в международном сообществе. Эта доктрина должна казаться всем другим правительствам опасностью, уберечься от которой они могут только путем всегда настороженной солидарности».

Кончает Пуанкаре следующим: «Быть может, это грустное зрелище, которое мы, дезориентированные и беспомощные, наблюдаем, кончится тем, что научит нас, что всякая политическая федерация государств, будь то европейская, или всемирная, предполагает в качестве предпосылки экономические соглашения, и что в важной проблеме, которую обсуждала Лига наций, первый порядок в расположении фактов, выдвинутый Брианом, был правильный».

Имеется в виду известный проект пан-Европы, направленный против СССР.

Спрашивается, эта статья характеризует какую политическую позицию по отношению к СССР со стороны такого деятеля, каковым является Пуанкаре?

Является ли эта статья статьей, которую нужно назвать прямо, резко и четко статьей, направленной не против отдельных лиц и отдельных мероприятий, а направленной против Советского союза в целом, против Страны советов в целом, призывающей все нации к об'единению для борьбы с этим злом, которое угрожает, по мнению Пуанкаре, поглотить все достижения культуры и цивилизации.

В обстановке такого отношения спрашивается, в какой степени достоверны, вероятны и правдоподобны активные шаги Пуанкаре по отношению к «Торгпрому» и в какой мере и в какой степени определяются этими связями надежды белогвардейщины на то, что планы, которые они строят, действительно могут и будут реализованы.

Я позволю себе в этой части закончить следующей цитатой из той же последней статьи Пуанкаре. Он пишет так: «Но довольно шуток. Хватит. Оставим мир безумия и возвратимся на землю, на которой мы находимся».

Да. Довольно шуток. Шуток, когда готовятся взрывать наши военные заводы! Шуток, когда заключают ответственные соглашения с агентами французской службы о диверсионных актах и военно-шпионских заданиях! Шуток, когда идет вопрос о вооруженном препятствии социалистическому строительству в той мирной обстановке, в которой мы хотели строить, строили и хотим продолжать строить. Это не шутки. Тут не до шуток. И поэтому характеристика всего того, что здесь происходит, как шутка,—это только очень неловкий, несерьезный, полемический прием, который может быть об'яснен только тем, что такой «авторитет», как Пуанкаре, видимо считает со своего недосягаемого величия, что логика для него не обязательна точно так же, как не обязательна она и для читателей его статей.

Но логика—есть логика. Показания подсудимых—есть показания подсудимых. Факт определенных агрессивных настроений и агрессивной политики Пуанкаре—тоже реальный факт. И с точки зрения судебного доказательства эта статья должна быть учтена как показатель полной достоверности того сообщения, которое сделали подсудимые о непосредственных связях их заграничных хозяев с отдельными правящими кругами Франции, в частности с Пуанкаре.

Господин Пуанкаре заканчивает: «Вернемся на грешную землю».

Я следую его совету—вернемся к конкретному определению индивидуальной вины каждого из обвиняемых с точки зрения исполнения тех заданий, которые они получили от «Торгпрома» и военных и правящих кругов французской буржуазии.

Председатель: Позвольте на этом сделать перерыв.

Об'является перерыв до 11 часов утра 5 декабря.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

ПРИГОВОР

СПЕЦИАЛЬНОГО СУДЕБНОГО ПРИСУТСТВИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ДЕЛУ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ „ПРОМПАРТИЯ“.

Именем Союза Советских Социалистических Республик специальное судебное присутствие Верховного суда Союза ССР в составе: председательствующего тов. Вышинского, А. Я., и членов тт.: Антонова-Саратовского, В. П., и Львова, В. Л., при секретарях тт.: Яковлеве, А. Ф., Иваненко, Г. И., и Шарутине, П. И., с участием государственных обвинителей—прокурора РСФСР тов. **Крыленко, Н. В.**, и пом. прокурора РСФСР—т. Фридберга В. И. и членов московской областной коллегии защитников тт. Брауде, И. Д., и Оцеп, М. А., рассмотрев в открытых и закрытом судебных заседаниях от 25 ноября по 7 декабря 1930 г. дело № 38 контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия») по обвинению:

1) **Рамзина, Леонида Константиновича**, 43 лет, гр-на СССР, бывш. профессора московск. высш. механ. машиностроительного училища и б. директора Теплотехнического института;

2) **Калинникова, Ивана Андреевича**, 56 лет, гр-на СССР, бывш. зам. председ. промш. сектора Госплана СССР, б. проф. Военно-воздушной академии и др. высш. учебн. заведений;

3) **Ларичева, Виктора Алексеевича**, 43 л., гр-на СССР, бывш. председ. топливной секции и члена президиума Госплана СССР;

4) **Чарновского, Николая Францевича**, 62 лет, гр-на СССР, бывш. зам. председателя Научно-технич. совета машиностроения при правлении Машоб'единения ВСНХ СССР и б. профессора различных высших учебных заведений;

5) **Федотова, Александра Александровича**, 66 лет, гр-на СССР, бывш. председателя коллегии Науч.-исследов. текст. инст. (НИТИ) и б. проф. высш. технич. учеб. заведений;

6) **Куприянова, Сергея Викторовича**, 59 лет, гр-на СССР, бывш. технич. директора Оргтекстиля ВСНХ СССР,—всех шестерых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58^{3}, 58^{4} и 58^{6} уг. код. РСФСР;

7) **Очкина, Владимира Ивановича**, 39 лет, гр-на СССР, бывш. ученого секретаря Теплотехническ. института и бывш. завед. отделом руководства научно-исследов. сектора ВСНХ СССР, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58^{3} и 58^{6} уг. код. РСФСР, и

8) **Ситнина Ксенофонта Васильевича**, 52 л., гр-на СССР, бывш. инженера Всес. Текстильн. Синдиката, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58^{3} и 58^{4} УК РСФСР, **нашло:**

Окончательный разгром Красной армией в 1920 г. армий белогвардейских генералов, организованных и руководимых империалистическими государствами, пытавшимися свергнуть советскую власть и восстановить власть помещиков и капиталистов, открыл трудящимся СССР путь к мирному хозяйственному строительству на социалистических началах.

Рабочий класс СССР в союзе с основными крестьянскими массами с величайшим напряжением сил ликвидировал в течение последовавших затем нескольких лет тягчайшие последствия империалистической и гражданской войн, преодолев многочисленные трудности пройденного в эти годы восстановительного периода и перейдя в новых условиях к широкому социалистическому наступлению по всему фронту.

Уже в течение всего восстановительного периода борьба рабочего класса за скорейшее налаживание хозяйственной жизни СССР, за успехи социалистического строительства, встречала упорное и непрекращающееся сопротивление со стороны уцелевших в нашей стране капиталистических элементов и примыкавшей к ним части буржуазной интеллигенции, пытавшихся всеми средствами—саботажем, прямой порчей и разрушением государственного имущества и даже целых предприятий—дезорганизовать, задержать и сорвать победоносное движение пролетариата по пути восстановления хозяйственной жизни пролетарского государства и укрепления его социалистического строительства.

Успеху этого строительства с одной стороны и энергичная, решительная борьба пролетариата со всякими попытками его срыва, с другой, парализовали эти попытки, вызывая одновременно в среде самой буржуазной интеллигенции усиление того процесса расслоения, в результате которого антисоветские и антипролетарские настроения сделались достоянием по преимуществу верхушечной части этой интеллигенции, тесно связанной в прошлом с капиталистическими кругами и занимавшей при капиталистическом строе привилегированное положение.

Именно из среды этой верхушечной части специалистов, пропитанных буржуазно-капиталистической идеологией и являвшихся убежденными противниками Октябрьской революции и социалистического строительства, вышли наиболее непримиримые и наиболее озлобленные организаторы и участники всякого рода контрреволюционных заговоров, направленных на дезорганизацию советского народного хозяйства, на разрушение социалистической промышленности, транспорта и сельского хозяйства, на подготовку низвержения советской власти вооруженной рукой.

Переход от восстановительного к реконструктивному периоду, означавший растущий под'ем всего народного хозяйства СССР и громадные успехи социалистического строительства, с одной стороны, и все усиливающийся кризис в странах капитализма, с другой, вызвали ожесточенное сопротивление капиталистических элементов и идеологически связанных с ними кругов технической интеллигенции СССР и всего мира.

Перед лицом все более крепнущей и усиливающейся хозяйственной, политической и военной мощи СССР смыкаются единым фронтом все силы старого мира, мобилизующего в «крестовый поход» против пролетарского государства—отечества мирового пролетариата и всех трудящихся—все средства скрытой борьбы и открытого нападения.

Такова была обстановка, в которой сложилась и стала действовать контрреволюционная организация «Союз инженерных организаций» («Промышленная партия»), об'единившая в единую организацию все вредительские группировки, действовавшие по различным отраслям промышленности.

Судебное следствие по делу означенной «Промышленной партии» установило, что оформлению этих групп в «Промышленную партию» в известной степени помогло и то обстоятельство, что основным ядром ее участников явились деятели образовавшейся в 1925 г. контрреволюционной организации, известной под именем «Инженерного центра», возглавлявшейся расстрелянным в 1930 г. по делу о вредительстве в золото-платиновой промышленности инж. Пальчинским, осужденным по шахтинскому делу бывш. капиталистом и шахтовладельцем Рабиновичем и инж. Федоровичем. В свою очередь «Инж. центр» образовался из двух контрреволюционных организаций, сложившихся еще ранее в виде так наз. клуба «Горных деятелей» и Всес. Ассоциации Инженеров (ВАИ), вобравших в себя наиболее реакционную и антисоветски настроенную часть старого инженерства. Эта часть старого инженерства работала по преимуществу в горной промышленности и на транспорте, и в значительном числе состояла из владельцев или акционеров капиталистических предприятий.

«Промышленная партия», составлявшаяся, таким образом, из лиц, принадлежавших к узкой буржуазно-интеллигентской прослойке, лишена была каких бы то ни было связей с широкими народными массами или каких бы то ни было точек опоры в этих массах и была обречена поэтому на замкнутый узкокастовый характер своей организации. Сами подсудимые (Рамзин, Ларичев и др.) вынуждены были признать, что «ПП» не могла рассчитывать не только на сочувствие рабочего класса, сочувствие которого, даже по их словам, совершенно исключалось, но и широких крестьянских масс. Этим обстоятельством об'ясняется и то, что, будучи лишенной всякого сочувствия и поддержки трудящихся масс, «ПП» все свои надежды в осуществлении своих преступных планов возлагала не на внутренние, а на внешние силы.

Специальное присутствие установило, что центральный комитет «ПП», вербуя своих членов из среды инженерно-технического и профессорско-преподавательского состава различных учреждений, предприятий, научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, прибегал к самым разнообразным приемам, начиная от агитации и денежных выдач в виде вознаграждения за выполнение директив «ПП» и кончая угрозами ухудшения, в случае свержения советской власти, служебного, имущественного или общественного положения в отношении лиц, колебавшихся или воздерживавшихся от вступления в ряды «Промпартии».

Свою работу «Промпартия» строила на строго конспиративных началах, допуская связь отдельных своих членов между собой лишь в пределах отраслевых организаций, вследствие чего члены различных отраслевых организаций друг друга не знали.

Во главе «Промпартии», как это было установлено судебным следствием, стоял ЦК, состоявший из основного ядра «Инжен. центра», главными деятелями которого были Пальчинский, Рабинович, Федорович, Хренников, Красовский, а впоследствии—Рамзин, Ларичев, Калинников, Чарновский, Федотов, Осадчий, Шейн и др., при чем после ареста Пальчинского и Хренникова руководящая роль в ЦК «Промпартии» перешла к Рамзину.

Внутри «Инж. центра», а впоследствии — центр. ком-та «Промпартии», руководство контрреволюционной работой *было распределено между отдельными* членами ЦК также по отраслевому принципу. Так, Пальчинский руководил контрреволюционной работой в горной, золото-платиновой промышленности и Геолкоме; Рабинович—в угольной; Хренников и Чарновский—в тяжелой металлической промышленности; Федотов — в текстильной; Ларичев—в топливной и в частности в нефтяной; Красовский—в области транспорта; Калинников — в экономгруппе; Рамзин—кроме общего руководства, также в топливной и энергетической отрасли хозяйства.

Так, к концу 1927 года—к началу 1928 года завершилось преобразование «Инж. центра» в «Промышленную партию». Судебное следствие установило, что одной из причин, ускоривших это преобразование, было стремление «Инж. центра» мобилизовать и об'единить все контрреволюционные элементы технической интеллигенции для борьбы за власть.

Другой важнейшей причиной явилось шедшее в том же направлении влияние таких зарубежных контрреволюционных организаций, как «Торгпром» (об'единение быв. российских капиталистов во главе с Денисовым, Рябушинским, Третьяковым, Коноваловым, Гукасовым, Нобелем, Манташевым и др.), имеющий местопребывание в Париже, и наиболее агрессивных империалистических кругов Франции.

В основу своей преступной вредительской работы «Промышленная партия» положила программу, главные установки которой сводились к уничтожению советской власти и реставрации власти капиталистов и помещиков путем установления военной диктатуры. В качестве военного диктатора намечался белогвардейский генерал Лукомский или руководитель ЦК «Промпартии» Пальчинский. Экономическая часть программы «Промпартии» намечала возвращение предприятий бывшим владельцам, а в случае реконструкции этих предприятий—возмещение бывших владельцев в форме так называемого акционирования. Этим путем, кроме того, достигалась бы цель возмещения прежних владельцев в повышенном размере за счет увеличившейся ценности предприятий, восстановленных, преобразованных и вновь созданных героическими усилиями трудящихся масс Советского союза.

В области сельского хозяйства программа «Промпартии» делала установку на восстановление помещичьих и укрепление кулацких хозяйств, с возвратом земли их бывшим владельцам или с возмещением их из специального фонда, образуемого за счет средств вышеуказанного акционирования предприятий.

Что касается методов осуществления этой программы, то таковые были различны в различные периоды преступной деятельности «Инженерного центра» и «Промпартии». Так в первоначальный период своей преступной работы, относящийся ко времени введения новой экономической политики, основная ставка «Промпартии» («Инженерного центра») была на капиталистическое перерождение советской власти. О таком понимании «Промпартией» («Инженерным центром») говорил на предварительном и судебном следствии ряд подсудимых. Так подс. Ларичев в показаниях, данных им Специальному присутствию, говорил: «Нэп должен был привести к перерождению советской власти».

Подс. Калинников показывал: «Когда был об'явлен в 1921 г. нэп, инженеры, уверенные, что восстановление промышленности неизбежно приведет к восстановлению буржуазии,—так как они иначе не мыслили восстановления промышленности, как средствами капиталистическими,—охотно стали принимать участие в общей с советской властью работе по восстановлению хозяйства»...

О том же заявил суду и подс. Рамзин, говоря: «Нэп мною и подавляющей частью прежнего инженерства был понят как начало перерождения советской власти».

В скором времени «Пром. партия», однако, должна была в виду успешного развертывания социалистического строительства в городе и деревне, убедиться в полной несостоятельности своего представления о возможности перерождения советской власти.

«В 1926 г.,— говорил на суде подс. Калинников,—восстановительный период промышленности и транспорта был почти закончен... Техническая интеллигенция, уверенная, что результатом нэпа в конце восстановительного периода будет переход к укреплению буржуазных начал в политике советской власти, встретила начало реконструктивного периода уже на новых, социалистических началах, крайне отрицательно. Здесь не оправдались ее надежды на то, что политика нэпа будет продолжаться и в период реконструктивного восстановления хозяйства»...

Отсюда—искание новых путей и средств борьбы с советской властью и постепенный переход к подготовке вооруженного свержения советской власти силами внутренней и внешней контрреволюции. «Промышленная партия», оторванная от народных масс и лишенная всякой поддержки со стороны трудящихся, должна была, однако, в скором времени убедиться в полной безнадежности своих расчетов на переворот одними лишь силами контрреволюционных элементов внутри СССР. С этого момента «Промышленная партия» делает основной упор на военную интервенцию против СССР, для подготовки которой «Промышленная партия» вступает в организационную связь с интервенционистскими организациями как внутри СССР (эсеро-кадетской и кулацкой группой Кондратьева—Чаянова, меньшевистской группой Суханова—Громана), так и за границей («Торгпром», группа Милюкова, интервенционистские круги Парижа).

В первый период существования «Инженерного центра» контакт между этим последним и представителями «Торгпрома» носил характер индивидуальных связей отдельных членов «ИЦ» с отдельными бывшими владельцами предприятий. Так, Пальчинский был связан с Мещерским, Федотов—с Морозовым, Коноваловым, Рябушинским В., Чарновский—с Денисовым и Мещерским, Ларичев—с Бардыгиным, Стрижев—с Нобелем, Гукасовым и Манташевым, Рабинович—с Дворжанчиком и т. д.

Но с 1927—1928 г. эти связи приобретают организованный и планомерный характер, при чем «Промпартия» полностью подчиняется руководству «Торгпрома», окончательно сложившись в платную агентуру этого последнего («Торгпрома») и иностранных интервентов.

К этому времени относится первое свидание Рамзина с В. Рябушинским по *поручению Пальчинского и «Инженерного центра»*. На этом свидании (во второй половине 1927 г.) шла речь не только о таких программных вопросах, как акционирование предприятий, форма будущего правления и т. п., но и о переговорах, происходивших между «Торгпромом» и правящими кругами Франции об организации интервенции, которая должна была состояться в 1928 году. На этом же свидании Рябушинский передал Рамзину требование «Торгпрома» и французских капиталистических кругов усилить работу по внутренней подготовке интервенции.

Решительный сдвиг в этом направлении относится к 1928 г., когда ряд членов «Промпартии» и ее ЦК (Рамзин, Ларичев, Федотов, Ситнин и др.) посетил деятелей белоэмигрантского центра в Париже. В результате этих посещений явился конкретно проработанный план и методы подготовки интервенции с точным распределением ролей между «Торгпромом» и наиболее агрессивными военными кругами Франции, с одной стороны, и центральным комитетом «Промпартии»,—с другой.

Особенно важными в этом отношении явились совещания членов ЦК «Промпартии» Рамзина и Ларичева с руководителями «Торгпрома» в лице Денисова, Рябушинского, Нобеля, Гукасова, Коновалова, Старикевича и Манташева, имевшие место в Париже в октябре 1928 г., а также совещания Рамзина с ген. Лукомским и полковн. Жуанвилем, а затем с полковником Ришаром.

На совещаниях с «Торгпромом», как это было установлено на судебном следствии из допроса подсудимых Рамзина и Ларичева, особенно много внимания уделялось таким событиям, нарушившим деятельность «Промпартии», как раскрытие вредительской деятельности в Донбассе и шахтинский процесс, а также провал вредительской организации на транспорте. Эти вопросы сильно интересовали «Торгпром» (Денисов, Рябушинский), так как осложняли дальнейшую вредительскую работу «Промпартии». Денисовым был сделан упор на то, чтобы теперь обратить внимание на металлопромышленность, добиваясь здесь резких диспропорций и ослабляя эффект производимых капиталовложений.

Нобелем и Гукасовым были заданы вопросы о положении нефтяной промышленности, о прочности действующей здесь вредительской организации, о проведении вредительских мероприятий по задержке нового строительства и сокращению экспорта. Они указали, что общие директивы в отношении вредительства в нефтяной промышленности ими были даны Стрижеву (члену «ПП») во время его пребывания в Париже. В отношении *общего положения «Торгпрома» и «Промпартии»* Денисов указал, что, несмотря на провал отдельных вредительских организаций, работу необходимо во что бы то ни стало продолжать. Денисов особенно подчеркнул, что вопрос об интервенции, хотя и отложенной с 1928 г. на 1930 г., ни в коем случае не снимается, а, наоборот, к интервенции против СССР идет деятельная подготовка за границей, и, следовательно, особо важной является вредительская работа «Промпартии» внутри Союза. На этом совещании председатель «Торгпрома» Денисов от имени «Торгпрома» сообщил о том, что правящие круги Франции решили организовать против СССР военную интервенцию. Далее, говоря о подготовке этой интервенции, Денисов сообщил об образовании и работе специальной военной комиссии под председательством генерала Жанена, бывшего военного представителя Франции при Колчаке.

Парижское свидание в октябре 1928 г. имело решающее значение, ибо здесь: 1) окончательно определились и были сформулированы основные линии в работе вредительских организаций, «Торгпрома» и интервенционистских кругов Франции; 2) были установлены совершенно точные формы связи с «Торгпромом» и этими кругами и было достигнуто внутреннее разделение ролей по подготовке интервенции; наряду с этим был окончательно определен порядок финансирования вредительской деятельности «Промпартии» со стороны этих кругов и «Торгпрома».

Специальное присутствие установило, что Рамзин во время своего пребывания в Париже в 27 г. и в 28 г. получил связь с лицами французской службы в Москве гр. К. и гр. Р. Эта связь между «Промпартией» в лице Рамзина, а затем Ларичева, Калинникова и Очкина с упомянутыми лицами французской службы продолжалась затем в течение всего последующего времени вплоть до ареста подсудимых по настоящему делу летом 1930 года. Эта связь была широко использована для получения «Промпартией» из-за границы различного рода директив интервенционистского характера и для передачи за границу от «Промпартии» сведений шпионского характера.

Специальное присутствие Верховного суда СССР, установившее в своем закрытом заседании из исследования этой стороны преступной деятельности подсудимых, установило в отношении гр. К. и гр. Р. факты, полностью подтверждающие данные обвинительного заключения, постановило специально довести о вышеизложенном до сведения правительства.

В соответствии с достигнутым в октябре 1928 г. на парижском совещании с «Торгпромом» соглашением «Промышленная партия» начинает с этого момента форсировать свою работу по искусственному ухудшению экономической жизни страны, широко применяя в этих целях метод вредительства, носившего плановый характер.

Плановое вредительство осуществлялось главным образом при помощи следующих методов:

1) метода проектировок минимальных планов, в связи с чем стоял вопрос о задержке темпов индустриализации и экономического роста всего народного хозяйства.

Как показывал суду подсудимый Федотов, «осуществление этого метода «Промпартия» связывала с поддержкой идей правого уклона. «Эти идеи,—говорил на суде Федотов,—казались подходящими, казались настолько удобными и дающими шансы на развитие нэпа, на развитие идей в сущности буржуазного характера, что поддержка их являлась желательной и необходимой». Этот же метод был связан с борьбой за минималистскую пятилетку;

2) метода создания диспропорций между отдельными отраслями народного хозяйства и между отдельными частями [illegible]

3) метода так называемого «омертвления капиталов», т.-е. вложение капиталов в ненужное строительство или нерациональное использование капиталов, имевшие своей задачей привести к ослаблению темпа и эффективности индустриализации и к понижению успешности социалистического строительства. «Эти три основных метода,—говорил в своих показаниях суду подсудимый Рамзин,—проводились в качестве основных методов планового вредительства».

Установленные Специальным присутствием многочисленные факты вредительства дали исчерпывающую картину этой стороны преступной деятельности «Промпартии», хотя и причинившей ущерб нашему социалистическому хозяйству, но оказавшейся бессильной сорвать наш пятилетний план и приостановить наше движение вперед.

Вредительская работа «Промышленной партии» парализовалась величайшим трудовым под'емом трудящихся масс, трудовым энтузиазмом и упорной борьбой за выполнение и перевыполнение промфинплана. Массовое ударничество, социалистическое соревнование, усиление классовой бдительности пролетариата, встречный промфинплан обеспечивали такие успехи делу социалистического строительства, при которых минималистская пятилетка «Промпартии» уже за первые два года оказалась перекрытой и превзойденной. «Промышленная партия», перейдя к плановому вредительству, сосредоточила свои преступные усилия в наиболее важных отраслях промышленности и транспорта, пытаясь нанести свои удары по металлу, топливу, энергетике, химической и текстильной промышленности и транспорту, подготавливая здесь прорывы, диспропорции и аварии.

В области **топливного** хозяйства «Промпартия» рассчитывала создать кризис таким направлением в развитии этого хозяйства, при котором в наибольшей степени облегчалась бы задача интервенции. «Промпартия» в этих целях принимала все меры к максимальной задержке разработки местных топлив, в частности подмосковного угля и торфа и угля в Кузнецком бассейне. Она подготавливала также условия, при которых были-бы поставлены в критическое положение такие районы, как Центрально-Промышленный и Северо-Западный, такие центры, как Москва и Ленинград, что достигалось при помощи удара по жел.-дорожной магистрали, соединяющей эти центры с Донбассом, и перерывом в снабжении этих районов донецким углем. Одновременно «Промпартия» вела борьбу против всякого рода рациональных методов добычи топлива и в частности против фрезерного способа добычи торфа, а также против его удешевления и рационального использования.

Специальным присутствием установлено, что эту свою вредительскую деятельность «Промпартия» осуществляла не только в процессе оперативной работы своих членов, занимавших различные должности в советских учреждениях, но и путем соответствующего направления деятельности научно-исследовательских институтов, как, например, Теплотехнического, возглавлявшегося Рамзиным, или Инсторфа, возглавлявшегося тоже членом «Промпартии» В. Кирпичниковым.

Основными способами вредительства в топливном хозяйстве являлось такое построение планов, при котором: 1) брались заведомо низкие показатели и темпы, значительно отстающие от фактических производственных возможностей; 2) обеспечивалось получение разрывов между развертыванием подготовительных работ и оперативными производственными планами; 3) давалось преимущество производству менее ценной продукции за счет продукции более высокого качества.

Особенное внимание при этом вредительстве было обращено на такие основные топливные районы, как Донбасс, Кузбасс, Кизел и другие, с направлением главного удара по линии питания этих районов электроэнергией. В целях срыва этого питания «Промпартия» через свои ячейки и отдельных членов принимала меры к задержке постройки или достройки новых электростанций (Тверской, Бобриковской, Штеровской, Зуевской и других) и к снабжению их негодным оборудованием и т. п.

Вредительство в области энергетического хозяйства «Промпартия» направляла на подготовку критического состояния важнейших энергетических узлов с таким расчетом, чтобы оно сказалось с особенной силой в 1930 г., т.-е. в году, на который была намечена интервенция.

Итоги этой преступной деятельности «Промпартии» в области энергетики Рамзин охарактеризовал на судебном следствии следующим образом: «Донбасс, Московская область, Ленинградская область, Кузбасс, Кизел,—во всех этих пунктах электроснабжение было задержано и доведено до чрезвычайного напряжения, так что в момент военных действий должна была наступить катастрофа»... Надо, однако, сказать, что и в этой области попытки «Промпартии» потерпели полную неудачу.

В области **металлоснабжения** «Промпартия» стремилась углубить металлический голод путем создания диспропорций между производством металла и потребностью в нем, заведомым преуменьшением плановых наметок в отношении производственных возможностей (например, 7 млн. тонн чугуна вместо 17 млн. тонн); путем неправильного использования производимого в стране металла (в частности в области котлостроения); путем создания диспропорций между металлической промышленностью и металлургической (диспропорция между отдельными цехами заводов); путем заведомого замедления машиностроения и т. д.

В области **транспортного хозяйства** вредительство шло по линиям попыток ослабить парки подвижного состава и в частности паровозного; дезорганизовать топливоснабжение, вагоностроение и т. д.

Как это установлено Специальным присутствием из допроса подсудимого Рамзина, свидетеля Красовского и из приобщенных к делу материалов, здесь вредительская работа шла по установкам, непосредственной целью которых было: 1) ослабление ремонтного хозяйства и провозоспособности сети ж. д.; 2) неправильное в преступных целях составление мобпланов; 3) заведомо преступное урезывание кредитов на ж.-д. сеть прифронтовой полосы; 4) применение так называемых «методов пониженных измерителей», т.-е. пользование заведомо преуменьшенными измерителями или показателями, в результате чего [illegible] вложение капиталов на [illegible] ж.-д. оборудования в количествах и номенклатуре, не соответствующей действительной потребности, чем достигалось «омертвление капиталов».

Все эти преступные действия имели целью дезорганизовать транспорт, поставить его в момент военного нападения на СССР интервентов в критическое положение, особенно в Западной полосе, а также перерезать пути сообщения, ведущие в Донбасс, и тем самым отрезать его от центра.

В области **химической** промышленности вредительство выражалось главным образом в попытках постройки ряда крупнейших об'ектов в заведомо непригодных условиях и пунктах, а также в попытках задержать производство необходимой для химической промышленности аппаратуры.

В области **текстильной** промышленности вредительство направлялось в сторону нерационального использования капиталов путем вредительского расчета высоты этажей во вновь строящихся фабриках, оставления без использования значительных площадей фабричных корпусов, задержки введения новейших американских машин, неправильного ведения хлопкового хозяйства и заведомо нерационального использования хлопка, распределения его урожая и т. п., заведомо неправильного распределения ассортимента текстильной продукции. Особенно обращает на себя внимание в этой области осуществлявшаяся в связи с подготовкой интервенции вредительская задержка развития льняной и пеньковой промышленности, благодаря чему и с этой стороны мог бы быть нанесен ущерб обороноспособности СССР.

Судебным следствием установлено также, что одновременно с попытками подготовить к весне 1930 г. хозяйственный кризис «Промышленная партия» развивала свою преступную деятельность по подготовке диверсионных актов и условий, обеспечивавших наиболее успешное осуществление в случае интервенции непосредственно военных действий.

Диверсионные задания «Промпартия» впервые получила, как это было установлено на судебном следствии, от «Торгпрома» и гр. К. в 1928 г. Основная директива в этом отношении сводилась к требованию избегать при осуществлении диверсионных актов капитальных разрушений, дабы не ухудшать положения будущего контрреволюционного правительства и интервентов. Поэтому предполагалось прибегнуть к выключению тока электростанций, выключению те или иные группы предприятий, с целью выведения их из строя на более или менее продолжительный период времени.

Диверсионная деятельность должна была по плану «Промпартии» осуществляться не только в области электроснабжения, но и в других областях (военная промышленность, транспорт). План диверсионных актов в области военной промышленности был разработан ЦК «Промпартии» при непосредственном участии указанных уже выше лиц французской службы в Москве. Главное внимание при этом было уделено заводам, производящим боевые припасы и снаряжение.

В целях наиболее успешного осуществления диверсионных актов «Промпартией» были созданы в некоторых учреждениях (напр., в Теплотехническом инст., «Электротоке», МОГЭС и др.) специальные диверсионные группы, имевшие задачей выведение из строя отдельных предприятий.

Диверсии на транспорте, по составленному подсудимым Ларичевым плану, предполагалось осуществлять созданием пробок, дезорганизующих движение, и прямым разрушением мостов и др. капитальных сооружений.

Судебное следствие установило, что по мере приближения 1930 г.—срока интервенции—и особенно с конца 1929 г. перед «Промпартией» был поставлен в решительной форме вопрос о выполнении еще одного поручения, полученного в Париже от интервенционистских кругов,—именно об организации военных ячеек.

На свидании Рамзина с гр. К., происходившем, как это было установлено судебным следствием, на квартире Ларичева осенью 1928 г., гр. К. потребовал более энергичной работы, так как внутренняя подготовка признавалась неудовлетворительной и не наступил внутренний кризис, ожидавшийся интервентами.

Специальное присутствие установило, что члены «Промпартии», принимая участие в силу своего служебного положения в различных работах в пограничных районах, пытались неоднократно использовать это свое положение, направляя и организуя эти работы в направлении осуществления своих преступных и даже шпионских планов. Используя свое участие в таких работах, как работы по мелиорации, по постройке промышленных зданий и т. п., они делали попытки подготовить наилучшие условия для военных действий против СССР интервентов и их военных отрядов: они делали попытки подготовить для них удобопроходимые дороги, площадки для посадки аэропланов, плацдармы для развертывания отрядов, базы топливного снабжения и питания горючим неприятельских частей и т. д. и т. п. В прямой связи с изменнической, диверсионной и интервенционистской деятельностью ЦК «Промпартии» стояла и его работа по организации шпионажа и разведывательной службы в интересах интервентов. Специальное присутствие установило, что еще в 1928 г. ЦК «Промпартии» получил от «Торгпрома» поручение организовать систематическую доставку заграничным контрреволюционным центрам квартальных сводок, освещающих состояние народного хозяйства СССР с интересующих эти центры точек зрения.

Составление этих сводок ЦК «Промпартии» поручил Ларичеву и Калинникову, что последние систематически осуществляли. Пересылка этих сводок за границу производилась через гр. К., который, однако, помимо этих сводок получал сведения, связанные с обороной страны, и непосредственно. Связи с гр. К и с гр. Р., как это было установлено в процессе судебного следствия, поддерживали, неся такую же шпионскую службу, и подсудимые Рамзин и Очкин, передавая требуемые от них сведения как в письменной, так и в устной форме. Такова была широко разветвленная и шедшая под руководством ЦК «Промпартии» по многочисленным и разнообразным направлениям вредительская контрреволюционная работа по подготовке интервенции 1930 г. Три главные силы действовали в этой подготовке: капиталистические и военные круги Франции, «Торгпром» и «Промпартия».

Удельный вес каждой из них был в этой подготовке неодинаков. Важнейшая, ведущая роль в этом отношении, как это было с исчерпывающей полнотой установлено на судебном следствии, принадлежала капиталистическим и военным французским кругам. Влияние этих кругов сказывалось и в таких вопросах, как выработка плана и методов осуществления интервенции, так и установления ее сроков. Стратегический план интервенции, рассчитанный на проведение операций соединенными силами иностранных экспедиционных корпусов при участии остатков врангелевской армии и красновских казачьих частей, сводился к комбинированному удару на Москву и Ленинград. По этому плану южная армия должна была двигаться по Правобережной Украине, опираясь на правый берег Днепра, и дальше—на Москву.

Северная же группа интервенционистской армии должна была действовать при поддержке морского и воздушного флота против Ленинграда. В план интервенции входило использовать в качестве повода для нападения интервентов на СССР какой-либо пограничный конфликт с тем, чтобы в процессе дальнейшего его развития могли быть использованы вооруженные силы союзных с Францией государств—Польши и Румынии, а также армии лимитрофов. По замыслам интервентов успешное завершение военной интервенции против СССР должно было повлечь за собой раздел СССР, отторжение значительных территорий и предоставление иностранным участникам интервенции значительных финансово-экономических приобретений, несущих с собой закабаление трудящихся Союза. По этим замыслам империалистические круги Франции должны были получить уплату царских долгов и концессии по разработке рудных и горных богатств СССР, при чем, как это было установлено судебным следствием, эти концессии были такого характера, что делались равносильными прямому захвату; империалистические круги Англии должны были получить Кавказ, нефтяные источники; претендовали на территориальный захват также империалистические круги Румынии и Польши (правобережная Украина, Киев, Одесса).

Срок интервенции, первоначально намечавшийся даже на 1928 г., интервенты вынуждены были отодвинуть сначала на 1930 г., а затем и на 1931 год.

Причины этих отсрочек заключались не только в том, что готовящие интервенцию против СССР интервенционистские круги капиталистических государств оказались, в силу имеющихся в их среде разногласий, не подготовленными к этому выступлению, но еще в большей степени в отсутствии внутри СССР условий, благоприятствующих осуществлению интервенции.

Несмотря на развернутую вредительскую работу различных контрреволюционных организаций и в том числе «Промышленной партии», пытавшихся создать в хозяйственной жизни СССР разнообразные и тяжелые затруднения и на этой почве хозяйственных и продовольственных прорывов вызвать недовольство против советской власти трудящихся масс, эти попытки не дали никаких результатов, показав, что всякие расчеты интервентов на недовольство трудящихся масс в отношении советской власти являются совершенно беспочвенными.

Здесь также лежит одна из важнейших причин откладывания срока интервенции. Это оказалось необходимым для интервентов тем более, что, как это установлено судебным следствием, интервенционистские круги Франции не могли не учесть урока китайско-восточного конфликта, доказавшего мощь и обороноспособность Советского союза, единство всех трудящихся масс к защите своих границ и борьбе за советскую власть и социалистическое строительство.

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Специальное присутствие Верховного суда СССР—

установило:

1) **Рамзин Леонид Константинович**, вступив в первой половине 1927 г. в контрреволюционную организацию—«Совет инженерных организаций» (СИО), или «Инженерный центр», принял активное участие в организации контрреволюционной партии под именем «Промышленная партия», при чем после ареста руководителей этой организации Пальчинского и Хренникова стал во главе ЦК этой партии, деятельность которой была направлена на прямое свержение советской власти путем военной интервенции и восстановление в СССР капиталистического строя.

В этих целях, а также в целях непосредственной подготовки интервенции Рамзин: а) вступил в сношение от имени «Промпартии» с белоэмигрантским центром бывших собственников, находящимся в Париже («Торгпромом»);

б) вступил в связь с интервенционистскими кругами Франции, установив с ними постоянное сношение через лиц французской службы в Москве гр. гр. К. и Р.;

в) установил систематическое финансирование «Промпартии» со стороны «Торгпрома» и указанных выше (п. «б») кругов;

г) принял участие в разработке конкретного плана подготовки совместно с указанными выше кругами и «Торгпромом» интервенции против СССР и дал от имени ЦК «Промпартии» согласие на уплату царских долгов и отторжение от СССР значительной территории;

д) организовал и руководил в тех же целях систематическим вредительством в различных отраслях народного хозяйства СССР;

е) Организовал подготовку диверсионных актов, для чего организовал соответствующие диверсионные группы, лично разработав, кроме того, план диверсионной деятельности в области энергетики.

ж) Сносясь регулярно с лицами французской службы гр.гр. К. и Р., сообщал им и через них сведения в устной и письменной форме шпионского характера.

з) Организовал и осуществлял распределение денежных средств, поступавших из-за границы на цели преступной деятельности «Промпартии», т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6} и 58^{11} УК РСФСР.

2) **Калинников Иван Андреевич**,—вступив в те же организации в качестве члена ЦК «Промпартии», руководил вредительской, диверсионной и шпионской деятельностью «Промпартии», направленной к свержению советской власти путем военной интервенции и к восстановлению капиталистического строя. Кроме того, состоя в должности зам. председ. промсекции Госплана, использовал свое служебное положение в целях составления вредительских планов в срыва 5-летки.

б) Предложил вместе с Чарновским ЦК «Промпартии» осуществить диверсионный план в области металлургической промышленности, что и было ЦК «Промпартии» принято;

в) Вступив в связь с лицами французской службы в Москве, К. и Р., подготовлял и передавал через них за границу сведения шпионского характера;

г) Распределял денежные средства, получаемые из-за границы, между членами «П. П.» подведомственной ему отраслевой цепочки, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6} и 58^{11} УК РСФСР;

3) **Ларичев Виктор Алексеевич**, вступив в к.-р. организацию—«Инж. центр» в 1926 г., участвовал в организации «Промпартии». Будучи членом ЦК «ПП», руководил диверсионной, шпионской и вредительской деятельностью, направленной на указанные выше цели. Кроме того: а) вступил в непосредственные сношения от имени «Промпартии» с «Торгпромом» и интервенционистскими кругами в Париже;

б) Вошел в связь с лицами французской службы в Москве К. и Р. в указанных выше целях;

в) Распределял между членами подведомственных ему вредительских отраслевых организаций получаемые из-за границы денежные суммы;

г) Будучи председателем топливной секции Госплана, непосредственно руководил, используя в контрреволюционных целях свое служебное положение, вредительством в области планирования топливной промышленности, в частности, нефтяной, а также принял участие в руководстве вредительской работой на транспорте;

д) Осуществлял шпионскую работу путем передачи соответствующих материалов за границу через указанных выше лиц французской службы в Москве, т.-е., совершил преступления, предусмотренные ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6} и 58^{11} УК РСФСР;

4) **Чарновский, Николай Францевич**, вступив в 1927 г. в те же контрреволюционные организации и активно участвуя в руководстве работой контрреволюционной организации «Промпартия» в качестве члена ее ЦК, осуществлял вредительскую, диверсионную и шпионскую деятельность в тех же целях.

Кроме того: а) руководил вредительством в области металлургической промышленности, б) руководил вредительской работой при прохождении проектов через Научно-Технический Совет, им возглавлявшийся, благодаря чему была задержана постройка ряда заводов, в том числе по станкостроению, была создана диспропорция в цехах, были осуществлены нерациональные вложения капиталов и в целом было задержано развитие металлургической промышленности.

в) Разработал совместно с Калинниковым диверсионный план в области обслуживания заводами военных нужд;

г) Распределял между членами руководимой им отраслевой вредительской организации получаемые из-за границы денежные средства.

д) Составлял совместно с Калинниковым для передачи за границу сводки шпионского характера, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6}, и 58^{11} УК РСФСР.

5) **Федотов Александр Александрович**—в 1925 г. вступил в текстильную вредительскую группу, которой впоследствии и руководил. Вступил в «Промпартию», войдя в ее ЦК, и осуществлял руководство диверсионной, вредительской и шпионской деятельностью «Промпартии».

Кроме того: а) руководил непосредственно вредительской деятельностью отраслевой организации в текстильной промышленности, осуществляя это вредительство как в работе по составлению 5-летнего плана, так и путем искусственного замедления темпов развертывания производства и нового строительства, создавая затруднения по снабжению этой промышленности сырьем и импортным оборудованием, наиболее технически высокого качества, и подрывая развитие тех производств, в которых советское государство ощутило бы особую нужду, в случае открытия военных действий; б) распределял денежные средства с вредительскими целями, получаемые им из указанных выше источников, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6} и 58^{11} УК РСФСР.

6) **Куприянов Сергей Викторович**, будучи членом «Промпартии», в тех же целях:

а) Поддерживал сношения с представителями «Торгпрома» в целях осуществления вредительской и интервенционистской работы «Промпартии»;

б) Проводил в жизнь директивы ЦК «Промпартии» по составлению вредительских планов текстильной промышленности; по выработке ассортимента товаров, несоответствующего требованиям рынка; по задержке текстильного машиностроения; по несвоевременному и неправильному завозу текстильных товаров по районам;

в) распределял деньги между членами текстильной вредительской группы;

г) принял поручение ЦК «ПП» организовать военную группу из бывших белых офицеров;

д) принял поручение ЦК «ПП» по добыванию секретных сведений по мобработе в текстильной промышленности, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6} и 58^{11} УК РСФСР.

7) **Очкин Владимир Иванович**, будучи членом «Промпартии», выполнял поручения ЦК «Промпартии» в лице Рамзина по связи с лицами французской службы в Москве К. и Р. Кроме того, входил в диверсионную группу Теплотехнического института, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. 58^{3}, 58^{6} и 58^{11} УК РСФСР.

8) **Ситнин Ксенофонт Васильевич**, будучи членом «Промпартии», зная заведомо о поставленных ею целях, принимал на себя исполнение соответствующих заданий в области вредительской работы и, кроме того, вступив в сношения с представителями «Торгпрома», информировал последних о деятельности «Промпартии» и передавал от них последней директивы, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст. 58^{3} 58^{4} и 58^{11} УК РСФСР.

На основании ст. 326 ч. 3 УПК РСФСР Специальное присутствие Верховного суда СССР приговорило:

1) **Куприянова, Сергея Викторовича**,—на основании ст.ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6}, 58^{11} УК РСФСР—к 10 годам (десяти годам) лишения свободы с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренным лит. лит. «а», «б», «в», «г», «е» ст. 31, сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества;

2) **Ситнина, Ксенофонта Васильевича**,—на основании ст.ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6}, 58^{11} УК РСФСР,—к 10 годам (десяти годам) лишения свободы и с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренным в лит. лит. «а», «б», «в», «г» и «е» ст. 31, сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества;

3) **Очкина, Владимира Ивановича**, согласно ст.ст. 58^{3}, 58^{6} и 58^{11} УК РСФСР,—к 10 годам (десяти годам) лишения свободы и с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренным в лит. лит. «а», «б», «в», «г» и «е» ст. 31, сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества;

4) **Калинникова, Ивана Андреевича**,—согласно ст. ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6}, 58^{11} УК РСФСР — к высшей мере социальной защиты — расстрелу, с конфискацией всего имущества.

5) **Чарновского, Николая Францевича**,—согласно ст.ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6}, 58^{11} УК РСФСР—к высшей мере социальной защиты — расстрелу, с конфискацией всего имущества.

6) **Ларичева, Виктора Алексеевича**,—согласно ст.ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6}, 58^{11} УК РСФСР—к высшей мере социальной защиты—расстрелу, с конфискацией всего имущества.

7) **Федотова, Александра Александровича**,—согласно ст.ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6}, 58^{11} УК РСФСР—к высшей мере социальной защиты—расстрелу, с конфискацией всего имущества.

8) **Рамзина, Леонида Константиновича**,—согласно ст. ст. 58^{3}, 58^{4}, 58^{6}, 58^{11} УК РСФСР—к высшей мере социальной защиты—расстрелу, с конфискацией всего имущества.

Всем приговоренным к срочному лишению свободы зачесть сроки их предварительного заключения.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председатель Специального присутствия Верховного суда СССР

А. ВЫШИНСКИЙ.

Члены специального присутствия Верховного суда СССР

АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ.

В. ЛЬВОВ.

7/XII-30 г., 23 ч. 35 м.
Москва.

АГЕНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И „ТОРГПРОМА“ ПЕРЕД ПРОЛЕТАРСКИМ СУДОМ.

ДЕЛО „ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАРТИИ“.

ВРАГИ РАБОЧЕГО КЛАССА—КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ-ВРЕДИТЕЛИ В БЛОКЕ С МЕНЬШЕВИКАМИ—АБРАМОВИЧАМИ, СУХАНОВЫМИ, ГРОМАНАМИ И ПРОЧИМИ ПРЕДАТЕЛЯМИ ИЗ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА—ПЫТАЛИСЬ СОРВАТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ И ПУТЕМ ИНТЕРВЕНЦИИ ВОССТАНОВИТЬ ДИКТАТУРУ КРУПНОГО КАПИТАЛА.

ВОПРЕКИ ПОДЛЫМ ЗАМЫСЛАМ ИНТЕРВЕНТОВ И ВРЕДИТЕЛЕЙ ПРОЛЕТАРИИ И ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ, ОПИРАЯСЬ НА ПОДДЕРЖКУ РАБОЧИХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН, УСПЕШНО СТРОЯТ И ПОСТРОЯТ СОЦИАЛИЗМ.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ КИРПОТЕНКО.

(Продолжение. См. „Правду“ № 336 от 7 декабря).

Вечернее заседание 1 декабря.

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ ЦЕЛЬ.

Крыленко. Да. Прежде всего я хочу вернуться к прежнему вопросу. Вам известна связь, которая была между Техническим советом, в частности Сироцинским, Клевезалем и Кузнецовым, с центром вредительской организации?

Кирпотенко. Я хотя этого не знаю, но думаю...

Крыленко. А вам никто об этом не говорил?

Кирпотенко. По тем разговорам, которые у меня имелись с Клевезалем, связь имелась с центром через Кузнецова и с Сироцинским через третье лицо.

Крыленко. Так, что связь должна была идти с центром через Кузнецова и, с другой стороны, была связь с Сироцинским. Через кого?

Кирпотенко. Не знаю.

Крыленко. Через Ноа?

Кирпотенко. Да, да.

Крыленко. Может быть, вы знали?

Кирпотенко. Да, я вспомнил.

Крыленко. А с кем конкретно была связь в ЦК у Кузнецова и Ноа?

Кирпотенко. Не помню.

Крыленко. А может быть, вспомните. Тут простая логика. Текстильную группу кто возглавлял?

Кирпотенко. Федотов.

Крыленко. Может быть вспомните с кем была связь?

Кирпотенко. Может быть, с Чарновским.

Крыленко. Чарновский был по металлу.

Председатель. Вы помните или не помните? Прошу не гадать, а говорить точно.

Кирпотенко. Нет, не помню.

Крыленко. Эту группу возглавлял Федотов. К строительству эта группа имела прямое отношение?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Вредительскую работу эта группа осуществляла?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Вредительскую работу Сироцинский и Клевезаль осуществляли?

Кирпотенко. Они рассматривали проекты всех отраслей промышленности.

Крыленко. А Сироцинский ведал всеми отраслями промышленности?

Кирпотенко. Да, как же.

Крыленко. И Ноа по всем вопросам?

Кирпотенко. Конечно.

Крыленко. Вам известно официальное положение Ноа в тот момент?

Кирпотенко. Он был членом коллегии Наркомтруда.

Крыленко. И вам известно о вредительстве Ноа?

Кирпотенко. Я по наслышке знаю.

Крыленко. А точно не знаете?

Кирпотенко. Только по наслышке, из разговоров с Клевезалем и с Сироцинским.

Крыленко. До известной степени проведение или по меньшей мере отстаивание канатчиковского проекта могло опираться на эту серьезную поддержку?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Теперь скажите, что вам известно относительно связей Технического совета не по линии текстильной промышленности.

Кирпотенко. Мне ничего неизвестно, потому что при рассмотрении проектов других отраслей промышленности мне не приходилось бывать.

Крыленко. Что вам известно о работе вредительской текстильной группы и, в частности, если хотите, ваша работа вне отраслей капитального строительства и вообще по текстилю. Вы принимали участие в этой группе?

Кирпотенко. Я принимал участие два-три раза, когда разрабатывались вопросы подготовки к интервенции.

Крыленко. Вы были на совещании по подготовке интервенции?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Дальше?

Кирпотенко. Теперь по вашему вопросу (пауза) скажу, что кроме этого ничего неизвестно.

Крыленко. Вы ничего не знаете о конкретных методах подготовки интервенции в текстильной промышленности?

Кирпотенко. Я говорю, что кроме интервенции мне больше ничего неизвестно.

Крыленко. Вам неизвестно еще о вредительской работе к интервенции?

Кирпотенко. Я говорил уже о текстильном машиностроении и капитальном строительстве.

Крыленко. Текстильное машиностроение — это одно, а капитальное строительство—другое. А еще что?

Кирпотенко. Диспропорция в планах. Бывали разговоры, которые мне боком приходилось слышать, о неправильном ассортименте товаров по выработке и по рассылке на места не в соответствии с требованиями местного рынка.

Крыленко. Неправильная выработка ассортиментов и неправильное распределение — эти моменты вам были известны. Вы сказали, что вошли в эту группу когда?

Кирпотенко. В 1925 году.

Крыленко. И были с 1925 по 1930 год?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Срок достаточный для того, чтобы быть в курсе всех вопросов.

Кирпотенко. Я не производственник. Я ведал только механическо-строительным делом.

Крыленко. Больше вы ничего сказать не можете?

Кирпотенко. Один момент вспомнил. Бывали разговоры у меня с Куприяновым о создании настроения среди технических работников на фабриках. Мы разговаривали при встречах с фабричными работниками-инженерами во вредительских целях о моментах, затрудняющих работу на фабриках и тем способствовали тому, что большая часть технических работников переходила с одной фабрики на другую, или уходила работать с фабрики в центральные учреждения.

Скажем, один из примеров я считаю нужным привести. Одного такого человека я сманил с фабрики, сговорился с ним, чтобы он ко мне как раз в отдел поступил, но, по правде сказать, он не долго прожил и, когда я был в отпуску, ушел.

Крыленко. Еще это? (**Кирпотенко:** Да).

Еще вопрос, касающийся строительства. Когда вы настаивали и проводили систематически строительство из железо-бетона,—конечно, железо-бетон вещь хорошая и т. д.,—но в смысле материала, как тогда дело обстояло?

Кирпотенко. Видите, в те времена, когда мы строили, тогда не было такой дефицитности в железе и цементе, как сейчас, острая дефицитность появилась главным образом в последние два года, у нас, например, фабрика во Владимире специально с этой целью была спроектирована с перекрытиями на чугунных колоннах и железных балках, а Меланжевый комбинат в Иваново-Вознесенске все прядильные корпуса тоже построил на чугунных колоннах и железных балках для того, чтобы меньше употреблять цемент и железо, т.-е. дефицитные строительные материалы.

Крыленко. Меньше? (**Кирпотенко:** Да). Значит вы строительство из железо-бетона не проектировали в целях поглощения дефицитных товаров?

Кирпотенко. Я говорю, что фабрики строились в то время, когда дефицита не было. Ведь у нас дефицитность в цементе появилась два года назад, а тогда дефицитности не было.

СВИДЕТЕЛЬ ПОДТВЕРЖДАЕТ ФАКТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ПОДГОТОВКИ ИНТЕРВЕНЦИИ.

Крыленко. Еще по вопросу относительно интервенции, поскольку это относится к пройденному этапу,—сообщите, что вам известно о предварительных шагах к подготовке интервенции со стороны руководящей текстильной группы до конца 1928 или даже до конца 1929 года?

Кирпотенко. До конца 1928 года были только общие разговоры о том, что за границей бывшие русские фабриканты или даже их об'единение под названием «Торгпром» мечтают об интервенции. В конце 1928 года, по приезде из-за границы Федотова и Ситнина, у нас была более подробная информация о том, что эта самая интервенция намечается уже как факт. Называли 1930—31 год. Вообще момент интервенции подгонялся ими до истечения пятилетки. И тогда Федотов и Ситнин рассказывали, какие разговоры они по этому поводу вели с представителями «Торгпрома» за границей. Значит, вопрос ставился так, что вредительская организация должна, не забывая старой своей программы работ, прибавить еще некоторые пункты, специально связанные с подготовкой к интервенции. Один из этих моментов—это то, чтобы вредительская организация была в курсе мобилизационных планов, которые составлялись и разрабатывались в Текстильном синдикате. С этой целью туда и был откомандирован специальный работник, член организации...

Крыленко. Это уж вы хотите рассказать о конкретных шагах по получению и изучению мобпланов. (**Кирпотенко:** Да), которые были предприняты текстильной группой подыскания специального лица? (**Кирпотенко:** Так). Об этом мы будем говорить особо, и тогда будем просить вас об этом рассказать. Но до этого вам было известно о связях—кого? Двух лиц вы называли?

Кирпотенко. Федотова и Ситнина.

Крыленко. Как вы охарактеризуете второй период—если первый вы охарактеризовали, как период разговоров?

Кирпотенко. Второй период—здесь уже что-то более реальное выходило, в конце 1928 года. Потом еще третья ступень была.

Крыленко. Это когда вы конкретно начали работать?

Кирпотенко. Да. Это было в середине 1929 года.

Крыленко. Тогда вы начали работать в этом направлении?

Кирпотенко. Да, у нас уже были задания, программные разработки, отдельным членам были даны отдельные поручения.

Крыленко. Была создана программная подготовительная работа к интервенции и отдельным членам организации были даны определенные поручения. В каких областях?

Кирпотенко. Мобилизационная работа, затем текстильное машиностроение.

Крыленко. Тут что?

Кирпотенко. Чтобы не останавливать то вредительство, которое велось, скажем, мною по текстильному машиностроению, имея в виду и интервенцию.

Крыленко. И затем, может быть, были прямые и конкретные задачи?

Кирпотенко. Мне было дано поручение в планах капитального строительства максимально проводить строительство новых фабрик на западных окраинах, например, в пределах Белоруссии.

Крыленко. Чтобы их легче потом захватить?

Кирпотенко. Для того, чтобы они могли служить опорными пунктами, опорной базой при интервенции. Такие фабрики в первую голову должны были попасть в руки интервентов.

Крыленко. Это мы будем разбирать в дальнейшем, специально, а сейчас скажите—были установленные задания, вы получили задание. Все члены группы получили задания, и от кого получали задание?

Кирпотенко. От Федотова.

Крыленко (председателю). Я хотел бы задать вопрос Федотову.

Председатель. Подсудимый Федотов, пожалуйте сюда (Федотов подходит) (К прокуратуре). Какой у вас вопрос?

Крыленко. Гражданин Федотов, вы слышали показания Кирпотенко?

Подсудимый Федотов. Да.

Крыленко. Вы их подтверждаете?

Подсудимый Федотов. Собственно говоря... в некоторых частях... Как-будто бы в общем—да.

Крыленко. В той части, что вами давалась директива, чтобы задерживать машиностроение английского типа, машин для того, чтобы поддержать нашу зависимость от иностранного капитала.

Подсудимый Федотов. Я это и раньше говорил.

Крыленко. Подтверждаете?

Подсудимый Федотов. Да.

Крыленко. То, о чем мы спорили до перерыва — относительно сохранения английских машин у нас, не было связано с этой директивой?

Подсудимый Федотов. Мне кажется, нет.

Крыленко. Вот в этом споре об английских и американских машинах—о чем мы говорили до перерыва. Это отстаивание английских машин—не было ли оно связано с этой директивой по существу? Не была ли скрытая сторона мотивы в этой директиве в том, чтобы установить нашу зависимость от английского капитала, именно поэтому вы отдавали предпочтение английским машинам?

Подсудимый Федотов. Может быть, и было.

Крыленко. А кто же лучше знает?

Подсудимый Федотов. Видите ли, здесь мы с вами разбирали теоретические вопросы.

Крыленко. А теперь перейдем к практике.

Подсудимый Федотов. Практически, конечно, было.

Крыленко. В силу каких соображений?

Подсудимый Федотов. То-есть в силу каких соображений я поддерживал английские машины?

Крыленко. Ну да, в силу каких соображений—для того, чтобы установить нашу зависимость от английского капитала политически, экономически, технически?

Подсудимый Федотов. Технически и экономически.

Крыленко. А других не было?

Подсудимый Федотов. Политический момент здесь вряд ли играет какую-нибудь роль.

Крыленко. Политический момент, я думаю, мало играет роли. А других не было?

Подсудимый Федотов. Не знаю.

Крыленко. Не знаете? А прямая заинтересованность?

Подсудимый Федотов. Чья?

Крыленко. Ваша?

Подсудимый Федотов. Моя заинтересованность, конечно, была.

Крыленко. Прямая заинтересованность в форме куртажного вознаграждения?

Подсудимый Федотов. Да, да.

Крыленко. Больше к Федотову у меня вопросов нет.

Председатель. У защиты имеются ли вопросы к свидетелю и к подсудимому?

Оцеп. Нет.

Председатель. Подсудимый Федотов, вы можете сесть. Свидетель Кирпотенко, к вам имеет вопрос член суда тов. Иванов.

Иванов. Вы говорили, что вы строили на чугунных фермах?

Кирпотенко. На чугунных колоннах.

Иванов. Железо-бетонное здание?

Кирпотенко. Владимирское здание кирпичное.

Председатель. Свидетель Кирпотенко, вы говорили здесь о том, что получали директивы от Федотова в отношении торможения развития текстильного машиностроения. Может быть, вы припомните какой-нибудь конкретный случай?

Кирпотенко. Отдельных случаев тут не было. Тут нужно обрисовать более подробную картину.

Председатель. Я бы хотел побольше подробностей. Мне важно, чтобы это утверждение для суда было облечено в такую реальную форму. Мало сказать, что получали от Федотова директивы, вам ведь сказал товарищ государственный обвинитель, что вы были 5 лет в организации и в течение 5 лет вы получали те или иные директивы. Нам важно установить вашими показаниями и достоверность их, как показания свидетеля, какие же именно конкретные директивы в этом случае вы от Федотова получали?

Кирпотенко. Общую директиву о том, что надо всеми мерами стараться тормозить, нарушить и затруднить постановку текстильного машиностроения. Вот в самом общем виде.

Председатель. А конкретно не было?

Кирпотенко. Конкретно я не помню, потому что для конкретных работ в этом распределительном бюро был заместитель Куприянов.

Председатель. Куприянов?

Кирпотенко. Он входил в распределительное бюро от хлопчатобумажной промышленности.

Председатель. Вы не помните историю вопроса о постройке завода текстильного машиностроения в Москве?

Кирпотенко. Да, да совершенно верно. Это было так. Это было в феврале или марте 1928 г. Я приехал около середины февраля из отпуска и встретился с членом распределительного бюро Кутским.

Председатель. А Кутский был членом организации?

Кирпотенко. Он был членом металлической вредительской организации и был заместителем председателя распределительного бюро у Шейна.

Председатель. Это до вас?

Кирпотенко. Нет.

Председатель. До того, как вы были заместителем председателя?

Кирпотенко. Нет, он был заместителем, когда зам. председателя был Стюнель.

Председатель. Стюнель был зам. председателя, Кутский был вторым заместителем, а вы членом? А замом когда вы стали?

Кирпотенко. Это позже. Когда Стюнель ушел, тогда меня президиум ВСНХ назначил заместителем председателя, не считая больше текстильщиком.

Председатель. Значит председатель распределительного бюро, Шейн—член организации?

Кирпотенко. Да.

Председатель. Заместитель Кутский—член организации?

Кирпотенко. Да.

Председатель. Вы, заместитель, тоже член организации; так вот, что у вас за разговоры были с Кутским?

Кирпотенко. Он говорил, что в НТС машиностроения представлена записка о необходимости постройки завода текстильного машиностроения по хлопчатобумажной группе в Москве, что надо этот вопрос провалить у вас в НТС и могу ли я взять на себя работу по аннулированию этой записки с тем, конечно, чтобы ее там провалить. Я согласился, и по этому поводу у меня был разговор и с Куприяновым и Федотовым о том, проводить ли это в жизнь или не проводить, и было решено таким образом, что если в НТС машиностроения этот вопрос пройдет согласно записке, то тогда уже в заседании распорядительного бюро мы его там будем проваливать.

Председатель. Какие директивы вам дал Федотов?

Кирпотенко. Он мне сказал, что эту работу проводить можно так, как указал Куприянов.

Председатель. А какова роль Куприянова в этом случае?

Кирпотенко. Я ему рассказал, что будет такое дело и если оно не будет провалено в НТС, то мы его будем проваливать в распределительном бюро.

Крыленко. А вы Ситнина знали?

Кирпотенко. Как же!..

Крыленко. И по вредительской группе и по его практической работе?

Кирпотенко. Я его знал с конца 1928 года.

Крыленко. Вы его знали по работе хлопчатобумажной промышленности или по вредительской работе?

Кирпотенко. Вообще я его знал раньше, а по вредительской работе я его знал с середины или конца 1928 года.

Крыленко. Чем он ведал?

Кирпотенко. Он был членом правления акционерного общества «Текстильимпорт» и ведал закупкой хлопка.

Крыленко. Его вредительство шло, главным образом, по закупке хлопка?

Кирпотенко. Вообще по сырью.

Крыленко. А конкретно вам неизвестно?

Кирпотенко. Я вообще с сырьем дела не имел.

Крыленко. Вам известно, что на Ситнине лежало вредительство в области закупки хлопка?

Кирпотенко. Поскольку он работал по хлопку, это было главное, но он принимал участие и в НТС и повсюду.

Крыленко. Он тоже был в НТС?

Кирпотенко. Конечно, он входил в НТС хлопчатобумажной промышленности.

Крыленко. Во всяком случае, он не выделялся в вашей группе как «агнец» своего рода?

Кирпотенко. Думаю, что нет.

Крыленко. И какое было вообще о нем мнение?

Кирпотенко. Среди кого?

Крыленко. В вашей вредительской среде.

Кирпотенко. Как, о чем?

Крыленко. Активный он вредитель или нет?

Кирпотенко. Я расскажу. Это было в июне 1928 года. Ко мне пришли Куприянов с Кольцовым разговаривать о том, что по сведениям, которые идут из «Торгпрома», там недовольны деятельностью Федотова, не видят реальных результатов вредительства и говорили о том, что надо поговорить с Ситниным, не возьмется ли он руководить вредительской организацией в хлопчатобумажной промышленности?

Крыленко. С Куприяновым был разговор?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Почему Ситнина выдвигали на эту позицию?

Кирпотенко. Потому что он часто бывал за границей, потому что он значительно моложе, достаточно энергичный человек и вообще в среде промышленников был видным лицом с авторитетом.

Председатель. Подсудимый Куприянов. (Подходит).

ОЧНАЯ СТАВКА.

Крыленко. Гражданин Куприянов, вы этот факт помните, о котором рассказывает Кирпотенко?

Подсудимый Куприянов. Такой разговор был, но в несколько другой редакции.

Крыленко. Пожалуйста, вашу редакцию.

Подсудимый Куприянов. Разговор был между Кольцовым, Кирпотенко и мною.

Крыленко. О чем вы говорили?

Подсудимый Куприянов. Я услыхал от Кирпотенко, что есть сведения, что после возвращения со свидания с Карповым, работой группы недовольны, что вредительства мало и что будет, вероятно, сменен руководитель. Я услышал, что в виде предположения, так как Ситнин тоже был за границей, есть слух что он договорился по этому поводу. Такой разговор у нас был. Дальше был разговор, что Федотову это неизвестно. Дальше этого разговора ничего не пошло.

Крыленко. Мне важен самый факт разговора. Кирпотенко начал этот разговор, или вы начали?

Подсудимый Куприянов. Это не важно. Такой разговор происходил.

Крыленко. Тогда надо сделать, чтобы ответы были одинаковы. Гражданин Кирпотенко, вы настаиваете на своей версии?

Кирпотенко. Настаиваю на том, что пришел Куприянов с Кольцовым, и мы разговаривали на эту тему.

Подсудимый Куприянов. Да, нас было трое.

Крыленко. Кольцов, Кирпотенко и Куприянов—ясно, что вас было трое.

Подсудимый Куприянов. Дело в том, что меня в Москве не было, и я Ситнина не видел. Я вынес впечатление, что Кирпотенко слышал это от своих сотрудников, которые стояли близко к Ситнину.

Крыленко. От Ситнина вы это не слышали, гражданин Кирпотенко?

Кирпотенко. С Ситниным мы разговаривали после этого.

Крыленко. Кто разговаривал?

Кирпотенко. Я.

Крыленко. Ситнин соглашался?

Кирпотенко. Прямого разговора не было, но он к этому относился благосклонно. Я так и передал Сергею Викторовичу. (Куприянову).

Председатель. Гражданин Ситнин

Крыленко. Гражданин Ситнин, вы этот разговор помните?

Подсудимый Ситнин. Я помню, что Кирпотенко со мной говорил на эту тему, но относительно того, что я благосклонно к этому относился—это неправда, так как заменить Федотова совершенно не мог. Если бы шла речь о замене мною Куприянова, это я мог бы. Но Федотов же идеолог, человек с широким образованием, всесторонним и не только экономическим, и пользуется весьма большим авторитетом. Меня же «ЦК» и не знал, я—чисто текстильщик.

Крыленко. Речь идет в пределах текстильной группы.

Подсудимый Ситнин. Ведь Федотов был член «ЦК» и представитель текстильной группы там. Я говорю, что если бы шел разговор о замене Куприянова мною, это было бы понятно.

Председатель. Подсудимый Ситнин, скажите нам короче—разговор с Кирпотенко был на эту тему?

Подсудимый Ситнин. Да.

Председатель. Что же говорил Кирпотенко?

Подсудимый Ситнин. Кирпотенко говорил мне, что по разговору, который он имел с Куприяновым, они думают, что было бы рационально заменить Федотова человеком более молодым.

Председатель. Значит, разговор Кирпотенко с вами о том, что целесообразно заменить Федотова более молодым, был?

Подсудимый Ситнин. Да.

Председатель. В этой части показания сходятся. Кого он называл в качестве более молодого человека?

Подсудимый Ситнин. Он намекал, что это более подходит ко мне.

Председатель. Что он называл вашу кандидатуру—это также подтверждается?

Подсудимый Ситнин. Да. Я отнесся к этому с улыбкой, как к совершенно невероятному предложению, совершенно не отвечающему возможностям.

Председатель. Вы это приняли несерьезно?

Подсудимый Ситнин. Да.

Председатель. Кирпотенко, так это было?

Кирпотенко. Так было, но я понял иначе. Ксенофонт Васильевич (Ситнин) к этому времени был связан с «Торгпромом», за границей бывал часто...

Председатель. Откуда вы знаете, что у него была связь с «Торгпромом»?

Кирпотенко. Он приехал из-за границы и говорил всей группе о разговоре с Коноваловым. Поэтому я эту улыбку понял наоборот. Куприянову так и рассказал, что Ситнин на это дело пойдет. К этому у меня еще было одно соображение.

Председатель. Куприянов, вы припоминаете, что Кирпотенко говорил вам о том, что Ситнин на это пойдет?

Подсудимый Куприянов. Да.

Председатель. Ваш разговор Кирпотенко понял так, что вы даете согласие, и сообщил об этом Куприянову. Такова картина. Вы это отрицаете?

Подсудимый Ситнин. Да, но поскольку дальнейших шагов из этого не последовало...

Председатель. Это другое дело, какие шаги были в дальнейшем. Потом мы это увидим, а сейчас хотим проверить: разговор Кирпотенко с вами был о замене Федотова более молодым человеком?

Подсудимый Ситнин. Да.

Председатель. Этим молодым человеком намечали вас?

Подсудимый Ситнин. Да.

Председатель. И третье, о чем Кирпотенко говорил Куприянову, что вы, по всей видимости, согласитесь. Вы это отрицаете?

Подсудимый Ситнин. Да.

Председатель. Подсудимый Куприянов, такой разговор был?

Подсудимый Куприянов. Был.

Крыленко. По мнению Куприянова и Кирпотенко, которые об этом говорили, на Ситнина было намечено возложение этой обязанности потому, что он был моложе. Или потому, что он был достаточно активным членом вредительской группы?

Кирпотенко. У меня было еще такое соображение, что Ситнин в официальных недрах—и в синдикате и в «Текстильимпорте»—пользовался особым авторитетом, как более советски настроенный работник, что если бы он был возглавляющим, он бы давал конфиденциальность этому делу.

Председатель. (Ситнину). Как вы относитесь к тому, что вас рассматривали более советски настроенным человеком?

Подсудимый Ситнин. Я пользовался большим доверием в среде партийных товарищей.

Председатель. Вы пользовались среди партийцев большим доверием, и это учитывалось вашими товарищами по вредительской организации?

Подсудимый Ситнин. Может, быть, я не знаю.

Председатель. Больше вопросов нет?

ЗАЩИТА ОПРАШИВАЕТ КИРПОТЕНКО.

Защитник Оцеп. Позвольте мне спросить Кирпотенко.

Председатель. К подсудимым Ситнину или Куприянову вопросов нет?

Оцеп. Может быть, будут, в зависимости от ответов Кирпотенко. Насколько я понял Кирпотенко, Ситнин прямого согласия на замену Федотова не дал в том разговоре, который у них был?

Кирпотенко. Я, кажется, и говорил так, что у меня получилось впечатление, что Ситнин на это дело пойдет. Я пришел к Куприянову и ему так сказал, что у меня впечатление, что Ситнин на это согласен и пойдет.

Оцеп. Меня интересует не ваше впечатление, а, если вы припомните, словесный ответ. Я ведь буду проводить различие между суб'ективным впечатлением и памятью о тех словах, которые сказал Ситнин. Помните ли вы его тот или иной конкретный ответ или не помните?

Кирпотенко. Ответ Ситнина был тот, что он на мое предложение улыбнулся, и я тов. председателю сказал, что его улыбку я принял за согласие. Во всяком случае, этот разговор был не решающим. Меня Куприянов просил переговорить с Ситниным, чтобы я выяснил этот вопрос.

Оцеп. Следовательно, вопрос о толковании улыбки. Ситнин говорит суду одно, вы говорите другое.

Кирпотенко. Возможно.

Оцеп. Теперь второй и последний вопрос: вы удостоверяете вместе с Ситниным, что среди советских ответственных работников он пользовался большим авторитетом, большим доверием. Это ваше личное убеждение и представление, что именно в силу этого он окажется более годным заместителем Федотова, или в разговоре Ситнин козырнул доверием партийных и советских работников?

Кирпотенко. Я, кажется, уже сказал, что мое личное добавочное соображение было именно такое.

Подсудимый Ситнин. У меня вопрос к Кирпотенко.

Председатель. Пожалуйста.

Подсудимый Ситнин. Он сказал, что я часто ездил за границу. Не может ли Алексей Александрович сказать, когда я ездил за границу и сколько раз?

Кирпотенко. Не знаю, но впечатление—что вы часто ездили за границу (Ситнин. Впечатление?). Да, а точно я не знаю.

Председатель. (к Ситнину). Есть вопросы?

Подсудимый Ситнин. Нет.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ НОЛЬДЕ.

Председатель. Тов. комендант, свидетель Кирпотенко может быть освобожден от пребывания в зале. Пригласите свидетеля Нольде.

(Вводят свидетеля Нольде).

Гр-н Нольде?

Нольде. Да.

Председатель. Ваше имя и отчество?

Нольде. Александр Александрович.

Председатель. Вы приглашены в качестве свидетеля по делу ЦК «Промпартии». Согласно закона, я вас должен предупредить, что вы обязаны показывать правду и что ложные показания могут вас подвергнуть судебной ответственности.

Тов. прокурор, угодно ли пред'явить вопросы?

Крыленко. О вредительской организации «Промпартии» вам известно было?

Нольде. Да.

Крыленко. Вы с какого времени, приблизительно, узнали о ее существовании?

Нольде. С 1925—26 года.

Крыленко. Имели прямую тесную связь с этой организацией?

Нольде. Да, я состоял членом этой организации с этого времени.

Крыленко. Кто возглавлял или какая была руководящая группа в этой организации по текстилю?

Нольде. Возглавлял эту организацию инженер Лопатин. Затем она разделялась на группы по волокнам, при чем во главе этих отдельных групп стояли следующие лица: по хлопчатобумажной—Федотов, Куприянов, по шерстяной—Ставровский и Воронов; по льняной—я лично и инженер Антин.

Крыленко. Эта вредительская работа в своем развитии имела ряд этапов?

Нольде. Да, имела ряд этапов. Первоначально в период от 1925 до 1928 года она носила более узкий характер, здесь ограничивались только местным вредительством, своими собственными силами, имели более узкие цели. В 1928 году она более заметно подпала под влияние заграничных организаций и в частности тех промышленников и тех сил, которые эти заграничные организации стали направлять. Текстильная организация также должна была усилить свою вредительскую деятельность и придать тот характер и направление, которое требовали заграничные организации и руководящие иностранные силы.

Крыленко. Меня интересует характеристика методов в частности, в льняной промышленности в первый период и характеристика методов в льняной промышленности во второй период.

«ПО СОГЛАСОВАНИЮ С ЗАГРАНИЧНЫМИ КРУГАМИ».

Нольде. В первый период была основная установка, которая была дана инженером Лопатиным по согласованию с заграничными организациями в направлении роста всей текстильной промышленности. Эта основная установка сводится к двум положениям: во-первых, чтобы по возможности задерживать вообще рост текстильной промышленности и для этого использовать метод более дорогого строительства, затрачивать больше средств. Затем удлинение и удорожание сроков строительства, задержка текстильного машиностроения, которое могло бы обеспечивать дальнейшее развитие текстильной промышленности, независимо от заграничного рынка.

И вторая установка была на развитие тех отраслей промышленности, которые, главным образом или почти исключительно, были связаны с заграничными фирмами.

Эта установка была дана нам, всей нашей текстильной организации, инженером Лопатиным, как он говорил, по согласованию с заграничными кругами.

Крыленко. Какими?

Нольде. Эмигрантскими организациями, в частности «Торгпромом».

Крыленко. Бывшими промышленниками льняной промышленности или вообще?

Нольде. Вообще, и эта установка была дана для всей текстильной промышленности. Прежде всего развивать хлопчатобумажную промышленность, затем из суконной — камвольную и тонкосуконную как связанную с импортным сырьем, затем джутовую, задерживая в то же время льняную и пеньковую, которые работали на собственном сырье.

Это должно было, во-первых, установить постоянную связь с заграницей и постоянную зависимость от заграницы и, во-вторых, в случае каких-нибудь затруднений, поскольку наша текстильная промышленность и вообще все народное хозяйство ставились под угрозу неполучения сырья, была дана такая основная установка для текстильной промышленности. Исходя из этой установки составлялись годовые планы, пятилетние планы. В текстильной промышленности льняная и пеньковая оставалась на заднем плане, они получали минимальные лимиты.

Крыленко. Это повлияло на задержку развития этих отраслей промышленности?

Нольде. Да.

Крыленко. А конкретно?

Нольде. В области планов — делалось ударение на хлопчатобумажную, тонкосуконную и т. д., а в области непосредственно производственной была слабо намечена установка на плохое использование сырья, т.-е. вернее, не на плохое использование, а установка на то, чтобы не бороться за лучшее использование сырья, что можно было бы несомненно сделать и что, конечно, и теоретически и практически представлялось тогда же возможным и представляется возможным в условиях работы наших теперешних фабрик.

Крыленко. Плохое использование льняного сырья?

Нольде. Это не была установка на плохое использование, но была установка обратная — не стремиться к тому, чтобы то сырье, которое есть, использовать лучше. В частности, у нас имеется возможность использовать в случае недостатка льна определенные сорта пеньки. Эта работа у нас совершенно не ставилась, затемнялась, в то время как практически мы могли бы ее также осуществить и в случае недостатка льна — давать пеньку. Мы этого не использовали.

Крыленко. А в области машиностроения?

Нольде. В области машиностроения—я его мало знаю, но, насколько мне известно, у нас просто задерживались все работы по выработке стандартов машин с тем, что установка наилучших типов по подготовке заводов — или, вернее сказать, не было достаточно настойчивости проявлено в том, чтобы ленинградские заводы, которые начали уже работать частично, или пробовали работать при бумагопрядильной промышленности на определенных машинах, то же самое сделали бы в отношении льняной и пеньковой, хотя в отношении последних двух это было бы легче оборудовать, чем в отношении шерстяной и хлопчатобумажной.

Крыленко. Чем легче?

Нольде. В смысле самого оборудования станками, что ли, для производства, а главное, в смысле типов машин, которые там проще, так сказать, грубее, и, следовательно, требовалось бы меньше усилий конструктивных и затем в смысле получения необходимого сырья.

Крыленко. А вообще у нас в промышленности, в текстильной или в той отрасли, в которой вы работали, техническое оборудование машинами—оно стоит технически на такой высоте, что его можно было еще улучшить?

Нольде. Улучшить, конечно, можно.

Крыленко. В пределах тех средств, которыми располагали соответствующие организации?

Нольде. Можно было использовать и в большей степени для всех фабрик.

Крыленко. Вам неизвестно по вопросу о споре, который существовал относительно использования английских и американских машин?

Нольде. Этого я не знаю.

Крыленко. Вы конкретно сказали относительно первого периода. А во втором периоде? Тут вредительство в какой плоскости шло—оно видоизменялось как-нибудь?

ПОДГОТОВКА КРИЗИСОВ.

Нольде. Во второй период главное усилие было направлено уже не на задержку только промышленности, но на создание в ней кризисов, которые могли бы вызвать уже более крупные технические затруднения в развитии этой отрасли промышленности и вообще в связанных с ней других отраслях народного хозяйства. В чем это выражалось? Прежде всего в составлении преувеличенных планов пятилетних и годовых. В частности, по нашей льняной промышленности намечалось направление этой пятилетки, которую мне пришлось видеть, но о которой я не знаю—была ли она официально утверждена всеми инстанциями, — она предусматривала развитие льняной промышленности в течение 2 или 2½ лет на 100 проц.— вещь совершенно невозможная ни при каких условиях, ни по техническим условиям, ни по подготовке рабсилы, ни в смысле строительства, насколько я с этим вопросом знаком.

Крыленко. Ну, план такой составлен. А в чем тут подготовка кризиса?

Нольде. Соответственно с этим, когда его надо было бы осуществлять—этот план, то оказалось бы, что расчет на увеличение этой промышленности, в частности льняных фабрик, не оправдался бы, т. к. он был раздут в два раза. Это несомненно бы произошло.

Крыленко. Из-за недостатка сырья?

Нольде. Несомненно. Затем второе—это сырьевая проблема. Несмотря на очень значительное развитие за эти годы льноводства и коноплеводства, все-таки эти отрасли, конечно, не могли бы дать такого увеличения производства сырья, какое намечалось этим планом развития, а именно на 100 проц. в течение 2 лет. Этого промышленность никогда бы не могла дать.

Крыленко. И соответствующее строительство предполагалось осуществить?

Нольде. Тогда намечалось следующее: составлен был соответствующий сырьевой план и примерно в течение 5 лет намечалось увеличить производство сырья с имеющихся 20 млн. до 90 млн. пудов. Этот план был составлен Наркомземом и проведен через Наркомзем РСФСР, при чем через Наркомзем СССР был проведен еще более увеличенный план. Таким образом, шло увеличение промышленности на 100 проц.

Крыленко. Это тоже должно было опираться на какую-нибудь вредительскую организацию?

Нольде. План был составлен Льноцентром, и там были лица, которые принадлежали к вредительской организации.

Крыленко. Таким образом, мы получили бы увязку некоторых средств в строительстве. Но в чем же был бы кризис?

Нольде. Кризис был бы в том, что все снабжение рынка рассчитывалось на производство не 400 тысяч веретен, а 800 тыс. веретен, а на самом деле этого бы не было, и получился бы прорыв в количестве тканей для снабжения некоторых групп населения или для технических целей.

Крыленко. А, может быть, это увязано не только со снабжением некоторых групп населения, а и со снабжением военных частей?

Нольде. В отношении ассортимента товара, который вырабатывался или который предполагалось выработать, я боюсь что-либо сказать, ибо я не видел последнего плана, который был связан с преувеличенным производством. Да он, может быть, и не был составлен, потому что эта пятилетка не была окончательно утверждена, и ВТС, может быть, не составлял этого плана. Но возможно, что если бы намечалось увеличение снабжения Красной армии по плану и выявилась бы невозможность построить эти фабрики, то оказался бы недостаток в 2-ой группе тканей, которые потребляет военное ведомство.

Крыленко. В вашей отрасли промышленности вопросы капитального строительства стояли?

Нольде. В этот период?

Крыленко. Да.

Нольде. Намечалось увеличение на 100 проц.

Крыленко. Вам известно относительно вредительства, которое осуществлялось по вопросам техники капитального строительства?

Нольде. Мне была известна общая установка, которая проводилась по всем текстильным организациям. Она выражалась в том, чтобы строить крупные фабрики, гораздо большие, чем требовалось по конструкции машин или по тем нормам, которые должны пред'являться в наших условиях с точки зрения гигиены труда, в смысле высоты помещения, площади освещения и т. д. Все это намечалось и проводилось в преувеличенных размерах, что вызвало соответствующую дороговизну.

Крыленко. Через кого это проводилось?

Нольде. Нормы шли через Технический совет.

Крыленко. А там были вредители?

Нольде. Да.

Крыленко. Вы их знаете?

Нольде. Там были представители [illegible] го отдела, которые защищали нам проекты этого отдела и, с другой стороны, давали нам эти нормы.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 7-Й СТР.

ПОСКОЛЬЗНУВШИЙСЯ ЛАКЕЙ.

Рис. Ю. ГАНФА.

НЕСЧАСТЬЕ С ЛЮБИМЫМ БЛЮДОМ.

АГЕНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И „ТОРГПРОМА“ ПЕРЕД ПРОЛЕТАРСКИМ СУДОМ.

ДЕЛО „ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАРТИИ“.

Крыленко. А из других организаций, вот Ной, Сироцинский там был?

Нольде. Не знаю.

Крыленко. А Кузнецов?

Нольде. Мне с этой частью не приходилось сталкиваться. На мне лежала больше [illegible] частью, и с вопросами технического характера я знакомился только тогда, когда они возникали на заседаниях, когда делались соответствующие замечания.

Крыленко. А от вашей отрасли промышленности?

Нольде. В текстильный совет при рассмотрении наших проектов входили представители нашей промышленности, члены нашей вредительской организации.

Крыленко. Кто?

Нольде. Ангин и, кажется, Карташов, но боюсь твердо сказать.

ЗАГРАНИЧНЫЕ СВЯЗИ.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, более конкретно, что вам известно об этих заграничных группах, какие именно [illegible] методы связи с ними и через кого?

Нольде. Мне известно, что главной организацией, которая занималась этим, была организация бывших промышленников и торговцев в Париже—так называемый «Торгпром». Кроме того, была какая-то организация в Лондоне, в которую тоже входили некоторые наши бывшие [illegible], но я думаю, что в последнее время эта организация не существовала.

Крыленко. А вам известно, кто именно ездил туда, кто виделся, кто встречался?

Нольде. Много инженеров, в частности из хлопчатобумажной и льняной группы. Из хлопчатобумажной группы ездили инженеры Федотов, Ситнин и, кажется, Куприянов. Из льняной группы ездили Ангин, Зубчанинов и затем инженер Штуцер.

Крыленко. Вот этот Штуцер—кто?

Нольде. Это один из прежних наших инженеров, которые после революции работали, главным образом, по заготовке льна. Они служили в акционерном обществе «Льноэкспорт», которое вело заготовки льна для экспорта или для внутренних фабрик.

Крыленко. Он был вредителем?

Нольде. Да, он участвовал, но менее, он был уже старый, ему, видимо, хотелось уехать за границу, и он вел себя очень осторожно, но его считали своим человеком.

Крыленко. Вы в переписке с ним состояли?

Нольде. Я лично получал письмо в конце 1928 года.

Крыленко. О чем он писал?

Нольде. Он подтверждал, что он давал [illegible] Ангину и Зубчанинову обо всем, что касается новой установки и, затем, писал частично по вопросу интервенции, писал очень глухо, что подготовка ведется и к концу 1929 года примет реальную форму, и что к этому текстильной организации нужно [illegible] что говорил приезжавший в начале лета его помощник Лазаркевич.

Крыленко. А Лазаркевич приезжал оттуда?

Нольде. Да, он рассказывал относительно подготовки к интервенции, рассказывал, что ведутся какие-то переговоры, довольно серьезные со стороны наших белогвардейских организаций с правительственными кругами Франции и что дело это имеет более серьезный характер, чем прежние разговоры об интервенции. Он говорил со слов Штуцера.

Крыленко. В каком году это было?

Нольде. Это было в начале лета 1928 года—в апреле или мае.

Крыленко. В первой половине 1928 г.?

Нольде. Да.

Крыленко. И этот Лазаркевич конкретно говорил, что он привез директиву?

Нольде. Нет, он никакой директивы не привез, только сказал, что приблизительно с этого времени, т. е. с начала 1928 г., ведутся переговоры о том, чтобы объединить все направление вредительской работы в «Торгпроме», что «Торгпром» будет связываться с нашей центральной организацией, которая будет давать директивы по всем отраслям промышленности.

Крыленко. А в вашей центральной организации был Федотов?

Нольде. Нет, его не было в центральной организации, которая ведала всеми отраслями промышленности.

Крыленко. А по текстилю?

Нольде. По текстилю был Федотов.

Крыленко. В то время Федотов принимал активное участие?

Нольде. Да, я считал его руководителем льняной группы. В отделе считался я и для связи—тоже я.

Крыленко. Ваша группа спускалась вниз на периферию или только до определенной грани?

Нольде. Она имела своих представителей в Научно-технич. совете, в Научно-исследов. институте и в заготовительных организациях, которые заготовляли лен как для экспорта, так и для внутреннего употребления.

Крыленко. В планирующих организациях?

Нольде. В центральных московских.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ВРЕДИТЕЛЬСТВА.

Крыленко. Финансирование шло по этой линии?

Нольде. По общей текст. промышленности, частично за счет отчислений, которые делались от продажи льна заграничным фирмам.

Крыленко. Эти отчисления, которые делались от продажи льна заграничным фирмам, они поступали в централизованном порядке через группу Федотова или соответствующий аппарат «Промпартии», или шли непосредственно в нашу экспортную организацию?

Нольде. Они шли так и так. Сначала поступали непосредственно в экспортную организацию и затем попадали через меня в промышленную и сырьевую группы. Затем в последнее время стали получать централизованно от Штуцера.

Крыленко. А через Ларичева не шли?

Нольде. Нет, когда был Лазаркевич, он говорил, что деньги будут идти в централизованном порядке от «Промпартии» по отраслевым организациям. Мы в последний раз получили большую сумму денег и при распределении денег из центра мы ничего не получили.

Крыленко. Почему?

Нольде. Потому что мы получили в 1928 г. 40 тыс. руб. и нам сказали, что этого с вас будет достаточно и на 1929 год. Поэтому нам больше не дали.

Крыленко. Это непосредственно в льняную вредительскую организацию?

Нольде. В льняную.

Крыленко. Кто конкретно вел переговоры с покупателями льна?

Нольде. Штуцер. Первоначально вел переговоры инженер Суздальцев, который был за границей, а в 1926 г.—Штуцер.

Крыленко. Традиция получения отчислений от продажи льна заграничным фирмам была еще с 1924 года?

Нольде. Она была частично в 1924 г., но отчисления определенного характера начались с 1926 г.

Крыленко. Тогда вам давали время от времени, а теперь стали давать систематически?

Нольде. Да.

Крыленко. Теперь относительно установок в области льнопромышленности. Вы говорите, что льнопромышленность держалась в загоне по соображениям зависимости от иностранного хлопка?

Нольде. Да, и в зависимости от осложнения внешнего характера. Тогда хлопчатобумажная промышленность оставалась бы без сырья, но другу так же, а на нем строилось все многолюдное производство, и льнопромышленность оставалась в тех же размерах потому, что расширить не могли, т. к. работали уже в две—три смены.

Крыленко. По поводу этих связей за границей, в частности с торгово-промышленными и с правительственными сферами или с правящими кругами французской буржуазии,—в этой области вам были известны пути, через которые проходили связи? Тут упоминались некие имена в виде госп. К. и госп. Р.

Нольде. Здесь в Москве.

Председатель. Я вас должен предупредить, что если имеете в виду называть какие-либо учреждения иностранных государств, находящиеся на территории Союза, или лиц, работающих в этих учреждениях, то полные имена называть нельзя.

Крыленко. Вам ничего не было известно?

Нольде. Когда Лазаркевич приезжал в 1928 г., то, уезжая, сказал, что здесь установлена связь как раз с этим гр-ном К..., при чем он сказал, что если понадобится посылать письма, материалы или еще что-нибудь, можно будет направлять их на имя этого гражданина для Суздальцева.

Крыленко. Почему для Суздальцева?

Нольде. Потому что он больше всего знал.

Он прислал действительно одно письмо Штуцеру и тот принес его мне, потому что оно относилось ко мне. Второе письмо было прислано мне непосредственно от этого гражданина. Принес его посланный.

Крыленко. Вам лично?

Нольде. Да. Со ссылкой на этого человека.

Крыленко. И вы его отправили?

Нольде. Я письмо получил, там же написано было карандашом, что оно ко мне. Это было письмо от Лазаркевича.

Крыленко. Письмо от Лазаркевича, пересланное через это лицо?

Нольде. Да.

Крыленко. А не то, что вы сами служили передаточным пунктом от К...?

Нольде. Нет, нет.

Крыленко. Это разница. Один раз был такой случай?

Нольде. Один раз. Это было в конце, примерно, осенью 1929 г.

Крыленко. Еще о каких связях вам известно по заседаниям или, вернее, совещаниям текстильной группы, которые у вас происходили? Вам рассказывали о результатах поездки, скажем, подсудимый Федотов и что он вам рассказывал?

Нольде. Мы два раза слушали его рассказ. В первый раз о его личной поездке, когда он ездил в 1928 г., и во второй раз он передал нам результаты, вернее, не результаты, а суть сообщения проф. Рамзина, которое, кажется, он делал ему в центральной организации и которое нам было передано в нашей небольшой группе.

Крыленко. И еще—это будет последний вопрос из этой серии—в конце уже, в последний период у вас было распределение конкретных заданий вашей группе, заданий, связанных с вопросами подготовки интервенции?

Нольде. В нашей льняной группе? Нет, конкретных точных заданий не было, потому что большая часть этих заданий, видимо, шла через синдикат, через льняной отдел, а затем попадала, соответственно, уже к льнянщикам.

Крыленко. Я говорю о вопросах, связанных с интервенцией, а не только о подготовке общего кризиса. Я говорю о конкретной помощи интервенции.

Нольде. Только были разговоры об этом и о том, что каждая организация должна обдумать эти вопросы и наметить те меры, которые могла бы принять, но так как в нашей отрасли специальных мер каких-нибудь принять нельзя...

Крыленко. ... например, палаточное производство к вам имело отношение?

Нольде. Я боюсь сейчас сказать, какое полотно, льняное или бумажное будет использоваться для палаток. В ту войну было бумажное полотно.

Крыленко. Я тоже не знаю, я не специалист.

Нольде. Я боюсь сказать. Если оно вырабатывалось у нас,—это должно было так или иначе отразиться.

Крыленко. Вы конкретных заданий по вашей группе не получали?

Нольде. Конкретных совсем не получал.

Крыленко. Только общие задания по подготовке?

Нольде. Да, как и для всех.

Крыленко. У меня пока по этой отрасли вопросов нет.

Председатель. У защиты имеются вопросы? (Нет).

У подсудимых есть вопросы к свидетелю Нольде? (Нет).

Тов. комендант, свидетель Нольде может быть уведен. (Нольде уводят).

Крыленко. Можно в связи с вопросами, которые задавались свидетелю, задать несколько вопросов Рамзину?

Председатель. Пожалуйста. Подсудимый Рамзин. (Рамзин подходит).

Крыленко. Подсудимый Рамзин, вам что-нибудь было известно о связи центральной организации «Промпартия» с вредительством по линии Техсовета и строительства, в частности фабрик текстильной промышленности, например, о Сироцинском?

Подсудимый Рамзин. Я лично с этой группой сам связи не имел и сведений по этому поводу тоже не имел.

Крыленко. Не знали и о Кузнецове, Клевезале?

Подсудимый Рамзин. Нет, нет. Возможно, что здесь связи были по линии госплановской организации, потому что строительная организация в Госплане была, но я лично об этих связях совершенно не могу сказать.

Крыленко. Значит вы не знали о связях, которые могли быть, в частности, в связи с вопросами подготовки интервенции,—по строительству фабрик?

Подсудимый Рамзин. Нет, по строительству фабрик я не знал ничего.

Крыленко. Имена Ноя, Клевезаль, Сироцинский вам не были известны?

Подсудимый Рамзин. Я только хотел в связи с этим сделать возражение против сообщения Федотова. Он, повидимому, забыл, указав на меня, как на лицо, через которое была передана директива относительно постройки фабрик в Белоруссии. Я об этой директиве узнал только из материалов следствия, а до этого ничего не знал.

ПОДСУДИМЫЙ ФЕДОТОВ ВЫНУЖДЕН СДАТЬ СВОИ ПОЗИЦИИ.

Крыленко (к Федотову). Вам известно что-нибудь относительно Клевезаля, Кузнецова, Сироцинского?

Подсудимый Федотов. Нет, я знал, что наши проекты проходят через Техсовет, и что Кирпотенко и Кольцов пользуются там определенным влиянием. Но Техсовет—организация очень широкая, и мы там принимали участие только тогда, когда там проходили наши проекты. Нужно обратить внимание на то, что наши проекты проходили только до 1921 года, потому что в 1928 году стройки прекратились, так что связь с Техсоветом была нарушена. Я не знаю, насколько Кольцов и Кирпотенко бывали там в 1928 и 1929 гг.

Крыленко. Кирпотенко определенным образом говорил относительно Сироцинского и его вредительской работы в области строительства,

Подсудимый Федотов. Я слышал. Мне это известно не было. Я слышал, что Сироцинский—член вредительской организации. Это я узнал от Кирпотенко и от Кольцова.

Крыленко. Вы знали, что Кольцов—член вредительской организации?

Подсудимый Федотов. Это я знал, он был членом с самого начала.

Крыленко. По какой отрасли?

Подсудимый Федотов. По строительству.

Крыленко. От Кольцова вы узнали о Сироцинском?

Подсудимый Федотов. Да.

Крыленко. Теперь мы выяснили, что эти «[illegible]» проекты в 9 метров являлись вредительскими, разработанными в недрах Наркомтруда.

Подсудимый Федотов. Я не знал, что Сироцинский служил когда-либо в Наркомтруде. Я услышал о Сироцинском тогда, когда его, по выписанию Кирпотенко, перемещали в Технический совет. А мое впечатление было такое, что все нормы были выработаны теоретически, главным образом, с точки зрения врачебной санитарии. Я не знал, что они вредительского характера. Я думал, что они вредительского характера постольку, поскольку всякого рода теоретические подходы дают нормы, которые в конце концов являются вредительскими.

Крыленко. Так что вы о сознательной вредительской работе Наркомтруда в этом отношении не знали?

Подсудимый Федотов. Нет.

Крыленко. А со времени вступления Сироцинского в Техсовет знали, что он вредитель?

Подсудимый Федотов. Да.

Крыленко. А Кольцова как вредителя вы знали давно?

Подсудимый Федотов. Он вошел в основную группу в 1925 году.

Крыленко. А Кольцов не работал в Наркомтруде?

Подсудимый Федотов. Нет, он текстильщик.

Крыленко. Относительно того, что вообще существовала специальная отраслевая группа вредителей в области строителей, об этом вы тоже не знали?

Подсудимый Федотов. Нет.

Крыленко. Вот эта группа Клевезаль и другие?

Подсудимый Федотов. Я слышал. Я не знал только точно. Я полагал, что мы имели через Кольцова и Кирпотенко влияние на эту группу и что там давали деньги для этих целей.

Крыленко. Это вы знали от кого?

Подсудимый Федотов. От Кольцова.

Крыленко. Значит вы знали, что в Техническом совете в строительной отрасли есть вредительская группа—от Кольцова?

Подсудимый Федотов. Я знал о Сироцинском.

Крыленко. О Сироцинском вы знали, и что деньги получали, вы знали?

Подсудимый Федотов. Да.

Крыленко. Значит вы продолжаете утверждать, что о наличии специально вредительской организации из поименованных мною имен, названных уже дважды—Клевезаль, Ноя, Сироцинский, Кузнецов,—вы не знали?

Подсудимый Федотов. Я не слышал ничего о Ноя, но я слышал о том, что кажется Клевезаль и Кузнецов также принадлежат к вредительской организации.

Крыленко. А связи с ними вы не имели?

Подсудимый Федотов. Мы с ними связи не имели.

Крыленко. И вы лично не имели?

[illegible] случае не имел, потому что это шло по другой линии.

Крыленко. Хорошо. Скажите, мы вернемся к спору, который у вас был до перерыва, вы будете продолжать утверждать, что была точка зрения на необходимость постройки фабрик-дворцов [illegible] рудования английского типа, а также выступление в печати Державина и ваше,—что это не было согласованными вредительскими действиями?

Подсудимый Федотов. Как же так? Я все время говорил, что это есть, что с точки зрения... Простите, я же сразу сказал, что это была директива нашей группы.

Крыленко. Это вы говорите по вопросу о больших дворцах, а мы с вами спорили по вопросу о машинах.

Подсудимый Федотов. И о машинах то же самое я говорил, что вопрос может быть спорный теоретически...

Крыленко. Я ставлю только в связь установленное.

Подсудимый Федотов. Я признаю, что это было вредительское дело.

Крыленко. И вы указывали, что одним из мотивов были те формы машиностроения [illegible]

Подсудимый Федотов. Да, да. Я сразу сказал, что это есть вредительство и в смысле постройки коробок и в смысле постройки и направления машиностроения.

Крыленко. У меня нет больше вопросов.

Подсудимый Федотов. Я удивлялся. Мы с вами конечно спорили, я думал, что это теоретический спор.

Крыленко. Я в вопросах теории не компетентен.

Подсудимый Федотов. Я в данном случае [illegible] что это вопрос только экономический.

Председатель. Подсудимый Федотов, вопрос шел о вашей статье, где вы защищали мысль о фабриках-дворцах. Вот этот вопрос ставился. И что же вы в конечном итоге по этому поводу можете сейчас сказать? Что вы эту статью писали, защищая мысль о фабриках-дворцах, под влиянием общей директивы?

Подсудимый Федотов. Под влиянием общей директивы, данной нам, во-первых, [illegible] вернее, из «Союза инженерных организаций», а затем это была мысль, которая еще раньше была разработана в нашей текстильной организации и была принята как руководство, так что я и Державин мы писали эти статьи по указке, под влиянием.

Председатель. Под влиянием определенных установок, данных во вредительских целях?

Подсудимый Федотов. Да.

Председатель. Так и надо понимать.

Подсудимый Федотов. Я дал следователю список статей, которые были написаны в этом направлении. Там эта статья имеется.

Председатель. Вопросов к подсудимому больше нет? Садитесь. Объявляется перерыв до 11 часов завтрашнего дня.

Утреннее заседание 2 декабря.

О ВРЕДИТЕЛЬСКОЙ ГРУППЕ В НАРКОМТРУДЕ.

Крыленко. Гр. Куприянов, я начну с сравнительно незначительного инцидента, который разбирался вчера относительно разговора с Кирпотенко и относительно кандидатуры Ситнина. Вы полагаете или утверждаете, что инициатива этого разговора исходила от Кирпотенко?

Подсудимый Куприянов. Да, мне помнится, что ко мне пришел Кольцов, и мы пошли к Кирпотенко. Тут он передал, как предположение, как слух, что намечается изменение в возглавлении нашей организации, что после возвращения из-за границы Федотова замечается недовольство его работой.

Крыленко. Это мы слышали. А вот относительно инициативы — вы утверждаете, что она исходила от Кирпотенко?

Подсудимый Куприянов. Это мне так кажется.

Крыленко. Вам и сейчас так кажется?

Подсудимый Куприянов. Такое впечатление у меня осталось. Нас было трое.

Крыленко. Вам всегда так казалось?

Подсудимый Куприянов. Да.

Крыленко. И так вы и раньше говорили по этому поводу?

Подсудимый Куприянов. Да.

Крыленко. Допустим. Скажите, пожалуйста, более точно, что вам известно относительно связи с торгово-промышленными сферами заграницы даже до образования группы Лопатина. Может быть, вы не знали в то время, а узнали кое о чем потом?

Подсудимый Куприянов. Я уже давал свои показания, что до 1924 г. меня в Москве не было. Поэтому могу передать то, что слышал после приезда в Москву в 1924 году?

Крыленко. Конечно.

Подсудимый Куприянов. Я слышал от Лопатина и других бывших членов правления «Т-ва Коновалова», главным образом от Авилова...

Крыленко. Я не хочу, чтобы вы рассказывали о том, что не могли знать до 1924 г. Но вы встречались после этого с Нольде, Лопатиным и другими лицами, и они могли вам сообщить о связях с другими лицами?

Подсудимый Куприянов. Я слышал.

Крыленко. От Суздальцева вы ничего не слышали?

Подсудимый Куприянов. Нет, я его до этого не знал. Он—льнянщик.

Крыленко. С какого времени вы его знаете?

Подсудимый Куприянов. Не встречался с ним до 1926 г.

Крыленко. А после 1926 г.?

Подсудимый Куприянов. После 1926 г. у нас с ним разговора чисто-вредительского характера не было. Он льнянщик, а я хлопчатобумажник.

Крыленко. О его связях вы не знаете?

Подсудимый Куприянов. Я слышал о его связях от Нольде и Ангина.

Крыленко. Какого характера были связи и с кем?

Подсудимый Куприянов. Он был связан со Штуцером. Потом он был представителем Льноцентра по экспорту льна, и у него были связи с Третьяковым и Рябушинским.

Крыленко. Какого характера были эти связи в те времена, если вам известно?

Подсудимый Куприянов. Я слышал, что, когда продавался экспортный товар, экспортный лен, то часть или один процент приблизительно от этой проданной суммы шел в пользу «Торгпрома», и через него деньги шли вредительской организации.

Крыленко. О распределении этих сумм до связи с «Торгпромом» и до распределения в централизованном порядке, о чем показывал Нольде, вам было известно?

Подсудимый Куприянов. Я знаю, что суммы были, но о распределении не знаю. Знаю, что эти суммы поступали к Нольде.

Крыленко. У вашей группы кто распределял деньги?

Подсудимый Куприянов. Федотов.

Крыленко. Это в последнее время, а раньше?

Подсудимый Куприянов. Лопатин.

Крыленко. А по хлопчатобумажной?

Подсудимый Куприянов. Нольде.

Крыленко. Вы что-нибудь по поводу Сироцинского знаете?

Подсудимый Куприянов. Знаю. По всей строительной части экспертизу и заключение давал технический совет, а в техническом совете, знаю, была такая ячейка, в которую входили и Сироцинский, и, как я слышал от Кирпотенко, Кольцов, который имел связь с Наркомтрудом и техническим советом. Сам Сироцинский участвовал в выработке тех правил и строительных норм, которые первоначально начали проводиться. Он был сначала в Наркомтруде у Кудрявцева, а потом, когда организовался технический совет, Клевезаль пригласил его к себе в технический совет.

Крыленко. О прямой связи этой группы Сироцинского с «Промпартией» вы не знали?

Подсудимый Куприянов. Я знал.

Крыленко. Через кого шла эта связь? Укажите точно связь группы Сироцинского, Клевезаля и других с вашей группой.

Подсудимый Куприянов. Кирпотенко, Нольде — с нашей стороны, а там были Клевезаль, Сироцинский и Кузнецов.

Крыленко. Хорошо. Вы назвали имена. Но с кем конкретно была эта связь вашей группы?

Подсудимый Куприянов. С Клевезалем и Кузнецовым главным образом.

Крыленко. Кто, например, говорил с Кузнецовым или Клевезалем?

Подсудимый Куприянов. С Клевезалем говорили Кирпотенко и Кольцов.

Крыленко. А потом об этом Кирпотенко передавал вам?

Подсудимый Куприянов. Да.

Крыленко. Значит, можно с ваших слов совершенно точно установить, что вредительская работа этих трех лиц—Клевезаля, Сироцинского и Кузнецова—связывалась с вашей работой через Кирпотенко и Кольцова?

Подсудимый Куприянов. Да.

Крыленко. Теперь мы подойдем очень внимательно к этому моменту, ибо он очень и очень важен. Значит, Кирпотенко и Кольцов установили связь вашей группы с группой Клевезаля, Кузнецова и Сироцинского? (**Куприянов:** Да). Какого характера эта связь была, на почве какой именно вредительской работы: только ли по строительству, только ли по выработке строительных проектов громадных фабрик, выработке обязательных постановлений Наркомтруда, задержке вообще проектов машиностроения, вредительству в высшем техническом совете или еще в какой-нибудь области?

Подсудимый Куприянов. Что касается нашей текстильной промышленности, то вредительство в ней выражалось только в этой части, потому что фабрики наши строились в Центральном районе, и больше никаких заданий тут не было, но я слышал, что в других отраслях промышленности было вредительство другого рода, т. е. там предусматривалась интервенция.

Крыленко. А именно?

Подсудимый Куприянов. Я слышал, что в лесной и, кажется, нефтяной промышленности строились такие помещения, создавались такие постройки, которые потом могли быть использованы для военных целей.

Крыленко. А именно?

Подсудимый Куприянов. Для аэропланов и для установки тяжелых орудий.

Крыленко. Откуда вам это было известно?

Подсудимый Куприянов. Это я слышал именно от Кирпотенко, а тот это слышал от Сироцинского. Сам я не был в техническом совете, никогда туда не ходил.

Крыленко. Я и не думаю, чтобы об этом разговаривали в техническом совете. Вы слышали от Кирпотенко и Сироцинского, что помимо вредительских целей в смысле затраты капитала вредительство осуществлялось еще в форме такой «своеобразной» постройки фабрик?

Подсудимый Куприянов. Да.

Крыленко. И не только фабрик?

Подсудимый Куприянов. Не только фабрик.

Крыленко. Вы это только слышали или вы это знали?

Подсудимый Куприянов. Нет, я это только слышал.

Крыленко. Значит, получается, что о вредительстве какого-то особого рода, которые проводились центром, вы только слышали?

Подсудимый Куприянов. Я в ЦК не участвовал.

Крыленко. Не стояли достаточно близко. Мы потом спросим и остальных. Значит вы только слышали?

Подсудимый Куприянов. Т. е. это не сложилось как факт.

Крыленко. А может быть—руководящий, немножко только слышал и знал как факт, но...

Подсудимый Куприянов. Раз по текстильной промышленности были задания построить фабрики на окраинах, чтобы потом в целях интервенции их использовать по тому назначению, по которому они могли быть использованы,—новое дело, что эта же директива была дана и по другим отраслям промышленности.

Крыленко. Ясно, на то он и руководящий центр.

Подсудимый Куприянов. Во исполнение этой директивы я слышал только о нефтяной и лесной.

Крыленко. Позвольте, вы слышали о текстильной, о лесной, о нефтяной?

Подсудимый Куприянов. Да.

Крыленко. Вы слышали о том или, как вы раньше сказали, вы знали о том, что там прорабатывались специальные вопросы вредительской работы, которая выражалась в постройке соответствующих сооружений, могущих пригодиться на случай интервенции?

Подсудимый Куприянов. Да.

Крыленко. Эту работу кто осуществлял?

Подсудимый Куприянов. Технический совет был в курсе всего, но велась отраслевая работа.

Крыленко. А в техническом совете кто? — Клевезаль, Кузнецов, Сироцинский, Кольцов и Кирпотенко?

Подсудимый Куприянов. Да, Кирпотенко от текстильной промышленности.

Крыленко. А ЦК «Промпартии» об этом знал?

Подсудимый Куприянов. Несомненно, если я знал, то знал и Федотов, как член ЦК, и через него знали и остальные.

Крыленко. Знали?

Подсудимый Куприянов. Я полагаю.

ВРЕДИТЕЛИ-ИРРИГАТОРЫ.

Крыленко. Мы потом спросим и остальных, а теперь пойдем дальше: скажите, пожалуйста,—это в области текстильной промышленности, а о работе Ризенкампфа вы не знали?

Подсудимый Куприянов. Слыхал.

Крыленко. А что вы слыхали?

Подсудимый Куприянов. Что он член ЦК, а затем,—что у него составлен преувеличенный план ирригационных работ.

Крыленко. Он был в руководящей группе?

Подсудимый Куприянов. Он, по-моему, входил в состав этой группы.

Крыленко. Это вам известно?

Подсудимый Куприянов. Я слыхал эту фамилию.

Крыленко. От кого?

Подсудимый Куприянов. Я слыхал и от Федотова и, думаю, что и от Рамзина.

Крыленко. Фамилию Кеннига тоже слышали?

Подсудимый Куприянов. Я в связи с Ризенкампфом слышал и фамилию Кеннига.

Крыленко. А про Цейдлера, Михайленко, Сварро слыхали?

Подсудимый Куприянов. Слышал, что это работники по ирригации.

Крыленко. Значит, вы слышали, что ведется задержка ирригационных работ?

Подсудимый Куприянов. Да, это в связи с текстильной промышленностью—ирригация хлопковых плантаций.

Крыленко. В связи с текстильной промышленностью—это еще интереснее,—значит, вы еще ближе стояли. Где эта ирригация проводилась?

Подсудимый Куприянов. В Средней Азии и на Кавказе.

Крыленко. Средняя Азия и Кавказ—это далеко от границы, а ближе к границе?

Подсудимый Куприянов. Не слыхал.

Крыленко. Значит, из того, что ближе к границе, вы знаете только о постройке фабрик?

Подсудимый Куприянов. Да, о постройке фабрик в Белоруссии, чтобы в случае интервенции эти фабрики выбыли из строя и могли быть употреблены как склады или как базы.

Крыленко. Следовательно, вам нужно было строить текстильные фабрики в границах Белоруссии на тот предмет, чтобы, во-первых, эти фабрики, как снабжающие фабрики, выбыли из строя,—во-вторых,—поскольку интервенция имела целью отторжение,—чтобы они отошли тем, кому надлежит, и, в-третьих, чтобы эти фабрики могли быть использованы еще в определенных целях.

Теперь скажите, в чем выражалась ваша работа вредительского порядка в текстильной промышленности? Насколько опускались ваши сведения по периферийному строению вредительской организации?

Подсудимый Куприянов. Наша группа ограничивалась районом Москвы, потому что было плановое вредительство, и в периферию не опускалась, тем более, что это было очень рискованно и опасно. Мы утратили связь с периферией. Работники там большей частью изменялись и нам были неизвестны. Эта группа, конечно, должна быть мне известна.

Крыленко. Например, Давыдова вы знали?

Подсудимый Куприянов. Фамилии такой не помню.

Крыленко. А Воронцова знали?

Подсудимый Куприянов. Он, собственно, в нашу организацию не входил.

Это был торговый представитель Иваново-ского треста.

Крыленко. Вы знали, состоит ли он во вредительской организации?

Подсудимый Куприянов. Не знал.

Крыленко. Вы слышали, какие разговоры шли о заведующих отдельными трестами?

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО СРЕДИ ИНЖЕНЕРОВ.

Подсудимый Куприянов. Я не знал, но тем не менее слышал, что в некоторых трестах, особенно во время нэпа, существовало взяточничество.

Крыленко. Взяточничество такого типа, о котором говорил Ситнин?

Подсудимый Куприянов. Я не знал персонально Воронцова, но всегда упоминалась его фамилия в связи с Иваново-ским трестом.

Крыленко. Что же, взяточничество—это общее явление среди инженерства?

Подсудимый Куприянов. Воронцов не инженер.

Крыленко. А вообще среди инженерства это явление очень распространено?

Подсудимый Куприянов. Нет, не распространено.

Крыленко. Мы имеем это явление по английской фабрике, по приемке и продаже хлопка. Лопатин—взяточник, Ангин—тоже, Штуцер — тоже, Суздальцев—тоже. Как кто-нибудь входит в какое-нибудь соприкосновение с фабриками, с заграницей, то обязательно взяточник. Это—бытовое явление в этой среде?

Подсудимый Куприянов. Я бы сказал, в последнее время—да.

Крыленко. Почему в последнее время? А раньше?

Подсудимый Куприянов. Это было не всегда.

Крыленко. Значит, выходит так, что при старом порядке, при капиталистическом режиме, инженеры совестились брать взятки, а при советском режиме считают это в порядке вещей?

Подсудимый Куприянов. Я бы сказал так, что при прежнем режиме трудно было получить, потому что хозяин сам близко стоял к финансовым делам.

Крыленко. Значит, не потому, что совестились, а просто трудно было взять?

Подсудимый Куприянов. Одним словом, этого явления не было.

Крыленко. Значит, это явление нового порядка? Теперь ответьте на вопрос относительно вашей работы вредительского характера.

МЕТОДЫ ВРЕДИТЕЛЬСТВА В ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Подсудимый Куприянов. На моей обязанности было составление годового плана производственной части. В составлении пятилетки я не участвовал. Пятилетку составлял специальный отдел — планово-экономическое управление ВТС, во главе которого в последнее время стоял Лебедев. Первую пятилетку, как я в прошлый раз показал, составлял Лопатин. Моей обязанностью было назначать технические показатели и составить в производственной части годовой план. При этом я должен сказать, что в смысле технических показателей никакого вредительства не было и быть не могло, потому что фабрики и тресты были уже настолько грамотны, что разбирались в этом, и даже хозяйственники разбирались, и трудно было что-нибудь сделать. Вредительство это было в последние годы в разрыве с сырьем. Первый разрыв получился в 1928 г. Тут фабрикам пришлось простоять некоторое время. Одни фабрики стояли 3 дня, другие—5 дней.

Крыленко. Значит, простой фабрик в 1928 г. был результатом вредительской работы?

Подсудимый Куприянов. Не то, что результатом, но мы знали, что такое количество хлопка, которое было намечено Главхлопкомом по союзному хлопку, получить трудно и нельзя получить, но ту цифру, которую нам дало планово-экономическое управление ВСНХ и планово-экономическое управление ВТС я принял без критики и вел ее как реальную цифру.

Председатель. А почему вы ее приняли без критики?

Подсудимый Куприянов. Я не мог ее критиковать, критиковал наш сырьевой отдел.

Председатель. А кто там был?

Подсудимый Куприянов. Там был Канцов.

Председатель. Тоже член организации?

Подсудимый Куприянов. Да.

Председатель. Критика тоже была в руках вредительских организаций?

Подсудимый Куприянов. Критика главным образом была в ВСНХ.

Председатель. А там кто был?

Подсудимый Куприянов. Там был Соколовский.

Председатель. Тоже член организации?

Подсудимый Куприянов. Он — член другой организации.

Председатель. Но все равно контрреволюционной организации?

Подсудимый Куприянов. Да.

Председатель. Значит, критика, куда ни кинь, везде была во вредительском освещении, и вы это знали?

Подсудимый Куприянов. Знал.

Председатель. И поэтому не критиковали?

Подсудимый Куприянов. Да, не критиковал. Это было в 1928—1929 г. Когда наступило время создавать годовой план на 1929—30 г., то урожай союзного хлопка был определен в 19 млн. пуд.

Председатель. Этот вопрос уже освещен.

Крыленко. О порядке разрыва мы знаем. Второй метод был в подготовке ассортимента и в рассылке его?

Подсудимый Куприянов. Ассортимент никогда не удовлетворял рынка, т. е. за все это время, и в 1927 г., когда ассортимент стал централизоваться в ВТС и все товары должен был получать ВТС и давать главным образом кооперации, мы столкнулись с этим делом. Разрыв был, разрыв этот всем нам был известен, и мы не принимали никаких мер, но разрыв этот один синдикат, конечно, не мог провести, и ассортимент этот согласовывался с Центросоюзом и с Наркомторгом. Спор был чисто формальный. В результате и Центросоюз и Наркомторг принимали наш ассортимент с маленькими поправками, он заведомо не вполне отвечал потребностям рынка. Со стороны Центросоюза участвовал главным образом Лапин, а со стороны Наркомторга,—я лично не ходил в Наркомторг, но туда ходил согласовывать Гайдамович.

ЩУПАЛЬЦЫ «ПРОМПАРТИИ» ПРОНИКЛИ В ЦЕНТРОСОЮЗ И НАРКОМТОРГ.

Крыленко. Значит, можно установить факт, что в таких органах, как Наркомторг и Центросоюз, вредителей-инженеров не было?

Подсудимый Куприянов. Там инженеров не было.

Крыленко. Там были вредители не инженеры?

Подсудимый Куприянов. Товароведы.

Крыленко. Может быть бухгалтеры?

Подсудимый Куприянов. Плановики.

Крыленко. Одним словом, ваша организация здесь распространялась не только на чисто-инженерные круги, но вообще на разного рода специалистов в смысле технических знаний?

Подсудимый Куприянов. Да.

Крыленко. Но та квалифицированная в техническом отношении верхушка — экономисты и товароведы—с банковцами не имела дела?

Подсудимый Куприянов. Главным образом, экономисты и товароведы.

Крыленко. В частности связь в ВСНХ была с экономистами Гинзбургом, Соколовским и другими?

Подсудимый Куприянов. У нас были другие лица, но связь была несомненно.

Крыленко. А щупальцы в этой области тоже были от ЦК «Промпартии»?

Подсудимый Куприянов. Не понимаю.

Крыленко. Вот в группе, скажем, Наркомторга по вопросу о хлопке?

Подсудимый Куприянов. Безусловно. Связь с Наркомторгом лежала на трех лицах: Гайдамовиче, Иоффе и Четверикове. Они согласовывали ассортимент. Тут говорили относительно того, что я принимал участие в рассылке товара. Текстильный синдикат этим делом не занимался. Это дело Наркомторга и Центросоюза, а связь у нас была через данных лиц. Делом этим заведывали: Гайдамович, Иоффе и Четвериков. Все сношения с Наркомторгом велись через этих лиц. Я знаю, что в Наркомторге и Центросоюзе были лица, которые принадлежали не к нашей, а к другой вредительской организации, и в этом отношении было соглашение.

Крыленко. И в торгпредстве, в агентуре, были свои лица, например, Штуцер и Лазаркевич?

Подсудимый Куприянов. Да, это по льняной промышленности.

Председатель. У защиты имеются вопросы? Тов. Оцеп.

Оцеп. Скажите, пожалуйста, Куприянов, если вам известно, сколько примерно, человек в текстильной организации получали взятки или, так называемый куртаж—двое—трое, или, пользуясь занимаемым государственным [illegible], большее количество?

Подсудимый Куприянов. Конечно, не двое или трое. Если двое—трое и получали деньги, то распределяли они между большим количеством членов. Так или иначе все взятки получали.

Оцеп. Теперь скажите, пожалуйста, кто получал по должности от высшей до низшей, от Федотова и кончая кем? Меня интересует не персонально, а по должности.

Подсудимый Куприянов. От Федотова, который прорабатывал вопросы стандарта, до инженеров, которые занимали самые обыкновенные места.

Оцеп. Но вы не можете указать примерное количество, скажем, их было 15 или больше?

Подсудимый Куприянов. Я думаю, больше.

Оцеп. Человек 20—25?

Подсудимый Куприянов. Я могу сказать только по хлопчатобумажной промышленности, а по льняной и шерстяной не могу сказать. Во всяком случае, больше.

Председатель. У защиты больше нет вопросов? Нет. У подсудимых имеются вопросы к подсудимому Куприянову? Нет. Подсудимый Куприянов, можете сесть.

Крыленко. Относительно порядка ведения заседания. Допрос свидетеля Сироцинского теснейшим образом связан с вопросами, которые мы сейчас разбирали, но тем не менее этот допрос или факты, которые мы сейчас затрагивали, будут несколько нарушать принятый порядок. Может быть, суд согласится со следующим предложением: считать вопросы вредительства вне связи с интервенцией законченными, если не будет возражений со стороны защиты. Сейчас подвергнуть исследованию, согласно принятому плану, вопросы вредительской работы в связи с интервенцией. Сюда войдут вопросы создания кризисов в специальных целях в 1930 г., во-вторых, вопросы сношения французской агентуры и действия по всем трем разделам, которые были установлены в Париже Рамзиным,—по шпионажу, диверсии и военной организации. По всем этим моментам допросить и Сироцинского и других свидетелей.

Председатель. Ваше предложение мы поняли таким образом, что у обвинения к остальным подсудимым—Ситнину и Очкину—вопросов в связи с вредительством нет.

Брауде. Мы не возражаем против предлагаемого порядка.

Председатель. Специальное присутствие Верховного суда Союза ССР определяет:

Считать вопросы, связанные с конкретными фактами вредительства, достаточно выясненными и в дальнейшем принять тот порядок, который был предложен государственным обвинением, и в этом порядке допросить свидетелей. Что касается допроса подсудимых, то его вести дальше в той мере, в какой это будет связано с указанными выше вопросами.

ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ «ВЕКСЕЛЕЙ».

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Крыленко. Мы с вами беседовали по вопросу о тех условиях, которые ставили вам в Париже Жуанвиль и Ришар, и о тех условиях, которые ставили им вы. Период конца 1928 г. и конца 1930 г.—это период реализации обеими сторонами выданных векселей. Вот мы сейчас рассмотрим порядок реализации этих векселей. Мы определили и согласились с вами в том, что четыре категории векселей были выданы вами—шпионаж, диверсия, изменническая работа в Красной армии и кризис в 1930 г. Эти векселя были выданы вами «Торгпрому». В свою очередь вам были обещаны соответствующие векселя со стороны «Торгпрома»—деньги и со стороны военных кругов—генерального штаба Франции. По первому векселю, выданному «Торгпрому», конкретно ЦК «Промпартии» сделал что-нибудь или не сделал, в какой мере ЦК «Промпартии» разделял убеждение или высказанное здесь заявление Осадчего о том, что он был вынужден в 1930 г. специально делегировать вас и Осадчего для взыскания с «Торгпрома», что по этому векселю обещанное не сдержано или сдержано не в полной мере? Сперва по этой части.

СДЕЛАЛИ, ЧТО МОГЛИ.

Подсудимый Рамзин. Поездка в Берлин в 1930 г. не носила характера специальной делегации для того, чтобы объяснить «Торгпрому» неисполнение обязательств «Промпартии» по тем обещаниям, которые она дала. Эта поездка имела цель путем личного свидания уточнить обстановку и выяснить дальнейшие шаги.

Теперь, что касается выполнения тех обещаний или тех заданий, которые были возложены на «Промпартию», то здесь дело обстоит таким образом. Работа по подготовке внутреннего кризиса была продвинута, и на результатах этой работы, я думаю, сейчас останавливаться не следует.

Крыленко. По подготовке чего?

Подсудимый Рамзин. По подготовке внутреннего кризиса экономического.

Крыленко. Мне важно установить—подробности не нужны—в области топливоснабжения было ли создано в определенной степени напряженное положение или нет?

Подсудимый Рамзин. Тогда позвольте перечислить конкретно.

В области топливоснабжения, как я [illegible] в своих показаниях и говорил здесь, задание было выполнено: в случае начала военных действий топливная катастрофа, особенно при наличии диверсионных актов по линии Москва—Донбасс, была бы неизбежна.

Такое же положение было и по металлу, т. е. опять-таки здесь был главный расчет на диверсионные акты по линии перерыва сообщения между Москвой и Донбассом.

Крыленко. Это потом.

Подсудимый Рамзин. Но это одно из звеньев. Но металлу была создана дефицитность, и металла нехватало для покрытия нормальных потребностей.

Крыленко. Хорошо, но эта нехватка—являлась ли она все же в полной мере реализацией того, что вы обещали?

Подсудимый Рамзин. Нет, но оценка степени этого кризиса может быть в значительной степени субъективной. Во всяком случае, в области металла положение было весьма напряженное, и в случае начала военных действий...

Крыленко. Опять «в случае»?

Подсудимый Рамзин. ... и прекращения доставки металла из Донбасса в Москву, металлический кризис разразился бы в полной мере.

Крыленко. Это опять-таки «если бы было». А в области энергетики?

Подсудимый Рамзин. В области энергетики я опять должен повторить, что кризис в основных пунктах имелся, и катастрофа в области энергетики считалась должна была вызываться совершением специальных диверсионных актов.

Крыленко. На чем же основывалось утверждение Осадчего? Было ли это субъективным мнением его или это было реальностью?

Подсудимый Рамзин. Нет, утверждение Осадчего нисколько не противоречит действительному положению дела и моему личному взгляду на этот вопрос, а также и всего ЦК «Промпартии», что возможность топливной катастрофы, перерыва электроснабжения несомненна, но целый ряд заданий, которые ставились по плану, угла при подготовке к интервенции, в той мере, которая требовалась, не был проведен. Во-первых, не была полностью развернута диверсионная организация и совершенно не была создана военная организация в тех формах, как этого требовал генеральный штаб.

Крыленко. Мне важно установить: мнение Осадчего в этой области, являлось ли оно мнением ЦК «Промпартии» или нет?

Подсудимый Рамзин. Мнение Осадчего, которое он высказывал здесь на суде,—потому что я только в первый раз здесь его слышал,—совпало с мнением ЦК «Промпартии» в этом направлении, что военная подготовка не была выполнена в той мере, как этого ожидали, но, во всяком случае, то, что могла сделать в этом направлении «Промпартия», она сделала. Что касается специальной подготовки к моменту интервенции, а именно военно-технических действий, диверсионной деятельности,—эта часть как раз не была подготовлена в той мере, как ожидал генеральный штаб.

Крыленко. А чем же объясняется тогда резкое недовольство, которое было высказано Денисовым?

Подсудимый Рамзин. Оно и шло по этой линии—по линии неподготовленности в области военных, диверсионных организаций. Я в своих показаниях говорил и писал, что мы получили в 1929 г., во второй половине, целый ряд писем от «Торгпрома» о том, чтобы ускорить всячески создание военных и диверсионных организаций. В личных беседах с агентами французской службы разговор постоянно касался того, что эта работа идет недостаточно сильно и быстро.

АРХИВА НЕ ЗАВЕЛИ.

Крыленко. Вы говорите: «в целом ряде писем».

Подсудимый Рамзин. Да.

Крыленко. А эти письма уничтожались?

Подсудимый Рамзин. Ну, конечно.

Председатель. А эти письма от кого к кому?

Подсудимый Рамзин. От «Торгпрома»...

Председатель. Что значит от «Торгпрома»?

Подсудимый Рамзин. Переписка происходила не между лицами, а между организациями.

Председатель. Кто писал эти письма?

Подсудимый Рамзин. Я говорю—письма от «Торгпрома» в ЦК «Промпартии» и обратно—от ЦК «Промпартии» в «Торгпром». От «Торгпрома» писали или Денисов, или Третьяков, или Нобель. Отсюда, когда я писал, я подписывался. Обычно письменные сношения велись мною лично.

Крыленко. Значит, письма уничтожались?

Подсудимый Рамзин. То, что мы получали, уничтожалось.

Крыленко. Жаль.

Подсудимый Рамзин. А где же было такой архив держать..?

Крыленко. Это уж ваше дело.

Мне важно все-таки установить вот это сообщение, о котором в такой категорической форме показывал Осадчий, было ли это его личное мнение, или и убеждение ЦК. Ведь надо считать так, что ЦК мог знать одно, говорить—другое.

ПЕРИОД «РАЗОЧАРОВАНИЯ».

Подсудимый Рамзин. В целом ряде показаний членов ЦК и моих собственных вы слышали, что ЦК «Промпартии» к лету 1930 г. окончательно убедился, что та работа, которую он вел, не дает полностью тех результатов, на которые рассчитывала «Промпартия» в области создания катастроф, экономических кризисов, в области создания недовольства в широких массах населения. Все эти ожидания осуществлялись.

Крыленко. Вы говорите о четвертом периоде?

Подсудимый Рамзин. Да.

Крыленко. Этот четвертый период в чем выражался?

Подсудимый Рамзин. В наступлении известного разочарования и неуверенности в своих силах под влиянием двух причин: во-первых, что результаты той работы, которую вела «Промпартия», оказались ниже ожиданий в области главным образом создания недовольства среди широких и крестьянских масс и в области экономических результатов самой вредительской работы. И, во-вторых, соображения относительно дорогой стоимости интервенции и невозможности реализации ее в следующем году, поскольку она была отменена на 1930 г.

Это были расхолаживающие моменты, которые создали в рядах «Промпартии» неуверенность в ее позициях.

Крыленко. Вы говорили в своих первых показаниях и на предварительном следствии о том, что приблизительно в начале 1930 г. создалось своеобразное новое течение, как вы говорили, которое даже дискутировалось у вас в ЦК. В чем оно выражалось?

Подсудимый Рамзин. Это новое течение выражалось в том, что возросший аппетит интервенции в смысле территориального захвата, в смысле экономических потерь, в смысле утери политической самостоятельности,—это совершенно ясно к этому моменту выяснилось. У целого ряда членов «Промпартии» это возбудило определенную реакцию против интервенции, как таковой, т. е. они считали, что цена контрреволюционного переворота слишком дорога, и необходимо искать другие средства для его выполнения.

Крыленко. Эти соображения, конечно, дают вам определенную характеристику,—цена дорога, аппетит большой, зависимость получается и т. д. Ну, а более объективные, политического характера результаты вы отмечали? Например, отсутствие недовольства в той форме, которую вы ожидали со стороны рабочих масс?

Подсудимый Рамзин. Да.

Крыленко. Осадчий, в частности, говорил о надеждах, которые связывались с политикой ликвидации кулачества как класса, с теми политическими актами, которые имели место весной 1930 г. Осадчий говорил о статье тов. Сталина, об исправлении извращения линии партии в области коллективизации. Этот факт, о котором так подробно говорил Осадчий, вами учитывался как реальный факт?

Подсудимый Рамзин. Я об этом и говорил, что ожидания в смысле недовольства населения не оправдались. О причинах этого я могу сказать только то, что говорил Осадчий.

Крыленко. В результате было обсуждение этого вопроса?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Обзор печати.

Англо-американские свидетели о французском империализме.

Английские консерваторы, вопреки предписаниям гигиены, щедро расходуют в последнее время свою нервную энергию. С бешенством следят они за тем, как разоблачаются планы интервентов и вредителей. С непаявистью распространяют они клевету, что процесс «Промпартии» является простой инсценировкой.

«Таймс» считает совершенно невозможным, чтобы Пуанкаре и К° могли готовить вооруженное нападение на Советский союз.

«Бессмыслица подобного рода могла бы быть принята с доверием только в сумасшедшем доме», — заявляется в редакционной статье от 27 ноября.

Редакция «Таймс», видимо, потеряла равновесие. Вместо серьезного рассмотрения важнейшего вопроса, к которому привлечено внимание всего мира, она отделывается далеко не остроумной, грубой руганью.

— Почему это кажется таким невозможным факт подготовки Пуанкаре-Войной вооруженного нападения на СССР? — в праве спросить мы. — Разве почетный мосье Раймонд, друг императора Николая, зарекомендовал себя принципиальным пацифистом? Разве не известна его роль в подготовке прошлой мировой войны и вся его позиция вооруженной защиты гегемонии французского империализма в Европе?

Факты, говорящие о вооруженном грабеже, систематически осуществляемом французским империализмом по отношению хотя бы Германии, настолько общеизвестны, настолько очевидны, что заподозрить в некоторой «ненормальности» можно скорее тех, кто их не замечает...

...войне, является непримиримость французской позиции. «Экономист» считает не совсем удобным

«вступать в спор с нашими собственными старыми союзниками», но, несмотря на это, вполне определенно говорит, что **«Франция, и ее союзники, не хочет отказаться от превосходства своей военной силы над силами других держав континентальной Европы».**

«Отказ разоружиться и отказ от пересмотра мирных договоров связаны друг с другом», — заявляет «Экономист» и рисует будущее в следующем виде: **или пересмотр французской политики и изменение ее или новая мировая война.**

Как видим, эта постановка вопроса почти буквально совпадает с тем, что говорит «Нью-Йорк Таймс». Совпадение идет настолько далеко, что «Экономист» тоже начинает искать внутри Франции силы, которые могли бы изменить гибельную политику ее правительства. Такие силы, по мнению «Экономиста», имеются налицо. Неизвестно только, в состоянии ли они уже сейчас оказать решающее влияние на ход событий. Многое зависит от того, что скажет Великобритания. И тут «Экономист» высказывает свое решительное недовольство позицией, которую занял английский представитель в Женеве лорд Сесиль.

Из соображений времени, места, цели и т. д. мы не последуем за «Экономистом» в разборе позиции лорда Сесиля. Ограничимся самым важным. Влиятельнейший «Экономист», очень далекий от большевизма, говорит ясно и точно: **политика Франции готовит войну.**

Голос «Экономиста» в Англии не одинок. 28 ноября даже в органе рабочей...

[Остальной текст статьи на странице неразборчив.]

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

ПРАВЫЕ И «ЛЕВЫЕ» ОППОРТУНИСТЫ И ПРИМИРЕНЦЫ К НИМ ТОРМОЗЯТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ.

ВОН ИЗ РЯДОВ ПАРТИИ АГЕНТОВ КУЛАКА, ПОСОБНИКОВ ВРЕДИТЕЛЕЙ!

ПЛОДЫ ПРАВЫХ ДЕЛ В МОЗО.

Осенняя посевная и уборочная кампании по Московской области благодаря правильному большевистскому руководству МК ВКП(б) и активному участию всей парторганизации были проведены как массовые хозяйственно-политические кампании. Эти кампании прошли под знаком дальнейшего развертывания коллективизации и наступления на кулака, **борьбы со всеми проявлениями оппортунизма — и в первую очередь против правого оппорту...**

...полное неиспользование фондов бедноты в МОЗО и значительные остатки бедняцких кредитов по областным союзам.

Крайне неудовлетворительно поставлена работа по производственному кооперированию и контрактации посевов. Если на 1 октября 1929 г. производственное кооперирование составляло по области 43 проц., то на 1 октября 1930 г. оно составляет всего лишь 10,76 проц., а планом облисполкома предусмотрено...

[неразборчиво]

В 1930 году институт вместе с другими институтами Академии приступил к выполнению крупнейшей работы по заданию НКЗ СССР — плана производственной специализации и районирования сельскохозяйственного союза. К участию в этой работе были привлечены и профессора, оказавшиеся вредителями — Челинцев, Макаров и Рыбников. Во главе работы все время стояли коммунисты, активно и по-деловому руководившие работой.

Из изложенного видно, что и работе...

...тические ошибки тт. Я. Анисимова и аспиранта Николаева, которые свои ошибки признали. Таков перечень наиболее ярких проявлений правого оппортунизма в ячейке НИОКСХЭ.

Вместе с тем в ячейке имеются товарищи, допускающие ошибки в форме огульного отрицания всего положительного, что было проделано институтом и его партийной организацией в борьбе с чаяновщиной, в стремлении вымазать «черной краской» чаяновщины всю работу партийной организации, в «крач...»

[неразборчиво]

...элементов; усилить большевистскую непримиримость ко всяким правым и «левым» извращениям линии партии в теории и на практике; до конца очистить аппарат института от всех остатков чаяновского влияния; со всей энергией взяться за учебу и исследовательскую работу по коренным проблемам социалистической реконструкции сельского хозяйства.

ДАВ. ЛУРЬЕ.

ЗА РАЗВЕРНУТУЮ САМОКРИТИКУ.

[Текст статьи неразборчив.]

АРХИПОВ.

ОТЧЕТНО-ПЕРЕВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ В КОЛХОЗАХ — МОЩНЫЙ РЫЧАГ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПОД'ЕМА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ КОЛХОЗЦЕНТРА СССР.

1. Отчетно-перевыборную кампанию провести в колхозах с 1 января по 1 февраля 1931 г. Республиканские, краевые (областные) и районные с'езды колхозов проводятся до 15 февраля после соответствующих с'ездов советов.

2. В отдельных колхозах и даже отдельных районах, где основная масса колхозов организовалась осенью 1930 г. по решению колхозсоюзов (республиканских, краевых и областных колхозсоюзов в отношении районов и райколхозсоюзов в отношении колхозов), перевыборы руководящих органов не производятся, за исключением тех случаев, где правления колхозов не обеспечивают руководства и укрепления колхозов или где выборы правлений произведены неправильно.

3. Основным заданием отчетно-перевыборной кампании должно быть:

а) Подведение итогов истекшего хозяйственного года, подготовка к новому и, в первую очередь, к весенней посевной кампании 1931 г.

б) Установление окончательных результатов распределения доходов и урожая 1930 г. в колхозах.

в) Обеспечение правильной организации производства и труда в колхозах на основе годовых производственно-финансовых планов, развитие производственной самодеятельности колхозников, их хозяйственной инициативы в преодолении недостатков в работе колхозов, мобилизация колхозников на выполнение и перевыполнение, на основе встречных планов, государственных заданий, решительный перелом в развитии коллективного животноводства и технических культур наряду с дальнейшим развертыванием зернового хозяйства...

[неразборчиво]

к) Развертывание мероприятий по перерастанию первичных форм коллективного хозяйства в высшую форму коллективизации (простейших производственных об'единений в тозы, тозы в артели).

л) Усиление связи колхозов с МТС и совхозами.

м) Подбор и усиление руководящих кадров колхозов и колхозсоюзов.

В части подбора и усиления руководящих кадров колхозной системы на основе перевыборов необходимо: а) обеспечить руководящую роль в органах управления и контроля в колхозах за батрацко-бедняцкими кадрами колхозников, проявивших себя в качестве умелых организаторов хозяйства и отличившихся высокой производительностью труда, в первую очередь ударников; б) обеспечить активное участие в руководстве колхозом и в организации коллективного производства колхозников из середняков.

Добиться решительного перелома в деле выдвижения женщин-колхозниц на руководящую работу в колхозах.

Обеспечить наиболее полное использование и закрепление 25-тысячников на руководящей работе в колхозах.

Выдвинуть на работу в руководящие органы союзных звеньев проявивших себя на низовой работе колхозников, колхозниц и 25-тысячников.

Наряду с этим перевыборы должны быть использованы для очистки руководящих органов колхозов от социально чуждых элементов и замены работников бесхозяйственных, не умеющих проводить правильно классовую линию в колхозном строительстве, проявивших себя неспособными руководить колхо...

[неразборчиво]

...руководстве колхозов и мобилизация колхозных масс в дальнейшее наступление на кулачество и на ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

п) Укрепление связей колхозов с единоличниками, батрацко-бедняцкими и середняцкими хозяйствами.

р) Широкое вовлечение в колхозы новых членов и борьба с правооппортунистической практикой, хвостизмом и самотеком в этом вопросе.

...по составлению годовых отчетов за 1930 г. и производственных планов на 1931 г. в колхозах провести между 10 и 20 декабря совещания выделенных на отчетно-перевыборную кампанию работников при районных центрах или при более крупных колхозах и в центрах МТС.

Председатель правления Колхозцентра СССР и РСФСР ЮРКИН.

Со всех концов Советского Союза.

(По радио, телеграфу и телефону от собственных корреспондентов, ТАСС и Роста).

ЗАЛЕЖИ ТРИЕРОВ В ВОРОНЕЖЕ. Юго-Восточная жел. дорога резко уменьшила подачу вагонов для отправки триеров с завода им. Сталина (Воронеж). В результате на заводе скопилось свыше 6 тысяч триеров.

НА УРАЛЕ ЗАКРЫВАЮТСЯ РАБОЧИЕ КЛУБЫ. Ликвидация клубов на Урале принимает угрожающие размеры. В Свердловске закрыт клуб связистов. Новый клуб совторгслужащих отведен под курсы счетоводов, стенографов и бухгалтеров. Рабочий клуб Верхисетского завода занят завкомом.

Наскоки на клубы продолжаются повсеместно. Культсектор уралпрофсовета никакого отпора «походу на клубы» не дает.

СОВЕТСКИЕ ГЕНЕРАТОРЫ МОЩНОСТЬЮ В 77 ТЫС. КИЛОВАТТ. Ленинградский завод «Электросила» приступил к изготовлению гидрогенератора для Днепростроя мощностью в 77 с половиной тыс. киловатт. Этот генератор должен быть готов через три месяца. Вслед за ним завод изготовит еще три таких же генератора для Днепростроя.

ГНИЮТ И РЖАВЕЮТ ЦЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Налет ударных бригад на ряд предприятий Минска выявил, что на складах, дворах и заводах гниют, ржавеют и портятся ценные материалы. На заводе «Энергия» найдено 53.700 кило листового железа (при квартальном его расходе в 14.400 кило), 27.800 кило 12-миллиметрового железа, совершенно ненужного заводу, 14.400 кило полосового железа (при годовой потребности 50 кило), 1.434 кило стали (при месячном расходе 27 кило). В артели «Единение» лежат уже 10 месяцев без использования 4 вагона ольховых стройматериалов и 1.800 кубофутов дубовых досок (при месячной потребности в 40 кубофутов), 9.000 кубофутов сосновых и ольховых досок (при месячной потребности в 150 к. фут.).

РАЗВЕДЕНИЕ ЖЕМЧУЖНЫХ РАКУШЕК. Научно-исследовательская станция на Кончозере (в Карелии) организует разведение жемчужных ракушек в естественных условиях. Для этого в проточные пруды станции будут перенесены из реки Немены сохранившиеся там до сих пор ракушки, дающие жемчуг.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ с прискорбием сообщает о безвременной кончине

тов. Евгения Савельевича ЛЕВИНА,

первого секретаря полномочного представительства СССР в Италии, последовавшей в г. Риме 5 декабря.

Кремация состоялась в г. Риме 7 декабря.

МК ВКП(б) 9 декабря, в 7 час. веч., созывает общемосковское собрание агитаторов, пропагандистов в активе. Собрание состоится в Доме союзов — Колонный зал.

Главлит № А 66363. Типография газеты «Правда», Москва, Тверская, 48.